

В. Сторасев

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

ИЗДАВАЕМЫЯ

графомъ И. ТОЛСТЫМЪ и Н. КОНДАКОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

КУРГАННЫЯ ДРЕВНОСТИ и КЛАДЫ ДОМОНГОЛЬСКАГО ПЕРІОДА.

Съ 225-ю рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

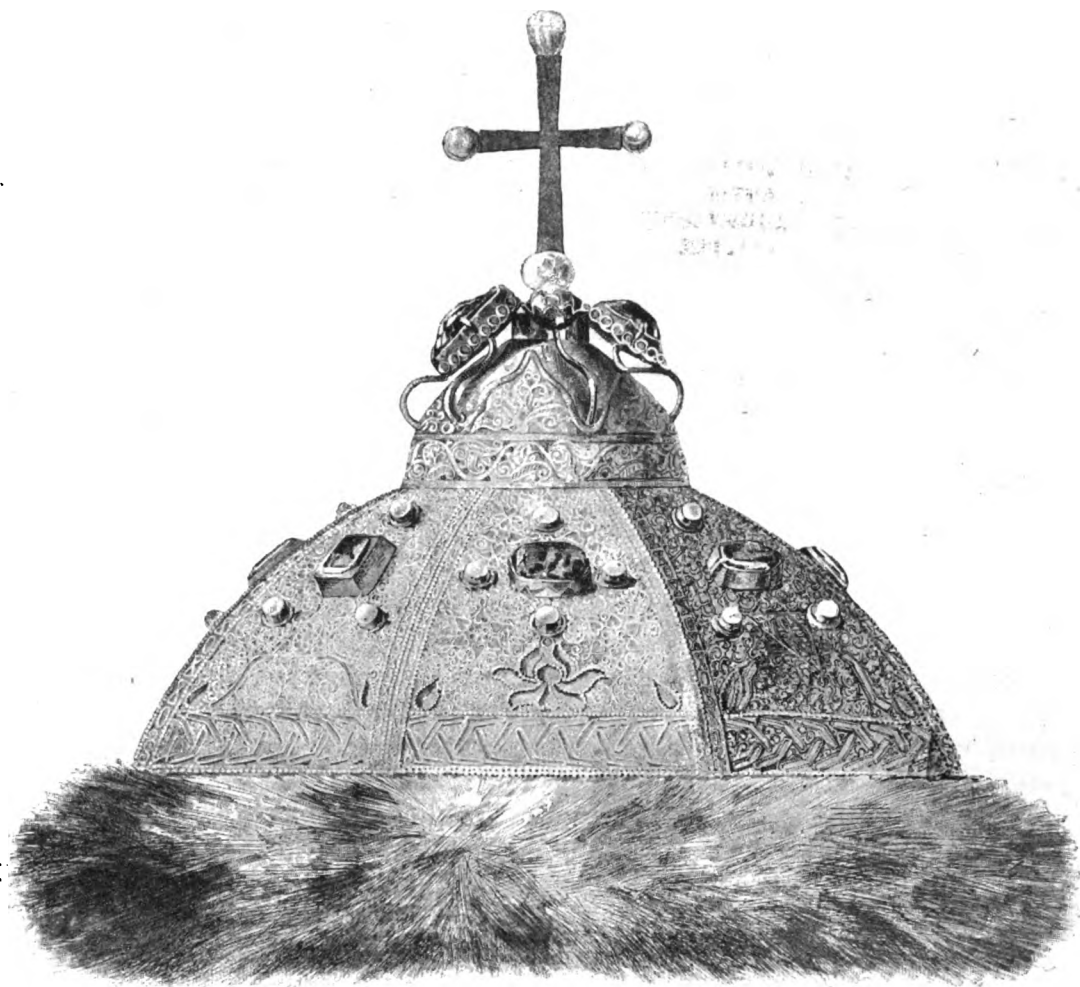
1897.

Arc 920.207 F

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
OSWALD CARY COOLIDGE
JULY 1. 1922

Дозволено цензурою 18 Января 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бенке, Новый пер., домъ № 2.

1. Шапка Мономахова.

Жизнь и бытъ древней Руси въ эпоху до нашествія Монголовъ представляютъ картину наиболѣе темную для историка, рисующаго доселѣ внутреннее состояніе русскаго общества въ это время сѣрыми, безжизненными тонами общихъ мѣстъ на темномъ фонѣ примитивнаго варварства. Какъ-бы безмолвное согласіе, установившееся издавна, и общій отказъ отъ надежды найти въ этой жизни какіе-либо важные интересы примиряютъ, въ данномъ случаѣ, между собою всѣхъ теоретиковъ. Изъ нихъ одни довольствуются мнимымъ безличіемъ русской культурной среды, оживленіе которой будто-бы произошло, лишь благодаря боевой, подвижной норманнской дружинѣ, другіе — устанавливають теоретически однообразіе жизни и земледѣльческаго быта на всей восточной европейской равнинѣ, предполагая необыкновенно быстрое сложеніе Русскаго государства, и видятъ, потому, въ самомъ однообразіи быта причину могущественнаго роста націи. Но еще такъ недавно мы совершенно не знали собственно Русскихъ курганныхъ древностей, и даже не болѣе двадцати лѣтъ назадъ принуждены были, для изображенія русскаго быта въ древнѣйшую эпоху, пользоваться однимъ тогда суще-

ствовавшимъ изслѣдованіемъ быта Мерянъ; теперь русскіе музеи наполняются обширными собраніями древностей и отовсюду притекающими находками, ожидающими своихъ изслѣдователей, которые раскроютъ живую картину широко раскинувшейся и разнообразной жизни племенъ, обитавшихъ на обширномъ пространствѣ Европейской Россіи.

Хотя и правда, что древняя русская промышленность, въ общемъ, сосредоточивалась въ обработкѣ естественныхъ богатствъ земли и добываніи произведеній природы, или сырья всякаго вида, однако, этотъ общій земледѣльческій характеръ страны вовсе не исключалъ собою развитія ремеслъ и всякаго рода мастерства. Пусть заводской и фабричной промышленности, въ строгомъ смыслѣ, не существовало въ древнее время, по той простѣйшей причинѣ, что природныя богатства страны были велики, городовъ же было мало, и они носили исключительно характеръ укрѣпленныхъ центровъ, но именно тѣмъ шире развивался мелкій, кустарный промыселъ всякаго рода, рождая въ народѣ ту сметку и навыкъ, которые нигдѣ не составляютъ исключительнаго надѣла племени, а являются лишь результатомъ долгой привычки или культуры. Потребность во всякаго рода производствахъ развивалась всего болѣе отъ соприкосновенія съ разнообразными племенами, населявшими русскія окраины, и если отсутствовала, въ собственномъ смыслѣ слова, торговля и не могло образоваться накопленія богатствъ въ денежныхъ знакахъ, которые продолжали оставаться рѣдкими и высокой цѣны, то изъ этого несправедливо дѣлать выводъ, что потребность въ мастерахъ и ремесленникахъ ограничивалась однимъ высшимъ кругомъ общества. Древняя русская ремесленная промышленность уже потому не имѣетъ сходства съ современною намъ сельскою промышленностью, что была, конечно, гораздо болѣе

2. Аббасидскій диргемя 772 года.
(Монета, обращавшаяся въ Россіи.)

разнообразна, за отсутствіемъ фабрикъ, и археологія намъ доказываетъ, что эта древняя промышленность стояла гораздо, сравнительно, выше, чѣмъ теперешняя сельская промышленность, сводящаяся за послѣднее время, главнымъ образомъ, къ обработкѣ матеріала для городской мануфактуры. И если совершенно вѣрно, что общее благосостояніе русскаго народа было болѣе удовлетворительно до XV вѣка, чѣмъ въ XVI

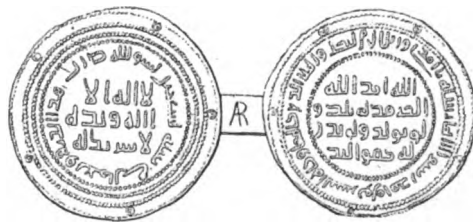
и XVII, а въ періодъ до-монгольскій стояло гораздо выше, чѣмъ со времени татарскаго нашествія, то очевидно, что это зависѣло не отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ, въ родѣ оскуднѣнія лѣсовъ звѣрями, а рѣкъ рыбою или уменьшенія урожайности земли. Напротивъ того, причины этого явленія заключались въ постепенномъ стѣсненіи торговли, вслѣдствіе тяжелой борьбы противъ наседавшихъ отовсюду враговъ, въ стѣсненіи возможности обмѣниваться своими произведеніями. Вотъ почему, дѣйствительно, въ періодъ монгольскаго владычества или позже, въ XIV и XV вѣкахъ, не замѣтно усовершенствованія промышленныхъ производствъ, а напротивъ, даже въ отношеніи одежды, украшеній и построекъ, легко можно было-бы установить фактъ нѣкотораго пониженія. Это и заставило

вновь обратиться къ первоначальному источнику культуры—Византіи, при первой возможности возобновленія сношеній съ нею. Въ приходѣ заграничныхъ мастеровъ для кладки самыхъ обыкновенныхъ каменныхъ церквей въ этомъ періодѣ слѣдуетъ видѣть скорѣе то-же умаленіе мастерства и ремесль, чѣмъ повышеніе ихъ.

Можно-ли, поэтому, принимать безъ должной критики и даже отпора тѣ заключенія о первобытности обычаевъ, нравовъ и быта древней, до-монгольской Руси, которыя наши историки дѣлаютъ, хотя-бы на основаніи нашей начальной лѣтописи?

«Славяне—говоритъ начальный лѣтописецъ—имѣху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданія, кождо свой норовъ; поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣяху; брачный обычай имяху, не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что владуче; а древяне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядыху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвици; и родимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуше все не чисто; срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. И схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, снєю же кто съвѣщевашеся; имяху же по двѣ и по три жены; аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику и възложатъ на кладу мертвеца, сожъжаху, и по семь собравше кости, вложяху, въ судину малу и поставяху на столпѣ на путяхъ, еже творять вятичи и нынѣ; си же творяху обычая кривичи, прочи и поганин, не вѣдуше закона божія, но творяше сами сѣбѣ законъ, яко же се и при насъ нынѣ половци законъ держатъ отецъ своихъ кровь проливати и хваляще о сихъ, ядуше мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, поимають мачехи своя, ятрови и ины обычая отецъ своихъ; мы же християне, елико земль, иже вѣрують въ святую троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ».

Эта извѣстная характеристика славянскихъ племенъ начертана нашимъ лѣтописцемъ по принятымъ, со временъ христіанства, взглядамъ: осуждены язычники, благословляются христіане, за добрые нравы и за добрую жизнь, и и несомнѣнно, что выраженные здѣсь взгляды отвѣчаютъ, до извѣстной степени, реальности, бытовымъ чертамъ характера различныхъ племенъ. Но добрые нравы и чистые обычаи не тождественны съ культурою народа, которая и въ языческомъ періодѣ, по различнымъ причинамъ, могла стоять высоко, и если культура, дѣйствительно, выгодно отличала Полянъ, имѣвшихъ кроткій обычай, то, на основаніи «дикихъ» точнѣе, по нашему — языческихъ или, что тоже, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова —

3. Диргеми Умейадскій, 708 года.

«народныхъ, національныхъ» обычаевъ Древлянъ и особенно Кривичей (напримѣръ Новгородскихъ или Смоленскихъ), нельзя заключать о «примитивномъ» образѣ жизни славянскихъ племенъ. Иначе получаются явныя противорѣчія. Такъ, если изслѣдованіе о промыслахъ древней Руси начинать съ извѣстія лѣтописи, что наши предки въ языческую эпоху жили въ лѣсахъ, что Кій съ братьями ловилъ звѣрей въ лѣсахъ днѣпровскихъ, то, рядомъ съ этимъ, таже лѣтопись сообщить намъ о ловахъ княжескихъ, совершавшихся въ разграниченныхъ, заповѣдныхъ лѣсахъ, что будетъ совершенно несомнѣнимо съ какою-либо примитивностью. Княжьи дворы Святослава, Ольговичей, Юрія Долгорукаго хорошо знали «пардуса» — леопарда, рѣдкаго барса, которыхъ получали, конечно, изъ Византіи или съ Востока, для высшей любительской охоты на звѣрей и животныхъ: охота съ дрессированнымъ барсомъ представлена на фрескахъ лѣстницы Кіевской Софіи,

4. Норманнское подражаніе диргема.

а изъ византійскихъ церемоніаловъ узнаемъ о существованіи при дворахъ особыхъ охотниковъ съ учеными барсами. Что касается специальныхъ промысловъ дорогими мѣхами, то, какъ извѣстно, они составляли и въ древности удѣлъ только нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностей, какъ рыболовство, бортничество, скотоводство и другія формы пользованія естественными богатствами природы. Напротивъ того, земледѣліе, видимо распространялось съ самимъ славянскимъ населеніемъ, какъ его основное занятіе, даже въ лѣсной глуши Древлянъ и болотахъ Дреговичей: колонизація, вызовъ или насильственный приводъ рабочихъ рукъ вызывается всякимъ завоеваніемъ съ цѣлью обработки земли; земель было до XVI вѣка еще такъ много свободныхъ и непочатыхъ, что почва нигдѣ не удобрялась.

Особенно важно, что вся масса древностей, открытыхъ и открываемыхъ вновь, обыкновенно совершенно случайно, вслѣдствіе мѣстныхъ показаній, вслѣдствіе необходимости разслѣдовать могильникъ, или размытый весенними дождями, или обнаруженный находчиками, уже теперь, при множествѣ всякаго рода пробѣловъ, если и не укладывается въ связную систему, о чемъ пока невозможно и помышлять, то все-же поражаетъ наблюдателя своею видимою цѣлностью, своимъ ощутимымъ единствомъ. Мы должны выдѣлить изъ этой массы разсмотрѣнныя нами уже древности Южной Россіи, какъ эпохи до Рождества Христова, такъ и время переселенія народовъ, слѣдовательно, все, найденное въ мѣстностяхъ предгорій Кавказа, Крыма, береговъ Дона и частию Волги въ нижнемъ ея теченіи, а также и степей малорусской и новороссійской окраины. За исключеніемъ всѣхъ этихъ мѣстностей, область русскихъ древностей представить намъ вообще періодъ отъ VI по XII столѣтіе включительно, при чемъ, какъ увидимъ, едва-ли не главное богатство открываемыхъ находокъ придется на IX—XI вѣка, т. е. на главную эпоху расселенія и распространенія русскихъ Славянъ, по всему пространству Европейской Россіи, отъ Балтійскаго поморья до Крыма и горъ Кавказа, въ связи съ совершавшимся тогда образованіемъ русскаго общества и распространеніемъ русскаго государства.

Задолго до памяти исторіи область западной Двины получила славянское

населеніе и приобрѣла торговый центръ въ Новгородѣ, получившемъ значеніе посредника между Россією и западной Европою. Но если мы выдѣлимъ изъ сѣверо-западныхъ древностей тотъ отдѣлъ, правда, довольно обильный и разнообразный, который приходится на эту древнѣйшую эпоху, то основная и главная ихъ масса примкнетъ настолько тѣсно къ обще-русскимъ древностямъ, что не разъ приходится указывать на сходство предметовъ, на тождество техники и формъ, напримѣръ, серегъ, находимыхъ въ Казани и Калишѣ, подвѣсокъ и украшеній Люцинскаго и Тамбовскаго могильниковъ, на одинаковое обиліе серебряныхъ гривенъ въ находкахъ Витебской и Виленской губерній, съ одной стороны, и Вятской, съ другой. Для археолога становится очевиднымъ, что если великій водный путь начинался именно въ Новгородской области, по Волхову и Ильменю, по Ловати и пр., то это былъ не болѣе, какъ путь торговый и путь дружинъ, собственно путь изъ Варягъ въ Греки; хотя на этомъ пути мы встрѣчаемъ замѣчательные могильники (напр. въ Гнѣздовѣ, Смоленской губерніи), но не по этому пути шло главное движеніе славянскихъ племенъ. Предѣлами Новгородской области являются волоки между системами рѣкъ Западной Двины, Днѣпра и Волги. Но именно къ Востоку и Юго-Востоку, по преимуществу, славянское племя начало спускаться, переходя волоки и выселяясь на другія рѣчныя системы, прежде всего, по причинѣ незначительности земледѣльческаго населенія верховьевъ Волги, въ мѣстностяхъ Торжка, Волока Ламскаго и Бѣжецка, откуда Новгородскія колоніи, какъ извѣстно, расходились далеко по Волгѣ, до Уральскаго хребта, по Сѣверной Двинѣ и въ Чудь «Заволоцкую». Новгородская область, по характеру климата и почвы, дѣлится на двѣ половины: сѣверо-восточную и юго-западную; первая болотиста и лѣсиста, низменна и была занята тогда, какъ отчасти и теперь, финскимъ племенемъ, древности котораго въ такъ-называемой Вотской Пятинѣ и сосѣднихъ частяхъ намъ хорошо извѣстны (уѣзды: Петергофскій, Царскосельскій, Ямбургскій, Гдовскій); вторая выше, плодороднѣе, была занята славянами; своего хлѣба имъ, однако, никогда не хватало, а потому область была всегда въ зависимости отъ низовой земли по подвозу зерна, а по торговлѣ отъ Востока. Если къ этому присоединимъ особую группу древностей южнаго приладожья и скрещиваніе культуры скандинавской, притекавшей съ сѣвера, то станетъ понятно обиліе и разнообразіе такъ называемыхъ культурныхъ вліяній въ области Ильменскихъ Славянъ и Кривичей, въ этомъ сѣверо-западномъ углу древней Руси, врядъ-ли въ чемъ уступающихъ, въ этомъ отношеніи, югу. Для сосѣдней съ Новгородомъ Двинской области, въ послѣдствіе Полоцкаго княжества, особенно характернымъ представляется Люцинскій могильникъ и тѣсныя связи его формъ съ восточными или поволжскими могильниками: бѣдность природы неплодороднаго Полоцкаго княжества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобства сообщенія съ моремъ и востокомъ вызвали здѣсь своего рода транзитный путь заморской русской торговли. Древности Люцинскаго могильника

5. Серебряная монета Василия II и Константина XI (зятевей Св. Владиміра) 976—1025 г.

еще можно, съ извѣстною долею вѣроятности, приписывать смѣшанному славянскому населенію, тогда какъ Невельскій кладъ, по своему сходству, почти тождеству, съ Гнѣздовскимъ могильникомъ (Смоленскаго уѣзда) указываетъ уже на торговые и военные пути варяжскихъ и славянскихъ дружинъ. Эти пути умножаются къ югу по Днѣпру и его притокамъ: раскопки въ землѣ Дреговичей обнаружили древнія поселенія: по Березинѣ, въ уѣздахъ Борисовскомъ, Бобруйскомъ, по Днѣпру въ Быховскомъ, Рогачевскомъ и Рѣчицкомъ, по Сожу въ Мстиславскомъ и Климовичскомъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, въ землѣ Сѣверской, по Деснѣ, и въ землѣ Радимичей, по р. Сожу, въ уѣздахъ Стародубскомъ, Суражскомъ и Новозыбковскомъ, находки въ курганахъ и могильникахъ отличаются замѣчательнымъ сходствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно находкамъ въ землѣ Древлянъ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, по Припети и пр., также и бѣдностью и крайнимъ однообразіемъ. При всей характерности древностей Сѣверянъ и Древлянъ, нельзя не отмѣтить этой скудости, которая, очевидно, столько-же зависитъ отъ бѣдности лѣсистаго края, сколько отъ отсутствія торговли и поздняго расселенія, совпавшаго съ распространеніемъ христіанства.

6. Норманнская копія монеты Василя и Константина.

Кіевская область или собственная Русь была издревле самою богатою мѣстностью изъ всѣхъ восточно-славянскихъ земель, какъ плодородіемъ, такъ и торговлею, которая велась по Днѣпру съ Византією и верхними землями. Поэтому, какъ увидимъ, Кіевъ есть пунктъ самыхъ обильныхъ и драгоценныхъ находокъ, притомъ древнѣйшей эпохи, напр. уже VII вѣка, и кіевскія древности представляютъ по преимуществу воспроизведеніе византійскихъ образцовъ, предметовъ и формъ, такъ что могли бы составить отдѣлъ «русско-византійскихъ» древностей. Съ другой стороны, Кіевская земля была всегда пограничнымъ, военнымъ поселеніемъ, близкимъ къ степи, къ кочевью, и потому, послѣ обильныхъ находокъ въ собственномъ Кіевѣ, мы встрѣчаемся съ сравнительно бѣдными находками въ его окрестностяхъ, Каневскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, а по другой сторонѣ — въ Переяславскомъ; затѣмъ южнѣе находокъ русскихъ древностей IX — XI вѣковъ уже не встрѣчается, такъ какъ тамъ начиналась мѣстность, мѣнявшая своихъ жителей съ каждымъ временемъ года, земля разныхъ кочевниковъ, Торковъ, Печенѣговъ, Половцевъ и Татаръ.

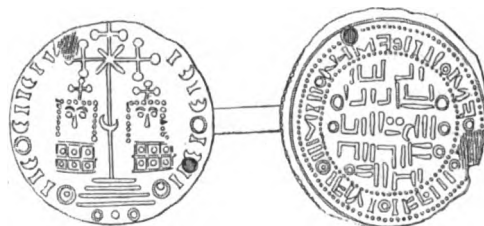
Различить древности отдѣльныхъ кочевыхъ народовъ въ курганныхъ находкахъ южной Россіи мы доселѣ не въ состояніи, хотя, согласно показаніямъ Рубруквиса, можемъ относить къ Половцамъ извѣстныхъ каменныхъ бабъ, ставившихся ими на вершинахъ кургановъ, а потому должны были бы приписывать половецкое происхожденіе многимъ курганнымъ линіямъ и группамъ юга, равно какъ и нѣкоторымъ, особенно выдающимся по своей оригинальности находкамъ (серьгамъ со звѣздчатыми бусами большаго размѣра), встрѣченнымъ одновременно въ Ставропольской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ.

Что особенно любопытно, граница однородныхъ археологическихъ находокъ идетъ приблизительно отъ Кременчуга наискось къ Харькову, Воронежу и Тамбову, отрѣзывая въ одну сторону издревле земледѣльческую область отъ степ-

ной, отъ кочевья, и, равнымъ образомъ, мѣстность съ большею населенностью отъ слабонаселенной даже въ настоящее время юговосточной окраины. Характерно и то, что Донская область, игравшая такую видную роль въ исторіи переселенія народовъ въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры, извѣстна и въ археологіи этого періода блестящими находками золотыхъ конскихъ и личныхъ уборовъ съ гранатами, тогда какъ въ кіевскій періодъ она остается совершенно открыто историческимъ мракомъ, ничѣмъ доселѣ не заявивъ своего прошлаго въ находкахъ, какъ будто густыя толпы кочевниковъ, приходившія на берега Дона, ничего по себѣ не оставляли въ степяхъ.

Въ предѣлахъ земледѣльческой полосы мы можемъ отмѣтить двѣ области: Муромо-Рязанскую (губ.: Рязанская, часть Тамбовской и Владимірской до Мурома)—бывшую землю Вятичей и поселенія инородческаго, частію занятыя славянами, и землю Владиміро-Суздальскую (губ.: Московская, Владимірская, Нижегородская, Ярославская и Костромская), бывшую Ростовскую область при самомъ началѣ образования русскаго государства, вѣтвь славянства Новгородскаго. Въ первой области встрѣчаются поселенія по р. Окѣ и ея притокамъ: Цнѣ и др.; во второй—область верхней Волги отъ Рыбинска до Казани (до Камскихъ или Волжскихъ Болгаръ), стало быть, въ первомъ случаѣ—область сначала славянскихъ поселеній, а затѣмъ смѣшанныхъ съ инородческими, а во второмъ—поволжскія славянскія поселенія среди сплошнаго инородческаго племени. Промежуточными мѣстностями являются, съ одной стороны, Курская область, часть Сѣверской земли, примыкающая, по своимъ находкамъ, къ Черниговской области, а съ другой Тверское княжество, примыкающее къ Новгородской области.

Древности бассейна Оки представляютъ слой наиболѣе ранній, причемъ ихъ основной восточный типъ несомнѣненъ, и потому для насъ является весьма важнымъ то обстоятельство, что этотъ восточный типъ усиливается, его элементы, видимо, умножаются внизъ по теченію Оки, вмѣстѣ съ умноженіемъ инородческихъ поселеній. Находки Орловскаго, Чернскаго, Болховскаго, Бѣлевскаго, Лихвинскаго и Епифаньскаго уѣздовъ носятъ на себѣ характеръ болѣе славянскій, а замѣчательные предметы, украшенные эмалью, изъ Мощинскаго Городца, въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, примыкаютъ къ древностямъ сѣверозападнаго и частію югозападнаго края; чисторусскій характеръ имѣютъ, весьма понятно, почему, находки на мѣстѣ Старой Рязани. Собственно восточный характеръ становится ясенъ въ находкахъ Касимовскихъ и Муромскихъ: изъ послѣднихъ Курманскій могильникъ представляется наиболѣе замѣчательнымъ по соотвѣтствію съ могильниками въ области, нѣкогда занятой Буртасами (Мордвою), и нынѣ еще не вполне очистившейся отъ инородческаго элемента: таковы могильники Лядинскій въ Тамбовскомъ и Томниковскій въ Шацкомъ уѣздахъ. Этого типа древности имѣютъ

7. Норманнская копія: съ лиц. ст. — монеты Василя и Константина; съ об. — диргема.

явное родство съ поволжскими, открываемыми въ послѣднее время въ Балахнѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Макарьевскомъ уѣздѣ, въ Спасскѣ — мѣстности древней столицы Волжскихъ Булгаръ, Сенгилеевскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ. Переходъ къ нимъ представляютъ древности, открытыя на среднемъ теченіи Волги, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ. Благодаря своему положенію, хорошо стала извѣстна и промежуточная московская группа; понятно отсутствіе въ Московской губерніи какихъ-либо находокъ русско-византійскаго типа, и наоборотъ, ихъ сравнительное обиліе во Владимірѣ, Рязани и Тулѣ. Въ сторонѣ отъ этихъ группъ стоитъ обширный Пермскій край, древности котораго, при всей своей самобытности и оригинальности, связаны, какъ и сама Кама, съ Волгою и поволжскими центрами.

Итакъ, то единство, тѣ тѣсныя связи по формамъ бытовымъ и художественнымъ, которыя мы наблюдаемъ въ русскихъ древностяхъ до-монгольскаго періода, обязаны славянскому элементу, который своимъ расселеніемъ, разлитіемъ по всей странѣ, а также распространеніемъ по русской равнинѣ земледѣльческой культуры, а съ нею и матеріальнаго благосостоянія и гражданской общественной жизни, создалъ это единство, слилъ всю массу разнообразнаго инородческаго населенія въ одно цѣлое. Вотъ почему въ настоящее время невозможно было-бы установить принадлежность той или другой группы древностей славянамъ или опредѣленному инородческому племени. Если даже Волжскіе Булгары, по свидѣтельству арабскихъ писателей, считали себя сами племенемъ, смѣшаннымъ изъ Булгаръ и Славянъ, то что сказать напр. о такъ называемыхъ «мерянскихъ древностяхъ»? Несомнѣнно, съ одной стороны, что въ основномъ типѣ этихъ древностей должны заключаться специфическія черты мерянской культуры, ихъ быта, сложившагося задолго до прихода Славянъ въ Россію и появленія ихъ въ Ростовской землѣ. Съ другой, если мы вспомнимъ, насколько скудною является финская культура, когда она лишена воздѣйствія на нее болѣе состоятельной и развитой среды, и какое множество предметовъ и формъ, встрѣчаемыхъ въ мерянскихъ древностяхъ, отъ всякихъ украшеній до христіанскихъ тѣльниковъ, служившихъ тоже украшеніями ожерелій, или было явно заимствовано отъ Славянъ, скандинавовъ, усвоено черезъ посредство восточной торговли, или составляетъ жалкое, съ трудомъ узнаваемое подражаніе въ мѣди предметамъ изъ серебра, то легко признаемъ постоянное присутствіе славянскаго элемента въ этихъ мнимыхъ «мерянскихъ» курганахъ. Только въ тѣхъ группахъ, гдѣ есть крайнее обиліе, почти излишество, дикое и варварское, тяжелыхъ мѣдныхъ украшеній, обвивающихъ голову, косы, уши, покрывающихъ шею и грудь, поясъ и даже полы кафтана, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается, на протяженіи всего могильника, стало-быть и длиннаго періода времени, особое упорство, своего рода рабство въ повтореніи все одного и того-же образца, гдѣ самая форма отличается крайнимъ преувеличеніемъ и своего рода матеріализмомъ, гдѣ не видно художественной мысли, только тамъ мы можемъ съ увѣренностью говорить о принадлежности вещей Муромѣ, Черемисамъ, Мордвѣ, на Окѣ, и Мерянамъ — на Ростовскомъ и Клешинѣ озерѣ.

Но наблюдаемое нами единство русскихъ древностей не составляетъ однообразія, а потому слѣдуетъ считать, что разныя формы, вообще различныя куль-

туры существовали одновременно, какъ существуютъ онѣ и теперь, но только взаимно соприкасаясь одна съ другою или обмѣниваясь взаимно предметами быта и искусства. Отсюда, если мы встрѣчаемъ разомъ на Зап. Двинѣ и на Волгѣ совершенно одинаковыя вещи, мы не можемъ еще заключать изъ этого, что онѣ современны, такъ какъ въ одной мѣстности формы быта и вещей мѣняются быстро, въ другой, разъ попавши со стороны, задерживаются надолго. Такъ бываетъ и теперь, при нивелирующихъ все условіяхъ современной промышленности и теперешнихъ путяхъ сообщенія, но такъ было особенно въ древности, когда вѣковой обычай, передача вещей по наслѣдству изъ рода въ родъ, косность жизни и исконная вражда, какъ основа международныхъ отношеній, закрѣпощали въ извѣстномъ племени явленія быта и художественный вкусъ на многія столѣтія. Все это имѣетъ особенную силу по отношенію къ финскимъ и тюркскимъ народностямъ, занимавшимъ двѣ трети Европейской Россіи, и только необычайная подвижность, предприимчивость, равнодушіе къ перемѣнамъ и утратамъ и высокія дарованія, присущія славянскому племени, могли оживить эту мертвую среду къ жизни и прогрессу. Но все это должно быть принимаемо въ связи съ мѣстными, столь разнообразными, условіями жизни на великой равнинѣ, которыхъ мы, однако, не будемъ еще долго знать, а потому и должно смотрѣть на археологію русскихъ древностей, какъ на такого рода научную область, гдѣ все представляется въ крайней неполнотѣ, скорѣе даже — отрывочности, а многое должно оставаться проблематичнымъ или и вовсе неизвѣстнымъ, и гдѣ, поэтому, не можетъ быть пока точныхъ опредѣленій времени и мѣста происхожденія предметовъ и формъ. Если мы встрѣчаемъ извѣстную намъ поволжскую вещь на западѣ, то мы еще въ правѣ считать ее указателемъ эпохи, коль скоро мы точно знаемъ время ея появленія на Волгѣ и коль скоро она на западѣ находится въ немногихъ экземплярахъ, и то это будетъ лишь указателемъ времени *послѣ* того, какъ вещь появилась на Волгѣ. Но если та-же самая вещь повторена во множествѣ экземпляровъ, мы должны предполагать уже мѣстное ея производство, но утверждать одновременность ея изготовленія, быть можетъ, значило-бы ошибиться на цѣлое столѣтіе.

Русскія художественно-бытовыя древности древнѣйшаго, до-монгольскаго періода, времени сложенія русскаго государства, устройства русскаго народа на житье въ предѣлахъ средней Россіи и всего приднѣпровья, съ обширными инородческими окраинами, рано вошедшими въ составъ государства на Западѣ, Сѣверѣ и Востокѣ, составляютъ уже нынѣ, т. е. на первыхъ порахъ развитія русской археологіи, обширную, съ трудомъ обозримую, едва угадываемую во всемъ своемъ объемѣ среду. Разнообразіе этой среды, охватывающей находки отъ береговъ Вислы до Волги и отъ Ладоги до Крыма, соотвѣтствуетъ ея особому историческому значенію: въ русскихъ древностяхъ какъ-бы залегла вся глубина вѣковой русской народной старины, совмѣстившей въ себѣ преданія и формы тысячелѣтней жизни среди культурнаго Востока и Запада, среди своеобразія инородческихъ племенъ, нашествій необозримыхъ кочевыхъ полчищъ, среди походовъ на берега Каспійскаго и Чернаго морей, въ Византію и Болгарію. Вмѣстѣ съ переходомъ на Русь различныхъ промысловъ и производствъ Востока и Византіи, въ ней рано

появилась и народная переработка этого культурнаго наслѣдія; великокняжескій періодъ, темный по отсутствію или скудости историческихъ свидѣтельствъ, есть время широкаго распространенія всякихъ промысловъ, отличавшихъ земледѣльческихъ Славянъ отъ звѣролова Финна и кочевника Печенѣга. Памятники этихъ народныхъ производствъ находятся столько-же въ курганахъ и могильникахъ, сколько въ кладахъ, находимыхъ въ глубокихъ насыпяхъ городищъ и въ насыщенной древностями почвѣ Кіева, Новгорода, Рязани и Владиміра, а

8. Монета конунга Канута Великаго.

потому связаны съ различными сторонами народнаго быта, вѣрованій, погребальныхъ обрядовъ. Научное, историческое изученіе этихъ безчисленныхъ мелкихъ памятниковъ заключается въ изслѣдованіи художественныхъ типовъ, формъ, исторіи ихъ образованія и развитія, въ связи съ бытовымъ и религіознымъ значеніемъ каждаго типа и предмета, торговыми отношеніями и культурными вліяніями.

Всѣ заключенія историковъ о примитивномъ бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху основанія ими государства сдѣланы на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца и, явно, грѣшатъ противъ всѣхъ свидѣтельствъ археологіи.

Теперь легко доказать, что самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ (какъ напр. перегородчатая эмаль по золоту), что ими занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а, слѣдовательно, находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою, какъ думали еще очень недавно, греческаго заноса, но, напротивъ, памятникъ мѣстной работы въ хорошо усвоенномъ пошибѣ, и притомъ вещь съ опредѣленнымъ назначеніемъ, съ понятою для владѣльца орнаментациею и для него лично важнымъ смысломъ. Словомъ, изслѣдованіе о вещественныхъ древностяхъ слѣдуетъ поставить на почву анализа художественныхъ формъ въ ихъ историческомъ развитіи, выставить вопросъ о стилѣ предметовъ, ихъ группировкѣ съ этой стороны, о типахъ и ихъ происхожденіи, достигая общаго обозрѣнія предметовъ съ точки зрѣнія бытовой, торговой, сословно-гражданской, религіозной, а также художественной, вводя предметы русской древности въ общую науку исторіи искусства.

Художественный анализъ русскихъ древностей обнаруживаетъ въ нихъ, каждый разъ, опредѣленный типъ или характеръ: крошечная застежка на легкой ткани соотвѣтствуетъ легкимъ украшеніямъ, и притомъ, эта застежка украшена насѣчкою, чернью, наколомъ, тогда какъ вещи другого могильника, исполненныя отливкою, не украшаются рѣзбою и чеканомъ, и соотвѣтствуютъ тяжелымъ грубымъ тканямъ. Всѣ вещи принадлежатъ тому или другому историческому стилю, *въ собственно-русскихъ древностяхъ нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера.*

Ниже, при разборѣ отдѣльныхъ предметовъ личнаго убора, подробнѣе указывается историческое происхожденіе ихъ и художественныхъ типовъ, въ которыхъ они являются въ средѣ русскихъ древностей; здѣсь представляются кратко немногіе примѣры, въ доказательство того, что въ этой средѣ нѣтъ вовсе

примитивныхъ типовъ и формъ, хотя бы самые предметы, какъ ожерелья, браслеты, ручныя кольца и существовали нѣкогда въ первобытной древности. Какъ въ современныхъ уборахъ мы застаемъ опредѣленный историческій типъ, несмотря на свою крайнюю сложность, носящій своеобразную фizioномію, мѣняющуюся иногда съ каждою четвертью вѣка, такъ и для русской древности VIII — IX, X — XI, XII — XIII столѣтій мы можемъ теперь различить три особые типа, которые, господствуя въ данное время въ опредѣленномъ районѣ, распространяются затѣмъ шире, сливаются съ позднѣйшими или составляютъ характерную примѣсь въ чуждой имъ мѣстности. И по вещамъ въ отдѣльности, всякій разъ, какъ онѣ содержатъ въ себѣ типъ, вполне ясный, выработанный и не затемненный перемѣнами, мы различаемъ художественный стиль, а потому для каждой серіи древностей, напр. для головныхъ уборовъ, ожерелій, гривенъ, браслетовъ и пр., можно со временемъ подобрать историческіе источники и въ происхожденіи отъ другихъ культурныхъ народовъ указать смыслъ и значеніе каждаго отдѣла украшеній.

9. Монета Олафа Святого, Гаральдсона.

Въ самую раннюю пору даннаго періода русскихъ древностей мы видимъ господство восточнаго вліянія, прежде всего приносимаго самими передвигающимися племенами, а затѣмъ, черезъ посредство завязанныхъ ими торговыхъ сношеній, передаваемаго изъ Средней Азіи, Кавказа, Персіи и Малой Азіи; мы наблюдаемъ этотъ греко-восточный стиль на различныхъ видахъ пряжекъ, подвѣсокъ, погребушекъ, лунницъ, витыхъ гривенъ, бусъ, діадемъ, на головныхъ уборахъ бронзовыми спиралями, а также въ особомъ видѣ серегъ съ подвѣсною бусиною и пр. Ближайшею характеристикой этого вліянія должно служить сходство между древностями Кавказа (см. III вып. *Рус. Древн.*), относящимися къ первымъ шести столѣтіямъ послѣ Р.Х., и древностями бассейновъ Волги и Оки, начиная отъ древнѣйшихъ VI—VIII вѣковъ, до временъ Сарая включительно, находки котораго чрезвычайно близки по типамъ къ вещамъ кавказскихъ некрополей. Главная роль въ передачѣ восточныхъ типовъ и формъ этого стиля принадлежала кочевникамъ, а усвоеніе сосредоточилось и дольше продержалось у финскихъ племенъ и тюрскихъ инородцевъ восточной и сѣверо-восточной половины Европейской Россіи. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить тамбовскіе и рязанскіе могильники. Находимыя въ этихъ могильникахъ одежды оказываются съ широкими коймами изъ пурпурной бахромы, иногда прикрѣпляемой рядами колечекъ, заимствованныхъ, вмѣстѣ съ тканью, отъ одеждъ и облаченій Сирии, существовавшими нѣкогда въ Ассиріи и переданными въ славянскомъ переводѣ Евангелія неправильнымъ, но характернымъ именемъ «воскрылій» (умножаемыхъ фарисеями). Какъ это ни кажется странно на первый взглядъ, но даже современныя мордовскія сорочки съ парюю круглыхъ темно-коричневыхъ нашивокъ (вѣрнѣе, *вошва*) на плечахъ, даже съ ихъ рисунками, цѣликомъ и непосредственно происходятъ отъ сиро-египетскихъ, такъ называемыхъ Коптскихъ тканей, нынѣ составляющихъ важный отдѣлъ греко-восточнаго искусства.

Но, затѣмъ, вмѣстѣ съ славянами, двигавшимися съ Запада на Востокъ, переносится и западно-славянская культура, которая, однако, быстро сливается уже въ западномъ краѣ съ финскою и сообщаетъ ей свои вещи, получая, въ тоже время, какъ-бы въ обмѣнъ, издѣлія восточныя: это — причина, почему могильникъ Люцинскій сходится съ Тамбовскимъ, и почему напр. въ томъ и другомъ появляются треугольныя рѣшетчатыя фибулы съ подвѣсками, о которыхъ мы скажемъ ниже. Что при этомъ появляются въ обращеніи у Новгородскихъ славянъ, у Древлянъ и пр. нѣкоторыя издѣлія сѣвернаго края, специально свойственныя скандинавскому сѣверу, напр. чашечныя фибулы, нѣкоторыя вещи съ особыми, сложными рѣзными узорами, это обстоятельство понятно, какъ результатъ торговли скандинавовъ по Днѣпру и Волгѣ до Чернаго и Каспійскаго морей. Но въ появленіи двухъ-трехъ видовъ вещей скандинавскаго типа нельзя усматривать собственно скандинавскаго вліянія, и варяжскіе пришельцы находятъ въ Кіевѣ гораздо высшую, болѣе богатую и разнообразную культуру, чѣмъ та, которую они могли-бы найти у себя дома; словомъ, Варяги потянулись въ свое время къ Кіеву по тѣмъ-же причинамъ, по какимъ они въ тоже время двигались въ богатую и культурную Сицилію. Примѣсь скандинавскихъ вещей ограничивается, во 1-хъ, немногими мѣстностями: по Днѣпру, Вислѣ, на финскомъ сѣверѣ, у Мерянъ и, во 2-хъ, весьма немногими видами и лишь нѣсколькими ихъ экземплярами. Но скандинавская археологія организовалась ранѣе другихъ — правда, весьма односторонне и ложно, и ранѣе опубликовала запасъ древностей своихъ собственныхъ и чужихъ, у себя найденныхъ; поэтому, именемъ «скандинавскаго» стиля названы были многія вещи въ русскихъ древностяхъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ варяжскими. За то славянскія древности западной Россіи и частію средней имѣютъ тѣсныя связи съ древностями придунайскими, особенно Венгріи, древности которой стали извѣстны, тогда какъ родственная археологія Сербіи, Болгаріи и Румыніи представлена пока лишь нѣсколькими случайными находками. Можно думать, что именно отсюда явились въ русскихъ древностяхъ фибулы въ формѣ арбалета и другія фибулы римскихъ формъ, гривны въ видѣ гладкихъ обручей, массивныя браслеты съ рисункомъ вѣнка, височныя кольца съ ромбоидальными щитками, перстни, франкскіе мечи и пр. Укажемъ, какъ на характерный примѣръ, на одновременное существованіе въ Люцинскомъ и Тамбовскомъ могильникахъ особаго вида плечевыхъ подвѣсокъ, идущихъ отъ римско-византійской фибулы въ видѣ рѣшетчатаго треугольника съ подвижными кистями и цѣпочками (см. ниже).

Въ настоящее время, когда мы не различаемъ, по незначительности матеріала, племенныхъ особенностей въ различныхъ могильникахъ и даже курганы разныхъ мѣстностей можемъ относить къ опредѣленному народу или племени только гадательно, мы не можемъ ни поднимать вопроса о томъ, какую именно культуру принесли съ собою Славяне въ предѣлы Россіи, ни угадывать, гдѣ и что Славяне заимствовали отъ Финновъ. Мы видимъ, правда, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у Сѣверянъ, Древлянъ особое характерное оскуднѣніе: словно потокъ вещей, откуда-то прежде шедшихъ, стали мелѣть, украшенія стали принимать характеръ какъ-бы служебный, сокращаться въ схему: перстни, серьги, браслеты,

даже гривны и пряжки дѣлаются изъ простой проволоки, безъ всякой примѣси художественнаго элемента, хотя-бы въ видѣ нацѣпленной бусы. И при сравненіи такихъ могильниковъ съ финскими, полными тяжелыхъ, грубо-массивныхъ подвѣсокъ, грузныхъ шумящихъ погремушекъ, невольно получается впечатлѣніе въ пользу послѣднихъ. Пусть, быть можетъ, у Славянскаго племени, такъ оскудѣвшаго въ своемъ быту, за это время широко развивалась гражданственность, ходко шла политическая жизнь, даже пріобрѣталась новая нравственная жизнь черезъ христіанство, все-же эта скудность какъ-бы указываетъ на племя, еще движущееся, все ищущее новыхъ мѣстъ, ради матеріальныхъ улучшеній въ своемъ положеніи, и отъ того еще болѣе обѣднѣвшее.

Важное обстоятельство представляется отсутствіемъ въ русскихъ древностяхъ вліянія орнаментаціи, нынѣ называемой «Готскою»: мы не находимъ ни самихъ инкрустацій, ни ихъ подражанія, ни звѣриныхъ орнаментовъ, которые мы встрѣчаемъ на массѣ поясныхъ бляхъ Венгріи, а также въ древностяхъ Ломбардіи. Золотыя бляхи (Вып. III) изъ сибирскихъ находокъ, кавказскія древности и находки земли Войска Донскаго получаютъ продолженіе черезъ Венгрію въ Италиі, Германіи, Франціи, Англии и Скандинавіи, какъ первая форма «звѣринаго» стиля, но не въ русскихъ древностяхъ: какъ будто вся эта характерная орнаментація была пронесена мимо и не дала отпрысковъ на сѣверъ отъ Кіева.

Но въ древностяхъ Перми, Кавказа, въ орнаментальныхъ бляшкахъ Гнѣздовскаго клада (Смол. губ.), мерянскихъ могилъ и пр. мы встрѣчаемъ отъ давней старины переданныя формы звѣринаго стиля. На его мѣсто, вмѣстѣ съ арабскимъ вліаніемъ, появляется орнаментація геометрическая и растительная (арабескъ).

Арабескъ, гдѣ-бы мы его ни видѣли въ арабскомъ искусствѣ, отличается удивительною красотою и тонкостью характернаго исполненія всѣхъ фигуръ, и геометрическихъ, и животныхъ, если только эти послѣднія допущены въ композиціи. Но именно фигуры животнаго и человѣческаго міра какъ-бы заканчиваются въ X стол. и появляются только въ исходѣ XII вѣка, съ общимъ возобновленіемъ звѣринаго стиля. За это время, основные принципы арабеска, т. е. геометрическая и растительная декорація, примѣняются на громадномъ пространствѣ въ народномъ искусствѣ всей южной Европы: именно въ этой средѣ мы встрѣчаемъ своеобразные арабески вмѣсто античной фигуры и рисунокъ, исполненный сканью или филигранью и рѣзбою въ металлѣ, или же подражаніе этой скани въ формѣ листовенныхъ разводъ.

Но если арабскіе, а потомъ древне-русскіе фоны, съ тоненькими завитками, подражаютъ сканному дѣлу на золотѣ и серебрѣ, то разработка геометрическихъ арабесковъ должна была совершиться въ «накладныхъ работахъ», «штучныхъ наборахъ». Всѣмъ извѣстно, какъ всякаго рода штучные наборы подражаются въ мозаикѣ, фаянсахъ и облицовкахъ стѣнъ; но металлическія «насѣчки», чернь и прочія соединенія разноцвѣтныхъ металловъ перенесены, въ подражательныхъ рисункахъ, въ декорацію мечетей и дворцовъ.

Сирійское происхожденіе многихъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій средневѣковой Европы въ эпоху съ VI по VIII столѣтіе подтверждается обстоятельствомъ смѣны такъ называемыхъ «сассанидскихъ» сосу-

довъ (съ пельвийскими надписями) «арабскими» въ IX и X стол. Мы имѣемъ уже цѣлый рядъ подобнаго рода памятниковъ въ испанскихъ собраніяхъ, въ ризницѣ ц. Св. Марка, въ Кенсингтонскомъ и Британскомъ музеяхъ Лондона, въ коллекціи Базилевскаго — нынѣ въ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ, тамъ-же нѣсколько чашъ съ Кавказа и т. д. Для насъ особенно важенъ фактъ нахождения въ Пермской губ., въ Соликамскомъ уѣздѣ, въ 1895 году серебрянаго сосуда съ арабскою надписью, по изображеніямъ, ихъ стилю и технику, чрезвычайно близкаго къ сассанидскимъ сосудамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ серебрянымъ издѣліямъ X—XII столѣтій, находимымъ въ Россіи.

Въ древностяхъ русскихъ VIII—X стол. мы не находимъ золота, а почти исключительно серебро, не находимъ ни гранатовыхъ инкрустацій и вообще цвѣтныхъ накладокъ, ни украшеній изъ драгоценныхъ камней, оникса и пр.; вмѣсто прежней рѣзбы въ золотѣ, бронзѣ, рѣзбы, напоминающей работу въ деревѣ съ накладкою басменнаго дѣла, мы находимъ почти исключительно украшения филиграневыя, сканныя, наколомъ, пунктиромъ, рѣже чеканомъ.

10. Турій рогъ изъ Черниговскаго кургана.

Примѣромъ сліянія древняго греко-восточнаго звѣринаго стиля и новаго арабскаго на почвѣ Россіи можетъ служить пара турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро и найденныхъ въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила». Серебряная оправа украшена на одномъ рогѣ орнаментами, находимыми въ каирскихъ мечетяхъ и на прилѣпахъ церкви Юрьева Польскаго, на другомъ рогѣ представлена охота варваровъ съ луками на птицъ и два сплетенія изъ пары грифоновъ и драконовъ, весьма близкихъ по рисунку и технику къ орнаментаціи серебряныхъ бляшекъ Гнѣздовскаго могильника. При первомъ взглядѣ на громадныя турьи рога, очевидно, что это произведеніе мѣстное, кіевское.

Съ этою парю турьихъ роговъ, въ «Черной могилѣ» были найдены двѣ золотыя монеты императоровъ Василя I и Константина IX, отца съ бородою и сына безбородаго, и половинный обрубокъ золотой-же монеты братьевъ Константина X и Романа II (948—959 гг.). Но такъ какъ этотъ обрубокъ представляетъ замѣчательную сохранность, доказывающую, что цѣлая монета вовсе не

была въ обращеніи, а первыя двѣ монеты уже потерты и относятся къ 869—870 г., то можно полагать, что устройство «Черной могилы» относится ко второй половинѣ X столѣтія, тѣмъ болѣе, что уже въ 992 году въ Черниговѣ былъ поставленъ

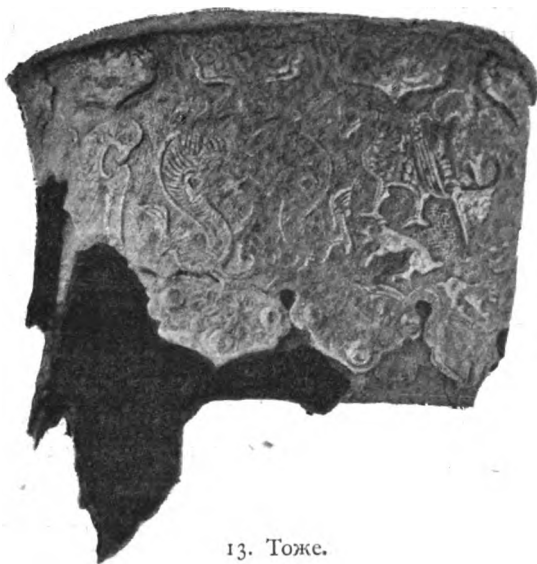

11. Часть серебряной оправы рога.

12. Другая часть оправы.

митрополитъ Неофитъ, и, конечно, приведены къ крещенію всѣ его жители, такъ что устройство языческаго кургана было бы невозможно позднѣе.

13. Тоже.

14. Тоже.

Фонъ оправы сплошь покрытъ кружками наколомъ, выполненными также точно, какъ на серебряныхъ сосудахъ изъ Перми X вѣка: серебряная фляжка, найденная въ 1895 году, съ арабскою молитвенною надписью IX—X стол.,

15. Развернутый на рисунокъ фризъ съ оправы турьяго рога изъ Черниговскаго кургана.

чрезвычайно сходна также по рисунку копьеобразныхъ лилій и птицъ, съ одной стороны, съ зафонами изъ земли Войска Донскаго (вып. III Русскихъ Древностей, рис. 179), съ другой — съ Черниговскими рогами. Рельефъ или чеканъ оправы низкій, небрежнаго рисунка, съ крайне грубыми, почти дѣтскими изображеніями людей и отличными фигурами животныхъ, какъ обычно въ восточномъ искусствѣ; но въ рельефѣ, послѣ чекана, мастеръ все проходилъ рѣзцомъ и, какъ говорится у художниковъ, засушилъ до крайности все изображеніе; впрочемъ, такую сухостью, ремесленною рѣзкостью контуровъ, геометрическою правильностью фигуръ, схематизмомъ растений и животныхъ, выработкою деталей, въ ущербъ цѣлаго, и отсутствіемъ пластичности отличаются всѣ рѣзные издѣлія на металлѣ и мраморѣ въ періодъ VIII—X столѣтій. По нижнему бордюру Черниговскихъ роговъ имѣется побѣгъ, протянутый вдоль, съ лилейными и аканѳовыми концами; побѣгъ наколотъ также, какъ на фляжкѣ, косыми зубчиками; затѣмъ нижній бордюръ нарѣзанъ щитками въ видѣ цвѣтка, тогда какъ верхній сдѣланъ изъ такихъ же цвѣтковъ, вырѣзанныхъ и набитыхъ поверхъ оправы; эти щитки украшены вѣточкою съ плющевыми листьями, того же рисунка, какъ на вещахъ Воронежскаго (Бирюченскаго) клада VIII вѣка.

Развернутый фризъ представляетъ восточный сюжетъ — охоту; какъ ни грубо переданы человѣческія фигуры съ ихъ непомѣрно большими луками и колчанами, все-же, по ихъ льнянымъ панцырямъ, видно, что это сѣверные варвары, охотящіеся на большихъ птицъ съ собаками; одна птица падаетъ раненая, у другой перебито крыло; виденъ большой пѣтухъ съ фантастическими крыльями, имѣющими форму лилій на верху. Но

затѣмъ, посреди охоты представлены двѣ группы переплетшихся драконовъ и грифоновъ, образующихъ своими переплетеніями орнаментальное подобіе буквы М, извѣстное намъ еще въ византійскихъ мозаикахъ; хвосты драконовъ и грифоновъ, переплетаясь, образуютъ пальметту.

Черниговскій рогъ явно копируетъ восточный оригиналъ: это видно изъ многихъ деталей рисунка, непонятыхъ русскимъ рѣщикомъ. На оригиналъ была представлена обычная (на херсонесскихъ чашкахъ и въ рукописяхъ) сцена схватки грифовъ и драконовъ со змѣями, но русскій мастеръ этого не понялъ и вмѣсто змѣй получились непонятныя тесьмы, почему-то глотаемыя дракономъ и обвивающія грифа.

Черниговскіе рога способствуютъ разрѣшить общій вопросъ объ источникахъ звѣриной орнаментики или, *звѣриной стили*: мы имѣемъ здѣсь наиболѣе раннее проявленіе этого стиля въ средѣ древностей русскаго происхожденія. Извѣстно, что звѣринный стиль царитъ въ нашихъ рукописныхъ украшеніяхъ и инициалахъ въ періодъ XIII—XIV стол. и носитъ на себѣ специаль-

16. Александръ, возносимый на небо птицею. Изъ росписи плафона Палатинской капеллы въ Палермо.

ный сѣверный или, точнѣе, сѣверо-западный характеръ, который долженъ быть, конечно, поставленъ въ нѣкоторую связь со скандинавскими плетениями и чудищами. Эти формы играли, вмѣстѣ съ чашечными фибулами, важнѣйшую роль въ гипотезѣ такъ наз. скандинавскаго или варяжскаго вліянія. Между тѣмъ, Скандинавы, а съ ними и наши Варяги, конечно, весьма многое заимствовали съ юга, и если не отъ однихъ

Славянъ, то черезъ Славянъ, при ихъ посредствѣ. Сюда относятся и тѣ зачатки звѣринаго стиля, связаннаго съ плетениемъ, которые и по предметамъ, и по формамъ имѣютъ много общаго съ русскими древностями, но не стоятъ собственно въ прямой связи съ звѣринными формами Готеской орнаментации или формъ. Мы въ настоящее время знаемъ уже цѣлый рядъ греческихъ рукописей, съ звѣринными инициалами: оленями, слонами, зайцами, птицами, сфинксами, грифами и драконами, чудищами въ родѣ однорогихъ людей и пр., и эти рукописи относятся къ X столѣтію, по записямъ; въ нихъ плетение заставокъ переходитъ мѣстами въ плетение змѣй, на концахъ ремней и лентъ появляются головы драконовъ, или голова и руки проглоченнаго чудищемъ чело-вѣка, буквы принимаютъ видъ грифовъ, несущихъ чело-вѣка (Александра Македонскаго), двухъ драконовъ, извивающихся вокругъ руки. Но еще пышнѣе и богаче, и разнообразнѣе является звѣринный орнаментъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ сирійскихъ, коптскихъ и армянскихъ. Византійское искусство, богатое формами, разработало орнаментальные шаблоны лилии, пальмы, лавра, аканѣоваго развода, всякаго рода драгоцѣнныхъ камней и пестрыхъ облицовокъ, инкрустаций, разнообразныхъ коймъ и бордюровъ. Именно оно ввело въ декоративный обиходъ мѣръ звѣрей, и коней, и рыбъ, и птицъ, и заморскихъ обезьянъ, и чудищъ далекой Индіи, также какъ именно греко-византійская письменность передала на сѣверъ сказанія Александріи и Физиолога. Въ этой византійской передачѣ варварская Европа узнала сириновъ и кентавровъ, Горгону и жену исполинскую,

17. Сюжетъ предыдущаго (16) рисунка на бронзовой бляхѣ изъ сибирскихъ находокъ.

птицахъ съ чело-вѣческимъ лицомъ, людяхъ крылатыхъ, со многими головами и пр. Этотъ типъ звѣринныхъ эмблемъ наиболѣе нравился сѣвернымъ варварамъ, можетъ быть, потому, что былъ въ ихъ исконныхъ вкусахъ, воспитанныхъ Восто-

обвитую змѣемъ, кинокефаловъ, быковъ о пяти ногахъ (ассирійскихъ демоновъ-хранителей), людей объ одномъ глазѣ, одной ногѣ. Сказанія объ Индійскомъ царствѣ, вошедшія въ составъ Александріи, передавали о сатирахъ, гигантахъ, тиграхъ и львахъ, бѣлыхъ медвѣдяхъ, метаголынаріяхъ—кочетахъ, на нихъ-же ѣздятъ люди (повидимому, такой кочетъ изображенъ на Черниговскомъ рогѣ), саламандрѣ, иппопотамахъ, птицѣ гигантской ногоѣ, фениксѣ, затѣмъ о разнообразныхъ монстрахъ: людяхъ съ 4 и 6 руками, съ звѣринными ногами, на половину съ тѣломъ птицы, или о

комъ. На византійскихъ свинцовыхъ печатяхъ префектовъ и чиновниковъ, завѣдывавшихъ приѣмомъ варваровъ въ Византію, видны изображенія волковъ, львовъ, орловъ, грифоновъ (Варяги и гвардія носили это прозвище), крылатыхъ драконовъ, орла, удушающаго змѣю и пр. Не даромъ драгоцѣнные рѣзные кубки изъ горнаго хрустала украшаются въ это время тяжелыми, геральдическими львами, химерами, глотающими побѣги винограда. Затѣмъ, по самой Technikѣ и манерѣ изображенія мы можемъ сравнить Черниговскіе рога именно съ восточными издѣліями, появляющимися въ VIII—IX стол. въ Перми и на Югѣ Россіи, на примѣръ изданною въ вып. III парю золотыхъ аграфовъ изъ земли Войска Донскаго, или же арабскими вещами, какъ напр. рѣзьбою на слоновой кости на ящикѣ 961—976 г. въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Иное дѣло украшенія звѣринаго стиля съ ременнымъ плетениемъ на черенкѣ меча, найденнаго въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губ.: и мечъ, и самыя украшенія франкскаго, прирейнскаго происхожденія. Но «книга путей» Ибнъ-Хордабде (ок. 870 г.) обстоятельно говоритъ, что «русскіе купцы» (изъ земли Новгородскихъ Славянъ) — они же суть племя изъ славянъ — вывозятъ (на Волгу, въ Итиль) мѣха выдры (бобра?), черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ румскому морю (Средиземному), и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. Широкіе, волнообразные (по ковкѣ) клинки франкской работы видѣлъ Ибнъ-Фодланъ около 920 года у русскихъ купцовъ въ Итиль.

Находки Гнѣздовскаго могильника (и клада) Смоленской губерніи, представляютъ также для X-го вѣка рядъ изображеній, ошибочно относимыхъ къ сѣверному, специально скандинавскому типу. И тамъ, наряду съ геометрическими рисунками, растительными побѣгами и завитками, бисерными нитями и наборами, сканными и филигранными украшениями, лунницами и бусами арабскаго стиля, мы находимъ ожерелья изъ костяныхъ лебедей, медальоны или бляшки съ переплетающимися драконами, двуглавыми орлами, чудищами внутри ременныхъ плетений, баранами и козерогами и проч. и проч., словомъ, типическія детали, въ существѣ того-же восточнаго стиля, только разработаннаго на сѣверо-западѣ.

Современные народные уборы Аравіи и Сиріи доказываютъ, тождествомъ формъ, техническихъ и художественныхъ приѣмовъ, свое древнее родство съ русскими древностями. Мы находимъ у Арабовъ тѣ-же цѣпи и цѣпочки; фибулы изъ Дамаска имѣютъ ту-же форму кружка съ утолщенными концами и иглою, подвѣски ожерелій также въ видѣ бляхъ или въ формѣ летящихъ птичекъ, двуглавыхъ птицъ, или въ видѣ крина; плечевыя фибулы съ подвѣсками въ типѣ мерянскихъ, обручи громадныхъ размѣровъ съ наглавниками и насѣчкою и проч.

Итакъ, по Technikѣ, приѣмамъ украшенія и орнаменту Черниговскіе рога, дѣйствительно, представляютъ ранній памятникъ того восточнаго искусства, которое, при посредствѣ сирійской промышленности и арабскихъ торговцевъ, было непосредственно передано крайней восточной и крайней западной Европѣ, но формы котораго были, затѣмъ, развиты всею южною Европою и черезъ посредство Германіи перешли на сѣверъ. Звѣриный стиль, здѣсь наблюдаемый, есть своего рода старина, которая потомъ въ декоративныхъ работахъ исчезаетъ и замѣняется стилемъ растительной орнаментики; точь въ точь, какъ такая-же ор-

наментика въ стилѣ готическомъ, принявъ сначала старый романскій «звѣриный стиль», затѣмъ его покидаетъ. Но старина восточнаго звѣринаго стиля не исчезаетъ, она становится достояніемъ народныхъ художествъ (напр. въ *поливной посудѣ*) и доживаетъ до XII вѣка, когда вновь переходитъ въ орнаментіку сѣверо-западной Европы, подъ именемъ «стиля романскаго». Понятно, какое значеніе получаетъ кievская Русь въ исторіи этихъ броженій вкусовъ и стилей, связанныхъ съ передачею вѣковой культуры Востока европейскому Западу.

Тѣсныя преемственныя связи древней Руси съ культурою древняго Востока вспоминаются по преимуществу нашими былинами. Когда былина описываетъ городъ, то, что бы она ни разумѣла подъ «Индію богатою», воспѣвая ея бѣлокаменныя палаты съ «точеными» колоннами, «золочеными крышами», «самоцвѣтныя маковки» церквей и «сорочинскія сукна», «разостланныя на мостовыхъ», пѣвецъ въ своемъ воображеніи разбираетъ такую-же восточную картину, старинное начертаніе былого, какъ Гомеръ, когда, представляя себѣ древнефиникійскія издѣлія, описываетъ щитъ Ахиллеса. Въ «крѣпкой городской стѣнѣ» ворота желѣзные, крюки, засовы все мѣдныя, стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ, мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти—повидимому, восточная ажурная рѣзьба, съ выкладкою, работы индо-персидскихъ мастерскихъ. Еще яснѣе детали восточной архитектуры въ воспѣваемыхъ «трехъ теремахъ златоверховыхъ»: «красота поднебесная» тамъ дворъ—на семи верстахъ; около двора—желѣзный тынъ, на всякой тычинкѣ—по маковкѣ, по жемчужинкѣ. Первые ворота—вальячатыя, другія—хрустальныя, третьи—оловянныя. Подворотенки—серебряныя (или рыбій зубъ). При входѣ блестя позолоченая (кольцо). Терема—высокіе, златоверхіе, или съ золотыми маковками; палата—бѣлокаменная; крыльцо—бѣлодубовое; сѣни—рѣшетчатыя или стекольчатыя. Грядки—бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ—черныхъ лисицъ; матица вальженая, полъ середя одного серебра, а иногда кирпичный. Крюки да пробои у дверей по булату злачены. Окошки косящетыя, оконницы хрустальныя или стекольчатыя, причалины серебряныя, обиты окошечки лисицами, кунницами и соболями. Столбы въ палатѣ—деревянныя, точеные, повыше рукъ золоченые. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная».

Обиліе драгоценныхъ камней въ конскомъ уборѣ—ясная картина восточнаго варварства: «у коня промежъ глазъ (*начальникъ*) и подъ ушами самоцвѣтное насажено камень, да не для ради красы да молодецкія, для ради осеннихъ темныхъ ноченекъ» (свѣтящійся амулетъ), и «камни самоцвѣтные, все яхонты втираны въ стрѣлы Дюка Степановича». Чудный сынъ, приносимый Настасьєю Королевичною молодцу Дунаю, представляетъ ребенка, покрытаго серебромъ и золотомъ (идола): по колѣна ножки въ серебрѣ, по локотки ручки въ золотѣ, по головѣ, по косицамъ звѣзды частыя. Изъ восточныхъ рѣдкостей взять и тотъ хрустальный ларецъ, въ которомъ Святогоръ-богатырь везетъ на плечахъ свою жену богатырскую, когда полянуетъ или кочуетъ. И если пѣвецъ живописуетъ намъ пріѣздъ королевича, или паленицы къ богатырской заставѣ, что «по праву руку

молодца летитъ ясенъ соколъ, на рукахъ онъ держитъ третра перо (вабило); сквозь пера не видно лица бѣлаго», то въ основу этой картины должны были лечь тѣ безчисленныя изображенія царя на соколиной охотѣ, съ летящимъ поверхъ его соколомъ, которыя переданы на восточной утвари, ларцахъ, зеркалахъ, и пр. Всѣ былинныя представленія пышныхъ одеждъ, шелковыхъ рубахъ, куньей шубы, ожерелій или воротниковъ полны восточныхъ деталей: шелкъ, камка, дорогая «струйчатая» (полосатая, двуцвѣтная: зеленое съ краснымъ, бирюзовое съ пурпуромъ, бѣлое съ коричневымъ:—сирійскія ткани, бывшія въ модѣ въ Византійской Имперіи съ X вѣка), ткани строчены золотомъ и серебромъ, смурные кафтаны изъ «рудожелтой тафты» («золотная»), а на «цвѣтномъ» платьи Дюковой матушки были подведены луна поднебесная, красное солнышко, свѣтель мѣсяцъ и частыя звѣздочки. Извѣстно по фантастичности описаніе золотыхъ пуговокъ кафтана у Чурилы Пленковича и Дюка Степановича: въ каждой пуговкѣ было влито по доброму молодцу, въ каждой петелькѣ по красной дѣвушкѣ; какъ застегнутся, такъ они обоймутся, а разстегнутся, такъ поцѣлуются; или въ петли было вплетено по лютой змѣѣ, а въ пуговицы влито по лютому звѣрю, и какъ станетъ Дюкъ плеточкой по пуговкамъ поваживать и пуговку о пуговку позванивать, такъ запоютъ птицы пѣвучія, закричатъ звѣри рыкучіе, засвижутъ змѣи во всю голову; или какъ станетъ Илья тросточкою по пуговкамъ поваживать, лютые львы разревѣлись, а на каждой пуговкѣ по заморскому льву. И эта фантастическая картина имѣетъ также свое реальное основаніе въ тѣхъ восточныхъ художественныхъ образцахъ Сиріи, Персіи и Индіи, которые положили основаніе еще въ IX—X столѣтіяхъ, въ уборахъ мужскихъ, женскихъ и конскихъ, позднѣйшему, такъ называемому звѣриному стилю; уже одно упоминаніе заморскаго льва должно было бы намъ указать на Востокъ, если бы мы не знали происхожденія этого стиля по вещамъ. При словѣ «колоколь» пѣвецъ воображаетъ себѣ мѣдный колоколь, въ сорокъ пудъ, шляпу земли греческой и пр., и пѣвцу, согласно съ эпическимъ творчествомъ, достаточно было въ реальныхъ предметахъ искусства, чуждаго, а потому таинственнаго, искать особаго смысла, волшебной силы, чтобы создать живую, органическую форму. Какъ яркая черта среднеазиатскаго Востока, представляются намъ металлическія украшенія, золотые плащи (стар. вмѣсто бляхи) на шапкахъ, черныхъ мурманкахъ, ушастыхъ, пушистыхъ, завѣсистыхъ, что «спереди сведень да то свѣтель мѣсяцъ (въ современныхъ головныхъ уборахъ Индіи), а вокругъ то сведены частыя звѣзды, на верху шеломъ (поверхъ шапки золотой, ср. шапку Мономаха) какъ будто жаръ горитъ». Изъ восточныхъ обычаевъ взято представленіе о громадныхъ зонтахъ, подсолнечникахъ (въ смыслѣ зонта, не растенія), которые носятъ надъ знатными особами, чтобы отъ краснаго солнца не запекалось лицо бѣлое». Излишне перечислять черты восточнаго происхожденія въ описаніяхъ кованаго сѣдла черкаскаго, панцырей «чиста серебра», кольчугъ «красна золота», кюяка (щитковыхъ или наборныхъ латъ изъ бляхъ, нашитыхъ на сукно), литой палицы съ кольцомъ, шелепуги (плети) или шалыги дорожной или «плеточки шемахинской». Въ общей сложности можно было бы даже прибавить, что поэмы и пѣсни монгольскихъ и тюркскихъ племенъ представляютъ

по сходству деталей архитектуры, вооруженія, одежды, убранства какъ-бы прототипъ русскихъ былинъ, только болѣе богатый, оригинальный, но эта близость нашихъ былинъ зависитъ отъ того, что онѣ воспроизводятъ одинъ и тотъ-же имъ близкій, но равно имъ чуждый образецъ, извѣстный изъ эпическихъ разсказовъ той высокой культуры мусульманскаго Востока, который съ поразительною быстротою разцвѣлъ въ Египтѣ, Сириі, Месопотаміи и Персіи въ IX — X вѣкахъ. Всѣ эти детали восточнаго происхожденія приведены въ русскихъ былинахъ, такъ сказать, въ мѣру, что облегчаетъ пѣвцу композицію, даетъ ей ясность, а движенію его экспрессію, чего именно, за подавляющею массою деталей, часто недостаетъ въ тюркскихъ сказаніяхъ. Правда, изъ этого сходства обстановки, равно какъ изъ тождества деталей, нельзя заключать о непосредственной зависимости русскихъ былинъ отъ тюркскихъ пѣсенъ, за то и здѣсь близость сюжетовъ говоритъ намъ объ основной близости культуръ: древней восточной и новой славянской, также какъ, по обилію львовъ, фантастическихъ и крылатыхъ звѣрей на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ, археологъ безспорно заключаетъ о связи, художественной и бытовой, древней Греціи съ передне-азиатскимъ Востокомъ.

Изъ «Книги путей и государствъ» Ибнъ-Хордадбе, арабскаго географа, писавшаго въ 860 годахъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что во второй половинѣ IX вѣка русскіе купцы ходили съ товарами до Багдада, а этотъ писатель зналъ о восточныхъ Славянахъ и русскихъ, повидимому, по лично добытымъ извѣстіямъ, такъ какъ ему было легко приобрести ихъ во время бытности начальникомъ почтъ въ Персидскомъ Иракѣ. Полный, къ сожалѣнію, испорченный текстъ этого свидѣтеля гласитъ: «Путь купцовъ Евреевъ, которые говорятъ по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-андалузски и по-славянски: они путешествуютъ съ Запада на Востокъ и съ Востока на Западъ моремъ и сушею. Что же касается купцовъ Русскихъ — они-же Славянскаго племени — то они вывозятъ мѣха выдры (или бобра), черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славянской земли къ Румскому (греческому — Черному или Средиземному) морю, и царь Рума (Византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину вообще). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по Славянской рѣкѣ (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (Итиль), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (Грузинскому — юго-восточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой берегъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Иногда купцы берутъ путь за Арменію, въ странѣ Славянъ, затѣмъ къ заливу столицы Хазарской, затѣмъ въ море Джурджана, затѣмъ къ Балху и Мавараннагру, потомъ до Сина (Китая)». Такъ какъ арабскій писатель жилъ въ то время, когда Новгородская область получила названіе Руси по преимуществу, то полагаютъ, что это были купцы Новгородскихъ Славянъ, которые, объѣхавъ предварительно области западно-русскихъ Славянъ и запасшись западно-европейскими товарами, ходили двумя путями въ Индію и Китай: съвернымъ — черезъ Среднюю Азію, и южнымъ — черезъ Дамаскъ, Багдадъ и Синдъ. Другой безымянный арабскій писатель X вѣка, повторяя всѣ извѣстія Ибнъ-Хордадбе, прибавляетъ только, что Славянскіе купцы

пристають на Каспійскомъ морѣ въ Реѣ: «удивительно, что этотъ городъ есть складочное мѣсто всего міра».

Однако, свидѣтельства арабскихъ писателей о Славянахъ и Руси только тогда могутъ быть принимаемы безъ оговорокъ, когда будетъ вполне выяснена этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей по этому древнѣйшему историческому періоду, чего далеко нельзя сказать доселѣ; именно въ этой части арабскихъ извѣстій даже показанія очевидцевъ нельзя поддерживать съ полнымъ убѣжденіемъ, а тѣмъ болѣе свѣдѣнія, повторяемыя многочисленными компилятивными сочиненіями X—XII столѣтій. Извѣстно, какъ далеко уходятъ отъ реальной дѣйствительности арабскія описанія Константинополя и византійскаго двора, а потому тѣмъ съ большею осторожностью должно относиться къ свѣдѣніямъ о необозримыхъ и мало доступныхъ Славянскихъ странахъ, ихъ племенахъ и обычаяхъ. Самымъ характернымъ примѣромъ служитъ то явное и грубое смѣшеніе Славянъ, Русовъ-Норманновъ и волжскихъ Булгаръ въ одно племя Славянъ или Русовъ, съ главнымъ городомъ Булгара, въ которомъ живетъ царь, у наиболѣе извѣстнаго изъ всѣхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана, отправленнаго въ 920 годахъ калифомъ, въ посольской свитѣ, къ новообращеннымъ въ мусульманство волжскимъ Булгарамъ. Критическій анализъ извѣстій Ибнъ-Фадлана объ этихъ мнимыхъ Славянахъ: о ихъ погребальныхъ и религіозныхъ обрядахъ (идолы въ видѣ столбовъ, сожженіе въ лодкѣ, удушеніе любимыхъ наложницъ), о ихъ царѣ, его колоссальномъ тронѣ, его жизни на лошади, 400 воинахъ тѣлохранителяхъ, безотлучныхъ прислужникахъ рабыняхъ, жилищахъ въ видѣ саклей и другихъ мелкихъ данныхъ быта, одеждъ и украшеній, все приводитъ къ окончательному убѣжденію, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана, а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей, невозможно видѣть русскихъ Славянъ въ первую эпоху ихъ исторической жизни. Разказы эти, по видимой реальности, важны и любопытны для различныхъ финнскихъ и тюркскихъ народовъ с.-восточной Россіи, быть можетъ, именно волжскихъ Булгаръ. Кромѣ волжскихъ Булгаръ посредниками Руси въ ея торговлѣ съ Востокомъ были, Хазары. «Книга путей» Ибнъ-Хаукала (976—977 г.) повторяетъ съ особою настойчивостью, что большая часть товаровъ, мѣховъ и пр., привозится купцами изъ страны Русовъ и Булгаръ, частію изъ Куябы (Кіева), и что Русы продавали эти товары въ Булгарѣ, прежде чѣмъ разрушили его въ 358 (969) году — (вѣроятно, завоеваніе Дунайской Булгаріи Святославомъ). «Часть товара, однако, идетъ въ Ховаризмъ, по причинѣ частыхъ путешествій Ховарезміевъ въ Булгаръ и Славонію и по причинѣ ихъ походовъ, набѣговъ на нихъ и взятія ихъ въ плѣнъ. Приливъ же торговли Русовъ былъ въ Хазранѣ (часть города Итиля, Хазарской столицы; Хазранъ — восточная половина Итиля); это не перемѣнилось — говоритъ Ибнъ-Хаукаль — тамъ находилась большая часть купцовъ мусульманъ и товаровъ». Всего точнѣе говорить о волжскихъ Булгарахъ и ихъ торговомъ значеніи для восточной Россіи «Книга драгоцѣнныхъ сокровищъ» Ибнъ-Даста (писавшаго въ началѣ X вѣка): «Булгаръ граничитъ съ страню Буртасъ. Живутъ Булгаре на берегахъ рѣки, которая впадаетъ въ Хазарское море и прозывается Итиль, протекая между странами Хазаръ и Славянъ. Царь Булгаръ, Альмутъ по имени, исповѣдуетъ исламъ.

Страна ихъ состоитъ изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ они и живутъ. Хазаре ведутъ торгъ съ Булгарами, равнымъ образомъ и Русы привозятъ къ нимъ свои товары. Всѣ, которые живутъ по обоимъ берегамъ рѣки, везутъ къ Булгарамъ товары свои, какъ-то: мѣха соболы, горностаевы, бѣличьи и другіе... Булгаре народъ земледѣльческій и воздѣлываютъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ-то: пшеницу, ячмень, просо и другіе. — Булгары производятъ набѣги на Буртасовъ (Мордву), грабятъ ихъ и въ плѣнъ уводятъ. Они имѣютъ лошадей, кольчуги и полное вооруженіе. Подать царю своему они платятъ лошадьми и другимъ. Отъ всякаго изъ нихъ, кто женится, царь беретъ себѣ по верховой лошади. Когда приходятъ къ нимъ мусульманскія купеческія суда, то берутъ съ нихъ десятину. Одежда ихъ похожа на мусульманскую; равнымъ образомъ, и кладбища ихъ — какъ у мусульманъ. Главное богатство ихъ составляетъ куній мѣхъ. Чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха; каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиною. Бѣлые круглые диргемы приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ путемъ мѣны за ихъ товары». Зобеида, жена Гаруна-ар-Рашида, первая ввела въ Багдадъ въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями и соболями.

Лѣтопись наша подъ 1024 годомъ знаетъ «мятежъ великъ и голодъ по всей странѣ (Суздальской), идоша же по Волгѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша». Владиміръ около 1006 г. позволилъ болгарамъ торговать по Окѣ и Волгѣ и далъ имъ для этого печати, но только по городамъ, не по селамъ, а русскіе купцы могли свободно ѣздить въ болгарскіе города. Торговля связи продолжались и въ XIII вѣкѣ, и даже самое татарское нашествіе вызвало оживленіе торговли по Волгѣ. Русскія суда продолжали плавать по Волгѣ и имѣли склады въ Сараѣ, гдѣ была открыта даже особая сарайская епархія; въ то-же время по Волгѣ ходили суда татарскія, армянскія, болгарскія, вообще различныхъ «бесерменъ».

Словомъ, Волжская Болгарія была, вѣроятно, центромъ хлѣбной торговли для обширнаго района, и русскіе, въ частыхъ случаяхъ нужды, уже съ XI вѣка получали оттуда хлѣбъ. Черезъ Болгары, какъ впоследствии черезъ Нижній-Новгородъ, шли въ Россію *пряности, ароматы, шелковыя матеріи, камни, атласъ, шелкъ, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія*, какъ-то: *блюда, цѣпочки, запястья, кольца, булавки, пугови, бляхи* (восточное вооруженіе принято въ большинствѣ случаевъ отъ татаръ) и пр. Именно въ это время появилось и большинство восточныхъ названій, подъ вліяніемъ установившихся восточныхъ вкусовъ, для предметовъ убранства, костюма, художественной техники и пр.: *аламы* изъ персидскаго языка, *бархатъ* кизылбашскій, *ведро, жемчугъ* бурмицкій, ормузскій, *зарбафъ* — золотная ткань, *зендень, зендалъ, кабатъ* — одежда, *камка* индѣйская, *кафтанъ, кика, клубукъ, кишень* — карманъ, *козырь, канфаритъ* — покрывать точками, мелкою зернью пуговицы и пр., *морхи* — кисти, *объярь* — струйчатая шелковая ткань, *сарафанъ, тафта* (халябская — изъ Алеппо), *топоръ, трунцалъ* (канитель) *шапка, шуба, шелкъ* (тохатскій, изъ Токата) и пр., на что указываютъ и самыя прозвища: *блюда пѣднинскія, жемчугъ гурмыжскій* или *бурмицкій, копя харалужныя* (вороненой стали), *сафьянъ кармазинный* и пр.

Но изъ всѣхъ данныхъ о торговлѣ Руси съ Востокомъ, прежде всего, ясно, что мы условно можемъ говорить объ арабскомъ влияніи и арабскомъ стилѣ, который будто-бы наблюдается въ раннихъ русскихъ древностяхъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ широкимъ азіатскимъ или восточнымъ влияніемъ, въ которомъ національные элементы или участвуютъ разомъ, по ихъ политической группировкѣ, или въ разные періоды, по условіямъ торговыхъ сношеній, близости и взаимныхъ нуждъ, или же по мѣрѣ преобладанія того или другаго вкуса: то Сирія, то Персія, то Индія и Средняя Азія выступаютъ здѣсь своего рода руководителями русской культуры. Все дѣло въ томъ, чтобы и намъ самимъ, наследникамъ этой культуры, стать на истинную точку зрѣнія тѣснѣйшихъ родственныхъ связей древняго населенія Европейской Россіи съ Азіею, едва-ли не на всемъ пространствѣ этой части свѣта. Въ свою очередь, эта точка зрѣнія можетъ установиться у насъ только въ результатѣ новаго научнаго взгляда на *варварское* населеніе Россіи въ періодъ IX—X стол.: это варварство должно понимать не въ смыслѣ примитивной грубости, начальной, первой ступени цивилизаціи, но въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ принимали греки, называя древнихъ персовъ варварами, т. е. въ смыслѣ особой, отличной отъ Запада культуры восточнаго происхожденія и характера, наиболѣе оригинально выражавшейся въ быту кочевниковъ.

Въ разборѣ древностей эпохи переселенія народовъ мы уже имѣли случай подробно изложить тѣ основанія, по которымъ бытъ кочевниковъ въ извѣстную эпоху шелъ впереди быта земледѣльческаго по усвоенію культурныхъ формъ, хотя бы эти формы касались исключительно личныхъ украшеній, уборовъ, того, что называется доселѣ богатствомъ въ народѣ. Анализъ древнѣйшихъ періодовъ русскаго искусства разъяснилъ намъ общій принципъ тѣсной и неразрывной связи типа уборовъ и ихъ орнамента, иначе говоря, логической необходимости этого послѣдняго, какъ выраженія служебной роли типа въ томъ или другомъ уборѣ. Этотъ принципъ указалъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ типомъ первоначальнымъ, не измѣненнымъ, воспринятымъ однородною средою, съ полнымъ пониманіемъ его роли, которой не коснулась перемѣна, а потому и не покинулъ основной орнаментъ. Не то мы видимъ съ переходомъ типовъ на сѣверо-западъ Европы, а потому и скандинавскій орнаментъ является съ характеромъ произвола и преувеличенія, какъ орнаментъ Индіи.

Скандинавскія древности V—IX и X—XII столѣтій, собранныя въ національномъ музеѣ Стокгольма, поражаютъ массою серебряныхъ и отчасти золотыхъ издѣлій всякаго рода: обручей, браслетовъ, спиральныхъ колецъ и пр.; скандинавскіе археологи должны были невольно увлечься этимъ богатствомъ своего музея и, вмѣстѣ съ Юрнандомъ, считавшимъ миѳическую Скандію страной *officina gentium*, видѣть въ ней *officina artium*. Но эти витрины, набитыя серебромъ, безконечно повторяютъ одинъ и тотъ-же типъ, нерѣдко вариантъ, въ десяткахъ, сотняхъ экземпляровъ, и всѣ эти безконечные клады кажутся кучами ломанаго серебра. Эти клады состоятъ изъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, накопленныхъ конунгами и викинггами, и составляютъ военную добычу, цѣнное имущество, только не расплавленное, а нарѣзанное для удобства расходованія.

Насъ поражаетъ въ этихъ богатыхъ кладахъ, отсутствіе серегъ, бѣдность женскихъ уборовъ и украшеній, — черта, какъ разъ прямо противоположная русскимъ кладамъ, почти исключительно составленнымъ изъ уборовъ церковныхъ и личныхъ. Здѣсь, напротивъ, если и есть браслеты, то, очевидно по самой ихъ грубости, изъ нихъ нѣкоторые вовсе не служили для ношенія на рукахъ, а только лишь имѣли эту форму, привычный типъ, по существу же были денежною цѣнностью опредѣленнаго вѣса, точно также какъ многочисленныя находки обручей, гривенъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, съ одной стороны, и Витебской губерніи съ другой, не могутъ быть относимы къ господству обруча, какъ украшенія, но къ его употребленію здѣсь въ видѣ денежнаго знака. Вотъ почему браслеты скандинавскіе не только грубы и толсты, но массивны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они или дутые или тонкіе и легкіе.

Въ періодъ IX—X стол. мы встрѣчаемъ большой кладъ изъ Гельсингланда, замѣчательно близкій по вещамъ и ихъ орнаментикѣ (подвѣсныя серебряныя лунницы и ажурныя бляшки) къ Гнѣздовскому кладу Смоленской губерніи, но опять же въ этомъ кладѣ на рядъ разнообразныхъ фибулъ приходится: одна серьга филигранная, одинъ обручъ и пара дротовъ (кусковъ толстой проволоки), согнутыхъ на подобіе браслета, а затѣмъ уже идутъ простые серебряныя дроты и т. д. Другой кладъ, съ англосаксонскими монетами, богатъ слитками, разными обручами, но изъ украшеній въ немъ только два толстыхъ золотыхъ браслета, чрезвычайно грубой работы. Третій подобный кладъ заключаетъ въ себѣ два толстыхъ серебряныхъ обруча съ наглавниками, какъ въ Гнѣздовскомъ кладѣ, даже орнаментированными также чернью и филигранью, поясъ изъ 19 наборныхъ бляхъ съ подвѣсными куфическими монетами и бляшками гнѣздовскаго типа и рисунка, но изъ нихъ средняя бляшка выдѣляется какъ будто особымъ «скандинавскимъ» рисункомъ, тогда какъ всѣ предъидущія скорѣе могутъ быть издѣліемъ Булгаръ, чѣмъ Швеціи; въ томъ-же кладѣ оказалось 41 бусина, дутыхъ, изъ серебра, и между ними только восемь одинакихъ, а прочія всѣ сборныя, и нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, снятыя съ серегъ. И если изрѣдка среди этихъ кусковъ встрѣтится кусокъ русской серьги-колта съ черневымъ изображеніемъ птицы, то онъ не представитъ памятника «скандинавской древности» въ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, одновременное появленіе въ Скандинавіи и Западной Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами слѣдуетъ приписать, во-первыхъ, арабскому привозу, а во-вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ.

Арабы своими завоеваніями, а еще болѣе своими торговыми предпріятіями способствовали распространенію издѣлій Сиріи и Египта до береговъ Вислы на Сѣверѣ и предѣловъ Испаніи, Танжера на югѣ. Вотъ, почему мы находимъ объясненія гнѣздовскимъ и невельскимъ древностямъ въ народныхъ уборахъ Сиріи и Арабовъ Египта. Мы находимъ тамъ и громадныя обручи съ наглавниками изъ Дамаска, и цѣпи съ подвѣсными бляшками, амулетами, и фибулы въ видѣ кольца съ иглою, и подвѣски въ видѣ криновъ, ажурныя фигурки двуглавыхъ птицъ, и даже тѣ самыя капторги или поясныя коробочки, которыя видѣлъ Ибнъ-Фадланъ

на Волгѣ у «Руссовъ», а мы находимъ въ древностяхъ великихъ Булгаръ, Морянь и т. д.

Но какъ черниговскіе рога представляютъ мѣстное издѣліе, такъ, затѣмъ, и пластинчатые серебряные браслеты, съ фигурными изображеніями, издаваемые нами ниже, и характерная рѣзба съ птицами на черенкахъ изъ клада Есикорскаго и множество другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ вещей, очевидно, были сдѣланы въ Кіевѣ.

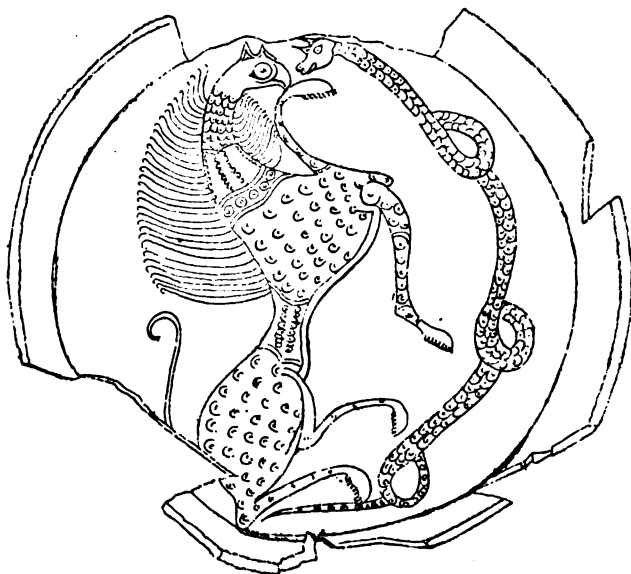
Какое широкое и, пожалуй, особенное значеніе для русской древности игралъ Херсонесъ, свидѣтельствуемъ та масса привозныхъ изъ него и черезъ него предметовъ церковной и свѣтской утвари, которая создала даже въ древности первое названіе стилиа или пошиба *корсунскаго* — «*корсунскаго дѣла*».

Начиная съ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ церковной древности и бытовой утвари на мѣстѣ развалинъ города и кончая многочисленными находками роскошныхъ погребальныхъ уборовъ, мы за немногіе годы систематическихъ раскопокъ узнали такъ много, что историческій взглядъ русскаго археолога невольно обращается сюда за разрѣшеніемъ вопросовъ русской древности и искусства. Уже теперь для каждаго изслѣдователя южно-русской, специально кіевской старины, ясна тѣсная связь Кіева съ Херсонесомъ, даже болѣе — ихъ культурная преемственность.

Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначущимъ съ «архаическимъ». Древности «Корсунскаго дѣла» были часто предметами монументальнаго мастерства и ремесла, изъ мѣди, желѣза и глины, и лѣтописецъ, говоря о взятіи Корсуна, передаетъ, что Владиміръ «взя же и мѣдяни двѣ капищи и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею». Предложенныя здѣсь двѣ поправки въ текстъ: *скапища*, вмѣсто *капища*, отъ скапы — затворы, косяки, *иконы*, вмѣсто *кони*, основаны только на свидѣтельствѣ шведскаго историка, рассказывающаго о вывозѣ двухъ вратъ, и на соображеніяхъ произвольныхъ, и обѣ неудачны. Во всякомъ случаѣ, изъ Корсуна были вывозимы предметы церковной утвари, сосуды, кресты, и многое; что открывається въ Херсонесѣ новѣйшими раскопками, имѣетъ ближайшую аналогію въ древностяхъ Крыма, Абхазіи, береговъ Дона и Днѣпра. Такъ на примѣръ, мы полагаемъ, что всѣ извѣстныя («Русскія Древности», вып. IV, рис. 27, 27а, 28, 28а) намъ своимъ грубымъ стилемъ, короткими и архаическими фигурами, высокимъ рельефомъ, массивныя мѣдныя кадила (не носившіяся въ рукахъ, а подвѣшивавшіяся въ церкви къ стѣнамъ), находимыя въ Θεодосіи, Судакѣ, Керчи и вообще по берегамъ Чернаго моря, были корсунскими издѣліями. Замѣчательно, что пара подобныхъ кадилъ, попавшихъ въ Національный Музей Флоренціи, съ шестью обычными сюжетами, грубыми, но нѣсколько болѣе раздѣланными формами, отнесены къ VII столѣтію и къ издѣліямъ Сиріи, хотя, всего вѣроятнѣе, принадлежатъ къ X вѣку и происходятъ, быть можетъ, изъ генуэзскихъ колоній; но таковы, дѣйствительно, ихъ общій пошибъ, что, вмѣстѣ съ грузинскими рельефами, онъ наиболѣе напоминаетъ коптскія и сирійскія

бронзы, въ послѣднее время уже во множествѣ поступившія въ европейскія собранія.

Конечно, важнѣйшее явленіе восточно-византійской культуры и искусства X—XII столѣтій есть художественная промышленность, сравнительно низкаго уровня, назначенная для варварскаго рынка, и существованіе ряда всякихъ фальсификацій и мѣстныхъ поддѣлокъ. И если украшенія херсонскихъ базиликъ исполнялись изъ проконесскаго мрамора на его родинѣ и привозились готовыми, то лишь немногіе виды завозной промышленности доставлялись въ Херсонъ и Кіевъ изъ мѣстъ первоначальнаго возникновенія производствъ, — большинство же, напротивъ, производилось мѣстными мастерскими, какъ подражаніе завозному иностранному товару. Конечно, стеклянныя издѣлія въ эту эпоху доставлялись исключительно изъ Сиріи, и вотъ главная причина того простаго факта, что днища стеклянныхъ чашекъ и блюдецъ, найденныя въ Херсонѣ и Кіевѣ, тождественны. Стеклянные браслеты часто встрѣчаются въ юго-западныхъ курганахъ и городищахъ, но чтобы имѣть объ этомъ типѣ издѣлій должное понятіе, надо обратиться къ херсонскимъ погребальнымъ находкамъ: между ними браслеты

18. Поливное блюдо изъ Херсонеса.

столь обычное явленіе въ эпоху IX—XII вѣковъ, что уже теперь набрана обширная и разнообразная коллекція ихъ. Всѣ эти браслеты очень близки къ античному оригиналу, также производившемуся въ Сиріи, и отличаются отъ него только тщательностью античной отливки: древній браслетъ греко-римской эпохи всегда такъ чисто сплавленъ, что концовъ свареннаго дрота не видно, всегда гладокъ и хорошо отшлифованъ, тогда какъ византійскій браслетъ сдѣланъ грубо, небрежно, и концы часто оставлены не сплавленными.

Стекла — предметъ привозной промышленности, а горшечныя издѣлія съ поливою — продуктъ мѣстнаго производства, и потому для насъ особенно важно существующее въ послѣднихъ издѣліяхъ сліяніе элементовъ восточнаго и византійскаго искусства. Посуда эта стала обращать на себя вниманіе лишь въ послѣднее время, но открыта и сохранена только въ находкахъ Херсонеса, Θεодосіи, Судака; единичный экземпляръ встрѣченъ пока въ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Техника поливы весьма простая и несложная: сосудъ, будь то чашка, кувшинчикъ, блюдо или блюдце, прежде обжого, по сырой глинѣ покрываютъ бѣлымъ составомъ мучнистаго характера или краскою, не выдерживающею ни обжого, ни

атмосферическихъ вліяній; покрываютъ сплошь, въ лучшихъ экземплярахъ и снаружи, въ большинствѣ только внутренность сосуда, и затѣмъ ножикомъ или инымъ острымъ предметомъ прочерчиваютъ на этой покраскѣ рисунокъ до слоя натуральной глины, обнажая, такимъ образомъ, ея болѣе темный фонъ, который и даетъ въ одно и то-же время и контуръ, и поле для рисунка, освобожденное отъ бѣлой обмазки. Затѣмъ весь сосудъ, кромѣ тѣхъ частей, которыя не нуждаются въ поливѣ, покрываютъ сплошь, обливая и рисунокъ, и фонны, и нѣсколько уже высохшую бѣлую обмазку, прозрачною свинцовою глазурью или поливою и подвергаютъ обжогу. Уже къ этой поливѣ, которая прозрачна, прибавляютъ для цвѣта различныя мѣдныя соли, впускаютъ зеленый цвѣтъ, а также и другіе отѣнки.

Интересны сюжеты сосудовъ, вводящіе насъ въ оригинальный міръ, гдѣ существовало и свое преданіе, и свое творчество, и свои вѣковые народные вкусы, и временныя моды. Мы находимъ здѣсь царя на охотѣ и за пиромъ, какъ на чашѣ Хозроя и на плафонахъ Палатинской капеллы въ Палермо, и всадника, подобнаго Димитрію великомученику, и воина въ латахъ; но главный видъ изображеній относится къ животному міру. Этотъ животный міръ древнеазиатскаго происхожденія: схематическіе типы льва, хищной птицы, рыбъ, голубя; изъ фантастическихъ животныхъ — дерущіеся грифы или грифъ въ схваткѣ со змѣею. Замѣчательны изображенія Сириновъ. Изъ растительнаго міра характерны цвѣты и культурныя формы домашнихъ растений и цвѣтовъ, идущія изъ Персіи. Особенно обильны плетенія и

19. Поливной сосудъ изъ Θεодосіи, съ изображеніемъ сирина.

геометрическіе узоры всевозможныхъ зигзаговъ, полосъ, разводовъ, волютъ, волнъ, звѣздъ, крестовъ, розетокъ, арабскихъ полигоновъ, арабесокъ всякаго рода. Весь этотъ узоръ, въ цѣломъ, не принадлежитъ ни сассанидскому искусству, хотя древнѣйшіе его образцы мы имѣемъ въ поливныхъ сосудахъ изъ Рея (въ Британскомъ и Кенсингтонскомъ музеяхъ) или Решта, ни арабскому, хотя многіе

типы повторяются посудой мавританскою, ни также византійскому, хотя мы здѣсь находимъ и монограммы христіанскихъ именъ, и имена Святыхъ на днѣ чашекъ. Опять-же и здѣсь производство посуды, сперва привозной, затѣмъ стало мѣстнымъ, хотя, конечно, въ началѣ исполнялось руками пріѣзжихъ мастеровъ изъ Малой Азіи или Сиріи,

20. Рукомойникъ церковный изъ бронзы, найденный въ Кіевѣ.

Самое важное для насъ обстоятельство заключается именно въ сліяніи византійскаго (собственно, точнѣе, греческаго) и восточнаго искусства. Было бы слишкомъ долго входить въ разсмотрѣніе того, какое именно восточное искусство здѣсь участвовало, къ какому воззрѣнію слѣдуетъ нынѣ примкнуть въ вопросѣ о сущности арабскаго стіля: признать-ли Персію, или Египетъ во главѣ движенія и творцомъ этого стіля; для нашей задачи это было бы излишне. Херсонесскія блюда носятъ древній восточный характеръ, а греческій типъ выраженъ

многочисленными христианскими монограммами, крестами и византийской орнаментикой. Въ этомъ «корсунскомъ» дѣлѣ было столько-же греческаго, сколько восточныхъ элементовъ, откуда бы они ни пришли, изъ Египта черезъ Сирію и Кавказъ, или изъ Персіи черезъ Каспійское море. Кратко укажемъ на поразительное стильное сходство нѣкоторыхъ антропоморфическихъ сосудовъ и терракотовыхъ фигурокъ Θεодосіи съ терракоттами, найденными въ Афросіабѣ близъ Самарканда. Но еще большей наглядности достигаетъ аналогія въ изображеніяхъ животнаго міра: таковы драконы, грифы, львы и прочіе хищники, въ коптскихъ рукописяхъ и на херсонскихъ сосудахъ.

Бронзовые рукомойники (aquamanilia), церковнаго употребленія, въ видѣ грифоновъ, львовъ, химеръ, всадниковъ, кентавровъ и пр., образцы которыхъ встрѣчены въ кладахъ: Кіева (Житомирская улица, см. рис. 20) и Гнѣздова, также Ярославской или Вологодской губерній (въ собраніи Г. Д. Филимонова), могли вывозиться на Русь изъ Корсуна, вмѣстѣ съ сосудами, колоколами (упоминаемыми въ лѣтописи подъ 6970 г.) и прочею церковною утварью. Изъ Румянцовскаго собранія въ Музей Румянцова въ Москвѣ поступилъ замѣчательный сосудъ въ видѣ бронзоваго дракона, пожирающаго василиска.

Всѣмъ извѣстны «корсунскіе» складные кресты-тѣльники, находимые доселѣ въ землѣ въ Херсонесѣ, Θεодосіи, Оріандѣ, Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. Дальнѣйшаго ихъ распространенія мы не знаемъ, а по времени можемъ считать всѣ эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Извѣстно, что есть древнѣйшій типъ съ инкрустаціями серебромъ и оловомъ, далѣе съ глубокою рѣзбою (но всегда безъ эмали), съ горельефомъ, и типъ болѣе поздній, съ барельефнымъ Распятіемъ и пр. Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII стол., встрѣчаемыхъ и въ кладахъ, и въ ризницахъ и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, серпентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуна, почему мы и можемъ называть ихъ «корсунскими тѣльниками».

Встрѣчая напр. въ курганѣ Кіевской губ. бронзовое кадило въ видѣ чаши съ грубыми рельефными фигурами четырехъ евангелистовъ по ея гранямъ, мы объясняемъ себѣ это странное явленіе въ VIII—IX вѣкѣ корсунскимъ привозомъ.

На одномъ изъ крестовъ (рис. 21), отъ котораго сохранилась только обратная половина, тончайшею рѣзбою и инкрустаціею выполнены: сверху *Вознесеніе* Господа Иисуса Христа, на рукахъ 4 ангеловъ, въ миндалевидномъ ореолѣ; въ срединѣ Божія Матерь на престолѣ, держащая Младенца (престола не видно), надпись: Вознесеніе. По сторонамъ, 12 апостоловъ, какъ-бы идущихъ къ Богоматери. Замѣчательное сочетаніе Богородицы—Церкви въ «Вознесеніи» съ Богоматерью, держащею Младенца. Внизу сцена Преображенія въ миндалинѣ съ Петромъ и Павломъ и три фигурки Апостоловъ по грудь внизу. Крестъ относится къ VII или VIII столѣтію.

Второй корсунскій крестъ выполненъ рѣзбою и наколомъ, по рѣзбѣ — чернью, но она вся выкрошилась; представляетъ (рис. 22) Распятаго въ препоясаніи, и погрудь Марію и Іоанна скорбящихъ съ грубыми надписями ихъ именъ.

Затѣмъ, рисунокъ 23 представляетъ корсунскій крестъ, найденный въ Кіевѣ, по Холевой улицѣ, въ 1893 году: рисунокъ выполненъ здѣсь хорошею рѣзбою,

наколомъ, еще въ стилѣ IX—X столѣтій, и отличается чрезвычайною характерностью. Корсунское происхожденіе его внѣ сомнѣнія.

Въ Херсонесѣ встрѣчены также тѣльные кресты обычнаго корсунскаго типа складней съ надписями славяно-русскими: находка ихъ вызвала, конечно, обычное анекдотическое объясненіе, что кресты эти должны были принадлежать русскимъ, поселившимся въ Корсуни. Конечно, тамъ были русскіе въ составѣ населенія, однако, подобныя находки говорятъ намъ о другомъ фактѣ, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза въ Россію, но такъ какъ Грековъ въ XII—XIII вѣкахъ

21. Крестъ складень изъ Херсонеса.

22. Крестъ складень изъ Херсонеса.

было мало, а русскихъ много, и торговля крестами съ Русью шла шибко, то издѣлій для нея изготовлялось съ излишкомъ, и инья оставались дома.

Вотъ, почему между херсонесскими формочками для отливанія (изъ мѣди, подражательныхъ, стало быть для продажи темному народу) мы встрѣчаемъ съ особеннымъ интересомъ: одну формочку для тѣльнаго крестика (формы крестика изъ камня, съ оправою), другую для серьги съ подвѣсною бусою и третью для серьги съ лунницею, въ видѣ калачика, окаймленнаго жемчужною нитью.

Затѣмъ, намъ много говорятъ о «Корсунской» святынѣ наши преданія, но данныя ихъ крайне смутны. Намъ перечисляютъ множество корсунскихъ, «по преданію», иконъ и древностей въ Новгородѣ: но и Мстиславово Евангеліе, и крестъ Антонія, все это или цареградскія произведенія, или позднѣйшія; кор-

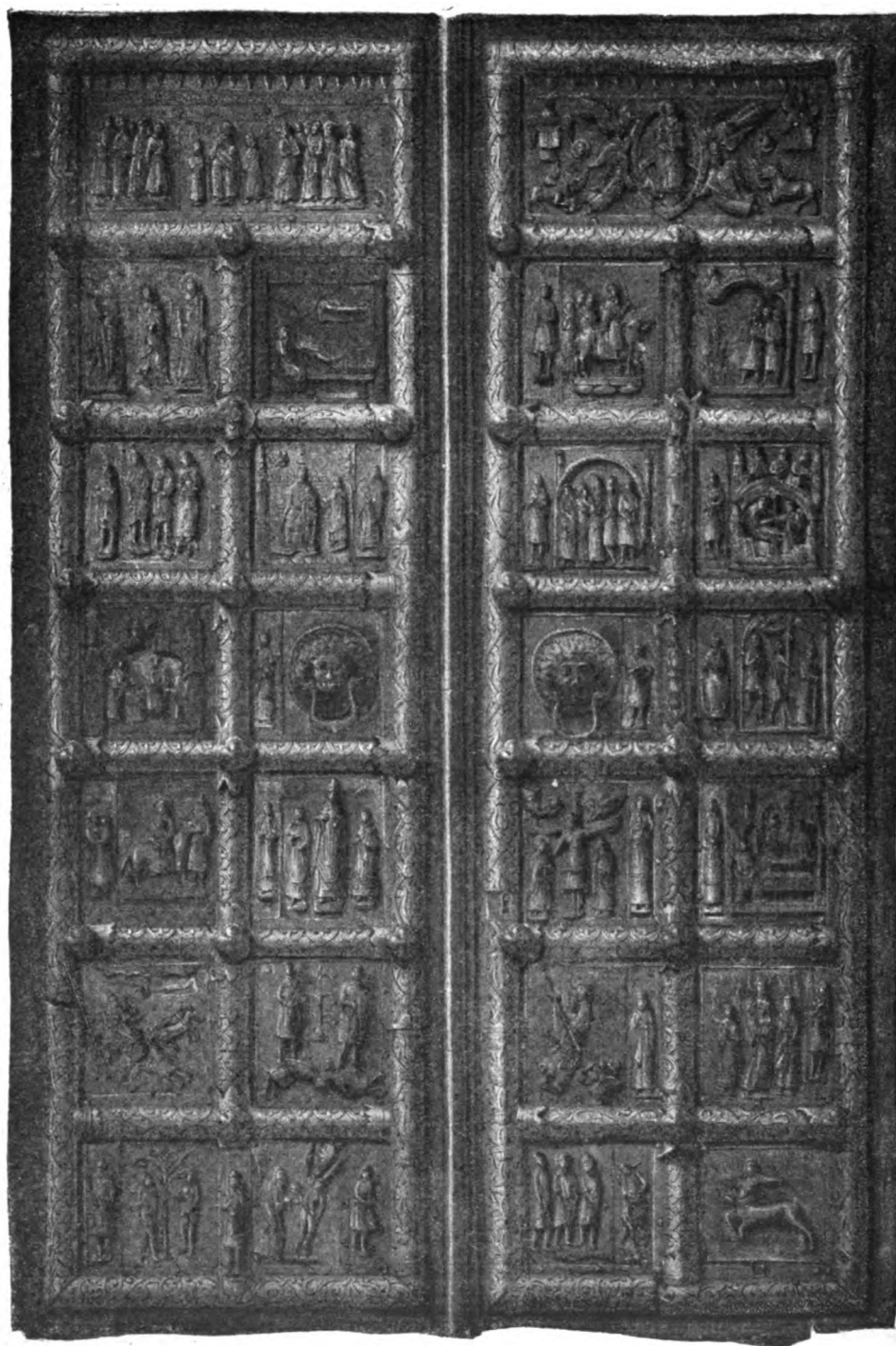
сунскія иконы — иконы всякихъ «греческихъ» писемъ, стѣнопись — «цареградская», даже по словамъ лѣтописи. Знаменитыя *Корсунскія врата* Св. Софїи Новгородской получили такое названіе или отъ «Корсунской паперти», у которой онѣ стоятъ и которая это имя получила отъ своей иконописи (1350 г.), или отъ своего архаизма, или же по недоразумѣнію и смѣшенію съ другими. Такъ наз. *Корсунскія врата* (рис. 24) сдѣланы въ Магдебургѣ, гдѣ былъ еп. Вихманъ († 1192), на нихъ изображенный. Но такъ какъ было преданіе о привозѣ вратъ изъ Корсуни (впрочемъ, позднее) и такъ какъ еще Герберштейну сообщали это имя (можетъ быть, именно по ихъ древнему типу), то полагаютъ, что произошло смѣшеніе: подлинно Корсунскими вратами должно считать тѣ врата Софїи, которыя нынѣ называютъ Сигтунскими и которыя по характеру орнаментаціи и техники, дѣйствительно, тождественны съ византійскими вратами Равелло, Салерно, Амальфи въ Италіи. Сигтунскія врата были вывезены изъ шведской столицы Сигтуны, при оз. Меларъ, въ Новгородъ уже въ 1187 году, могли быть сдѣланы въ Италіи, по техническому исполненію рѣзбы вглубь съ ташировкой относятся къ XI—XII вѣку.

Въ XI столѣтіи мы встрѣчаемъ важнѣйшее вліяніе византійскаго искусства и культуры на древнюю Русь и даже, ради точности, должны бы были называть всю вторую половину великокняжескаго или домонгольскаго періода, въ частности XI и XII столѣтія, періодомъ *русско-византійскаго искусства* или, по крайней мѣрѣ, *русско-византійскихъ древностей*.

Въ средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и пока приходится принимать, согласно со скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведения монументальнаго искусства выполнялись у насъ Греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями, или подрядчиками изъ Византіи, причемъ мраморы привозились изъ проконнесскихъ ломокъ уже вполнѣ отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополь, о чемъ есть прямыя свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы.

23. Крестъ-складень изъ Кіева.

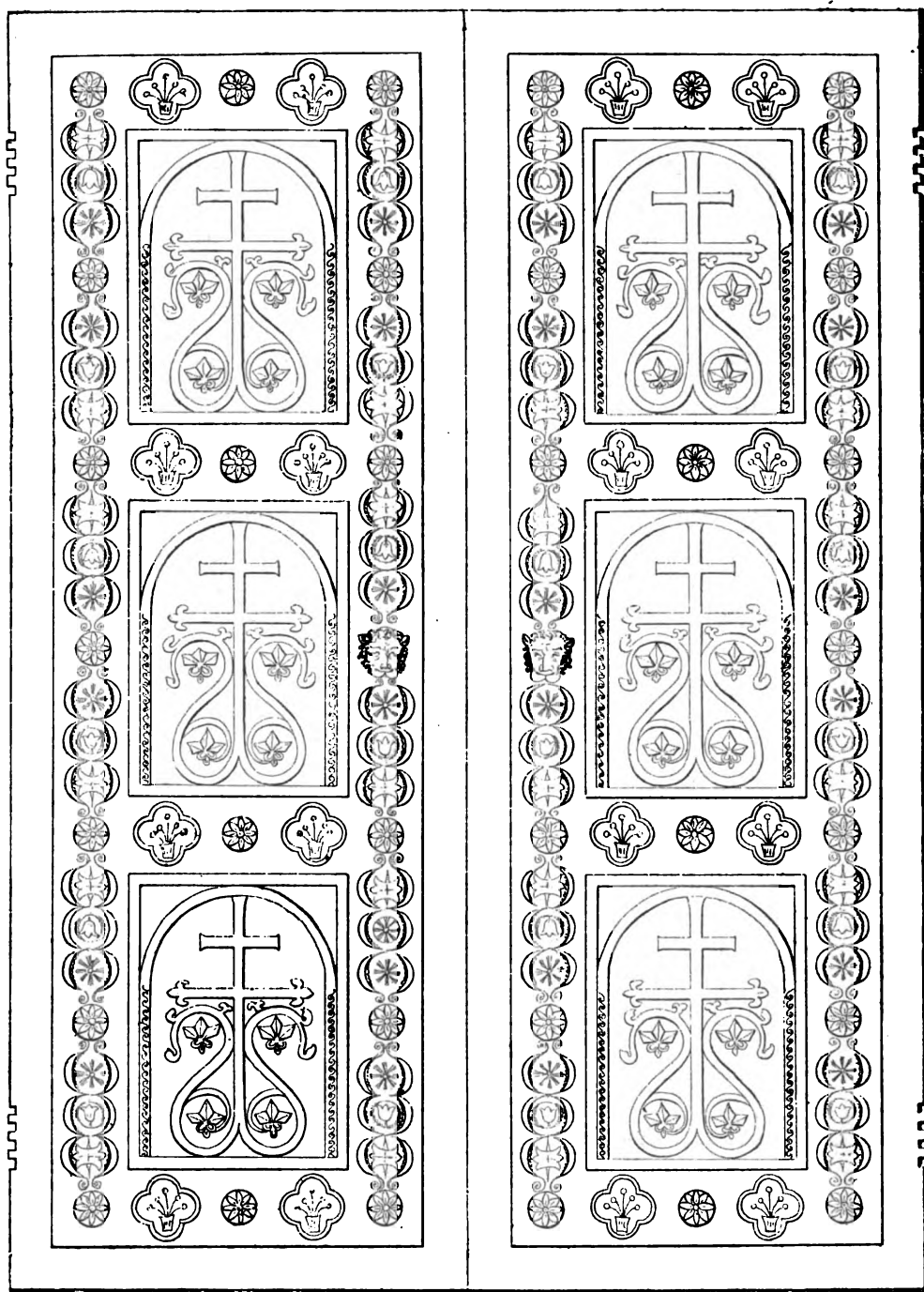

24. Такъ называемыя «Корсунскія врата» въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, 1192 г.

Напротивъ того, останавливаясь на мелкихъ предметахъ изъ разряда *бытовыхъ личныхъ уборовъ*, составляющихъ *главное* (хотя далеко не единственное) содержание кладовъ до-монгольскаго періода, мы наиболѣе близко подходимъ къ самому существу взаимной связи русской бытовой и художественной почвы и византійскаго на ней посѣва, въ томъ смыслѣ, что узнаемъ, въ чемъ именно нуждалась русская земля, что брала отъ византійской культуры, какъ видоизмѣняла принятое, какой смыслъ и значеніе придавала своимъ заимствованіямъ и пр.

На первомъ мѣстѣ должна стоять техника *перегородчатой эмали*: съ самаго начала X вѣка эмаль развивается въ Византіи особенно широко, усваиваетъ себѣ почти всѣ существующіе въ перегородчатой эмали приемы, обогащается высшимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тоновъ, подъ влияніемъ восточныхъ, воспринятыхъ Византією вкусовъ, искавшихъ многоцвѣтности, пестроты красокъ, и становится особымъ искусствомъ. Прежде ограниченная орнаментальною сферою, эмалевая живопись, отчасти благодаря иконоборству, вызвавшего появленіе мелкихъ образковъ, тѣльниковъ, но главное, благодаря тогдашнимъ вкусамъ, вошла въ употребленіе для священныхъ изображеній. Появленіе эмалевой иконописи не сзудило, а расширило производство, за которымъ все-же осталась его орнаментальная сфера, столь блистательно представленная киворіемъ и особенно престоломъ Св. Софіи Константинопольской, и причина этого расширенія лежала столько-же во внутреннихъ условіяхъ самой византійской иконописи, къ этому времени какъ бы успѣшнѣе выработаны были шаблоны, сколько въ совершенствѣ эмалевой техники. Какъ многочисленны были финифти во времена Константина Багрянороднаго, на то имѣемъ множество указаній въ его сочиненіяхъ: императорская казна и ризницы столичныхъ церквей изобиловали подобными издѣліями, торжественно выставившимися на праздникахъ и во время посольскихъ приемовъ въ золотой Палатѣ. Тѣ-же издѣлія находились въ продажѣ у ювелировъ, обязательно доставлявшихъ во дворецъ, на случай особенно торжественнаго убранства его залъ, свои лучшія вещи. Въ это время эмалью украшали и церковную утварь, потиры и дискосы, кресты и оклады, а также и пиршественныя чаши, блюда, оружіе, предметы личнаго мужскаго и женскаго убора и лошадиную сбрую. Многочисленность эмалевыхъ издѣлій, сохранившихся до насъ именно отъ X—XI стол., всего лучше удостовѣряетъ насъ въ томъ, что это не была секретная техника, составлявшая монополію византійскаго двора. Это было художественное ремесло, проникшее на востокъ и западъ: въ Кіевъ и Грузію, Сѣверную Италію и Южную Германію, а по догадкамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, даже въ Персію и Индію. Финифтяныя издѣлія изготовлялись, въ общихъ чертахъ, такъ: эмальеръ самъ приготовлялъ золотой листъ для устройства на немъ перегородчатой эмали; этотъ листъ загибался съ краевъ по требуемой формѣ предмета, образка, куска орнамента и пр., и образовывалъ своего рода лоточекъ; по внутренней его сторонѣ или по дну выполнялся шиломъ рисунокъ въ видѣ пунктира, и затѣмъ, слѣдуя по линіямъ накола, эмальеръ выкладывалъ по нимъ весь контуръ изображеній тонкими золотыми ленточками, нарезанными сообразно толщинѣ будущаго слоя эмали, устанавливая ихъ на ребро въ видѣ перегородочекъ; между ними насыпался и затѣмъ плавился эмалевый порошокъ разныхъ цвѣтовъ.

*

25. Сигтунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Здѣсь требовалась отъ мастера большая тщательность и техническая ловкость, и по этимъ качествамъ легко отличить чисто византійскую работу и константинопольскую эмалевую пластинку отъ русской или грузинской, въ которой ленточки бывають порваны, заходятъ концами одна за другую, измяты, грубо вырѣзаны и пр. Толщина эмалеваго слоя и соотвѣтственная вышина перегородочекъ помогаетъ отличать блестящую работу X или XI стол. отъ издѣлій временъ упадка эмалей въ XII и XIII вѣкахъ въ самой Византіи. Въ вещахъ особенно тонкихъ слой эмали не превышаетъ полмиллиметра, вещи поглубѣ бывають въ два миллиметра. Главное достоинство византійскихъ эмалей въ гармоніи красокъ, чистотѣ и интенсивности тоновъ, а главный недостатокъ въ отсутствіи рельефа моделировки и въ схематизмѣ фигуръ и особенно драпировокъ. Но затѣмъ, достоинство эмалевыхъ красокъ заключается въ ихъ плавильныхъ свойствахъ: многія краски темнѣють, мѣняють цвѣта, когда онѣ подвергаются обжогу вмѣстѣ съ другими, столь тугоплавкими, что онѣ еще не расплавились, когда первыя успѣли сгорѣть. Тоны красокъ отчасти дѣло умѣнья, отчасти случая. Такъ, въ византійскихъ эмаляхъ особенно поражаетъ красота, тѣлесность цвѣта рукъ и ликовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистый тѣлесный тонъ, съ легкимъ розоватымъ и оливковымъ оттѣнкомъ, встрѣчается только въ X и первой половинѣ XI вѣка, а позже составляетъ случайность. Извѣстную особенность древнихъ эмалей составляютъ также прозрачныя изумрудныя эмали и молочно-бѣлая краска для тѣла. Наконецъ, проба золота также играетъ видную роль въ исполненіи: въ Византіи для большихъ эмалевыхъ работъ употреблялся сильный процентъ примѣси: 20% серебра на 80% золота; въ русскихъ работахъ (Кіева, Рязани и пр.) также встрѣчаемъ въ эмаляхъ это низкопробное золото, и во Владимірскомъ кладѣ примѣсь къ золоту доходитъ до 30%. Заключительнымъ процессомъ эмалеваго производства является шлифовка готовой послѣ обжога эмалевой поверхности. Эта шлифовка или полировка эмалей достигала у византійскихъ мастеровъ высокаго совершенства, подобнаго шлифовкѣ драгоценныхъ камней, и это причина, почему инныя эмалевыя древности, даже вынутыя изъ земли послѣ тысячелѣтняго въ ней пребыванія, оказываются сохранившими свою зеркальную поверхность, тогда какъ другія, невизантійскія, не будучи разрушены, стали даже неразличимы. Такъ, въ русскихъ эмалевыхъ вещахъ, найденныхъ рядомъ съ византійскими въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года, наблюдается наибольшая степень разрушенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упадокъ рисунка, грубость орнамента, нечистыя краски. Точно также мы видимъ любопытную разницу въ эмалевой техникѣ двухъ кіевскихъ кладовъ 1880 года и 1885 года: даже толщина слоя финифти рѣзко разнится въ обоихъ, а также оттѣнки красокъ и шлифовки, особенно синяго цвѣта, сохранившаго первоначальную чистоту и яркость.

Второй замѣчательный видъ техники въ древне-русскихъ издѣліяхъ, развившихся подъ вліяніемъ Византіи, составляетъ *скань*, *сканное* дѣло (отъ глагола съкати, сучить), въ простѣйшемъ видѣ существовавшая почти всегда въ народномъ художествѣ, но ставшая въ XI—XII столѣтіи особо утонченною и совершенною. Можно указать на Рязанскій кладъ 1822 года и Мономахову шапку, какъ на произведенія высоко художественныя. Тутъ дѣло не въ выборѣ способовъ и приемовъ, но въ ихъ усвоеніи и развитіи, умѣньи примѣнить на дѣлѣ

извѣстный рисунокъ и открытъ наиболѣе удачную компановку. Простѣйшая скань въ античныхъ вещахъ поразительно изящна, а въ варварскихъ издѣліяхъ, прирейнскихъ и особенно Англии, груба и неуклюжа, также какъ утонченная филигрань XI и XII вѣка въ Россіи, Южной Германіи даетъ художественныя вещи, а современныя закавказскія работы того-же типа представляются утрированными.

Вещи Рязанскаго клада 1822 г. (см. ниже) представляютъ характерную технику: ихъ филигрань исполнена посредствомъ ссученныхъ или скрученныхъ золотыхъ нитей, по двѣ нити въ каждой веревочкѣ, и притомъ скрученныхъ настолько круто, столь тѣсными спиралями, насколько это было возможно сдѣлать; это и есть собственно *скань*, во Франціи (въ XIII в.) *filigrane cordée*; затѣмъ эту веревочку сплющивали молоткомъ въ ленточку, и тогда ея верхняя каемка представляла подобіе зерновой нити, или собственно филиграни. Въ медальонахъ Рязанскаго клада скань расположена, такъ сказать, ажурно, т. е. припаяна и ко дну, и по проложенной уже по дну скани, что придаетъ всему рисунку особую красоту и блескъ. Подобная-же техника блистательно примѣнена на *Pala d'oro* Венеціанскаго св. Марка, а также на нѣкоторыхъ предметахъ древности XI—XII стол., по преданію, будто-бы, принадлежавшихъ Карлу Великому.

Мы знаемъ два главныхъ вида *скани* или *филиграни*, употребляя пока эти термины въ условномъ ихъ тождествѣ, принятомъ, однако, почти повсюду. На первомъ мѣстѣ стоитъ работа изъ зернистыхъ нитей, или нитей мелкихъ зеренъ, изгибаемыхъ щипчиками и образующихъ бордюры, коймы и ажурные разводы: это древнее *filum granum*, *filets grenus*, *grenetis* и пр., собственно филигрань или *зернь*. Второй способъ состоитъ въ употребленіи волоченной или тянутой проволоки или нити, золотой и серебряной, которою или обматывается вещь, или украшается поверхность также выкладкою на ней въ различныхъ орнаментальныхъ формахъ. Эта филигрань также древняя, какъ и первая, если не древнѣе, судя по тому, что она испоконъ вѣковъ господствовала на древнемъ Востокѣ, въ Египтѣ, древней Греціи и Этруріи и представила множество блестящихъ произведеній искусства въ издѣліяхъ ювелировъ Сиріи, Малой Азіи, Афинъ и Тосканы. Эта форма настолько древняя, что употребленіе перваго вида собственной филиграни или зерни въ издѣліяхъ эпохи переселенія народовъ, меровингской и пр. мы должны скорѣе объяснять занесенною къ варварамъ временною модою, т. е. своего рода новостью, римскимъ нововведеніемъ.

Но около IX столѣтія филигрань изъ волоченной нити является господствующимъ видомъ и создаетъ въ искусствѣ работы, по истинѣ, художественныя; при этомъ, въ древностяхъ Россіи IX—XII стол. мы имѣемъ едва-ли не лучшіе образцы этого вида. Эта форма всегда существовала въ западной Европѣ, но она какъ-бы вновь явилась на смѣну зерни и собственной филиграни, подъ вліяніемъ восточной торговли, и хотя средневѣковыя древности Персіи и Индіи намъ неизвѣстны, но чудныя филигранныя работы новѣйшей Индіи, Китая, Персіи и Арменіи находятся во многихъ собраніяхъ Европы.

Филигрань разныхъ видовъ составляетъ художественную форму, являющуюся періодически и притомъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ; однако, въ иныхъ

она удерживается почему-то съ особою настойчивостью, и такою странною является Сирія, страна ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Именно Финикія поставляла древнему міру всю эту массу поразительныхъ по своей тонкости филигранныхъ работъ, находимыхъ на Кипрѣ, Родосѣ, Критѣ и Сардиніи. Изъ Малой Азіи происходили драгоценныя древности Пантикапеи и вообще побережныхъ колоній Чернаго моря. Сирійское происхожденіе серьги съ подвѣскою въ видѣ ассирійскаго креста, найденной въ Сардиніи, врядъ-ли подвержено сомнѣнію; тоже самое—сережки съ подвѣсною гроздью, или жемчужиною, или извѣстныя особенно на Кавказѣ серьги со шпенькомъ для насаживанія бусы. Эта послѣдняя орнаментальная форма встрѣчается, правда, лишь рѣдко, въ видѣ напр. браслетовъ изъ золотой проволоки съ насаженною на нее золотою филигранною бусою, но по явной связи съ позднѣйшимъ русскимъ типомъ серегъ, браслетовъ, шейныхъ гривенъ и височныхъ колецъ, пріобрѣтаетъ капитальную важность.

Этотъ филиграневый стиль украшеній явился вмѣстѣ съ привозными украшеніями изъ Сиріи и черезъ посредство арабскихъ торговцевъ, снабжавшихъ весь сѣверо-востокъ варварской Европы VIII—X столѣтій металлическими стеклянными издѣліями Сиріи и производствами ея фабрикъ полотна, шерсти и шелку.

Между финикійскими и кипрскими украшеніями мы видимъ обильныя височныя кольца спиралью изъ золота и электра, какъ съ изящной отдѣлкою, такъ совершенно гладкія, большія, быть можетъ, служившія браслетами. Здѣсь-же обильны были разнообразныя подвѣски въ формѣ калачика — «колта», и, благодаря Сиріи, эта форма распространилась по всей Малой Азіи, Греціи, берегамъ Африки до Марокко; самый обычай носить серьги долженъ былъ придти въ Египетъ, гдѣ его въ древности не было, изъ Месопотаміи, гдѣ онъ существовалъ издревле, черезъ Сирію и Іудею. Специально же серьги въ формѣ калачика съ утолщеніемъ кольца, или въ видѣ лунницы, получили названіе финикійскихъ.

Еще многочисленнѣе аналогіи (см. выше) между предметами русской древности IX—XI столѣтій и современными украшеніями Сиріи, какъ ихъ носятъ доселѣ въ Дамаскѣ, Бейрутѣ, Гауранѣ и безразлично у Друзовъ и Маронитовъ, Бедуиновъ и Сирійцевъ. Здѣсь еще доселѣ въ употребленіи нагрудныя украшенія въ видѣ лунницъ съ подвѣшенными листиками (*поталами*), ожерелья изъ полуцилиндрическихъ продольныхъ бляшекъ, подвѣсныя на толстыхъ цѣпяхъ «капторги», иногда въ видѣ треугольныхъ коробочекъ, бляшки-амулеты и жолуди на шейныхъ цѣпяхъ, жемчужныя діадемы и, равнымъ образомъ, именно здѣсь наиболѣе удержались разнообразныя кики, кокошники, колпачки въ женскомъ головномъ уборѣ.

Наконецъ, весьма вѣское указаніе представляется намъ въ тождествѣ орнаментальной манеры, которое бросается въ глаза преимущественно въ *золотыхъ* вещахъ: таково тождество орнаментации поясныхъ бляшекъ клада изъ Тарса, клада Воронежскаго, клада, найденнаго въ Венгріи и другаго въ Кьюзи (Тоскана). Какъ на примѣръ, столь-же поразительный, можемъ указать на тождество замѣчательныхъ серегъ изъ тончайшей золотой и серебряной филиграни, съ фигурными бусами, иногда птичками, одинаково находимыхъ въ Казанской губерніи, на развалинахъ Болгаръ, и въ Калишской губерніи. Между этими находками, несом-

нѣбно, должна быть причинная, не случайная связь, какъ есть связь между обиліемъ гривенъ, находимыхъ въ Вятской и Витебской губерніяхъ.

Сканное дѣло приводитъ насъ къ величайшему памятнику русской древности, составляющему отечественное сокровище не только по историческому значенію, но и по художественному достоинству. Мы говоримъ объ извѣстной *Мономаховой шапкѣ* (см. рис. 1), важнѣйшемъ, если не единственномъ дѣйствительномъ памятникѣ древнерусскаго велико-княжескаго чина, завѣтной коронѣ московскихъ царей, бывшей обязательно въ Московскомъ періодѣ «утварью» священнаго вѣнчанія на царство, нынѣ ставшею выразительнымъ символомъ вѣковыхъ правъ и высшею эмблемою царской власти. Извѣстно, далѣе, что съ этимъ именно памятникомъ изъ всѣхъ такъ наз. «Мономаховыхъ» регалій связались въ послѣднее время и сложные вопросы исторіи царскаго вѣнчанія и царскаго титула въ Россіи.

Царскія утвари, признаваемые за греческія издѣлія, были получены изъ Византіи разновременно, по различнымъ случаямъ и приурочены къ старому преданію о вѣнча-

† В В П Δ К Θ Т Ξ Н

26. Византійская чаша (крабійца?) въ Музеѣ гр. Строгановыхъ.

ніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку Восточнаго императора и какъ избраннику, «его же Богъ изъ утробы освятить и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ». Такъ, крестъ съ частицею Животворящаго Древа, носящій въ описяхъ названіе «креста *корсунскаю*, царя Константина, что съ животворящимъ Древомъ», или «большаго цареградскаго», или креста «въ рацѣ Цареградской», и возлагавшійся на царей при коронованіи, относится къ 1383 году; другой крестъ съ частицею, извѣстный подъ именемъ креста Владиміра

Мономаха, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, по надписи, сдѣланъ въ 1621 году. «Враная» цѣпь съ крестомъ, появляющаяся при Иванѣ Ивановичѣ, и «золотая сканная цѣпь аравійскаго золота», хранящаяся понынѣ въ Оружейной Палатѣ, возглавлявшаяся при коронованіи на царя послѣ херувимской пѣсни и соотвѣтствовавшая, вѣроятно, древнему обычаю возложенія гривны, относятся также къ позднѣйшей эпохѣ. Икона золотая «Парамшина дѣла», съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія могла быть нагруднымъ образкомъ, но тоже появляется только съ духовною Ивана Ивановича и исчезаетъ съ 1504 года. «Золотую коробочку», завѣщанную Иваномъ Даниловичемъ Калитою, считаютъ тождественною съ сосудомъ или чашею изъ красной яшмы, оправленною въ золото, на золотомъ поддонѣ, въ собраніи графа Строганова (рис. 26). Сосудъ этотъ относится не ранѣе, какъ къ XII вѣку, напоминаетъ потиры въ ризницѣ св. Марка, но самъ не былъ потиромъ, а чашею, и надпись должна содержать начальныя буквы имени и молитвенное обращеніе къ «Царю царей», а потому, возможно, что сосудъ былъ царскимъ. Однако, между нимъ и золотою коробочкою общаго только матеріалъ, такъ какъ позднѣе она значится подъ именемъ «коропки сердоничной, золотомъ кованой», «изъ судовъ коропка сердоничная», что скорѣе указываетъ на шкатулку изъ яшмовыхъ плитокъ, оправленныхъ въ золото. И эта шкатулка дана «княгинѣ съ меншими дѣтми» Калиты вмѣстѣ съ золотомъ, что князь «придобылъ есть, что ему далъ Богъ».

Шитыя оплечья или бармы не были исключительною принадлежностью царскаго сана въ Византіи, но цѣлаго ряда высшихъ чиновъ Имперіи, подъ именемъ маниакія, хотя стали придворнымъ мундиромъ не сразу, а сначала, приблизительно между V—VII столѣтіями, были принадлежностью царскаго сана и присныхъ семьи царской, затѣмъ, по обычаю, теряя въ своемъ значеніи и постепенно размножаясь, одежды съ шитыми оплечьями стали достояніемъ высшихъ военныхъ чиновъ, а послѣ того и гражданскихъ, наконецъ, также излюбленнымъ подаркомъ для варварскихъ князей. Съ того времени оплечья получили и украшенія эмалевыми иконками и императорскими портретами, и уже въ этомъ видѣ явились въ древней Руси принадлежностью князя, какъ въ Византіи—архонта.

И «поясъ большой или великій», завѣщанный Иваномъ Калитою и рано исчезнувшій, можемъ считать княжескою утварью, такъ какъ поясъ былъ издревле у всѣхъ народовъ Востока принадлежностью военного облаченія полководца и народнаго владыки. Въ самой Византіи, во времена древнія, облаченіе царя при вѣнчаніи составляли: дивитисій съ золотыми клавами и поясъ, въ то время, когда его подымали на щитѣ. Во времена Константина Порфиророднаго, поясъ былъ отличіемъ (*βραβεῖον*) сановъ: куропалата и нобилиссима, выше которыхъ тогда былъ только кесарь.

Краткій обзоръ свѣдѣній о томъ, какъ князья возводились на княженіе, показываетъ съ достаточною убѣдительною, что особо вручаемыхъ знаковъ власти при возведеніи на великокняжескій престолъ или вовсе не было, и церемонія ограничивалась церковною службою, благословеніемъ, многолѣтіемъ, посаженіемъ на столъ въ церкви и всенароднымъ объявленіемъ, или же эти знаки придумывались на каждый разъ, смотря по тому, что было подъ рукою, какой напр. даже византійскій санъ уже имѣлъ великій князь, хотя послѣдній случай былъ, повиди-

тому, въ эпоху удѣловъ крайнею рѣдкостью. Іоаннъ III уже прямо примѣнилъ «золотую шапку» для вѣнчанія внука по старому чину.

О «Мономаховой шапкѣ» мы ничего не знаемъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ великокняжескаго періода, какъ о вѣнцѣ, и даже можетъ быть вопросомъ, дѣйствительно-ли эта шапка разумѣется подъ тою золотою шапкою, которую Иванъ Калита завѣщалъ старшему сыну Симеону, а Иванъ Ивановичъ назначилъ Димитрію Донскому. Подъ именемъ шапки разумѣли также шлемы, и названіе «золотой шапки» остается неопредѣленнымъ.

Общій типъ царскаго вѣнца въ Византіи всегда представлялъ круглый металлическій обручъ—вѣнецъ, болѣе или менѣе богато украшенный. И потому, если въ Византіи совершалось возстаніе, провозглашали новаго императора, то, бывало, шли въ храмъ св. Софіи, снимали одинъ изъ обѣтныхъ вѣнцовъ, висѣвшихъ тамъ подъ киворіемъ и слывшихъ въ народѣ подъ именемъ вѣнцовъ Константина Великаго, и возлагали на голову новаго царя. Это были простые обручи и потому ничѣмъ не отличались въ X—XII вѣкахъ отъ вѣнца «кесаря», который сохранилъ и древнюю форму, и древнѣйшее названіе (*στέφανος*, не *στέμμα*). Но къ концу X вѣка византійская корона претерпѣла радикальное измѣненіе, а именно: внутри обруча ея и поверхъ головы устроена была матерчатая тулья, различныхъ цвѣтовъ, укрѣплявшаяся въ металлическомъ перекрестіи, на срединѣ котораго подымался драгоценный крестъ на сферѣ. Извѣстно, что этого креста не было на вѣнцѣ Кесаря, севастократора и прочихъ первыхъ чиновъ Имперіи, но мы не знаемъ, какъ была устроена тулья такого кесарскаго вѣнца, о которой мы узнаемъ изъ разсказа Никиты Хониата о плѣшивомъ Дукѣ, потерявшемъ въ процессіи по дорогѣ свой вѣнецъ и возбудившемъ смѣхъ своею лысиною въ зрителяхъ.

При взглядѣ на сохранившіяся европейскія короны сразу замѣтно разнообразіе въ ихъ формахъ, а это разнообразіе зависѣло отъ того значенія, какое въ древности европейскія національности придавали титулу императора, царя, короля, князя и пр.

Всѣ свидѣтельства о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Мономаха относятся къ XVI вѣку и признаны нынѣ историческою критикою неправдоподобными, потому, прежде всего, что детали свидѣтельствъ не выдерживаютъ этой критики. Напротивъ того, занесенная въ письменность того-же времени легенда о вѣнчаніи Владиміра Святаго признается нынѣ преданіемъ, уцѣлѣвшимъ, быть можетъ, отъ историческаго факта, который остался неотмѣченнымъ. Если монеты представляютъ Владиміра Святаго въ царскомъ орнатѣ, то послѣдній на языкѣ современныхъ монетъ, обозначалъ лишь владыку, властителя, и притомъ такъ-же представлены и князья Святополкъ и Ярославъ: эти изображенія копируютъ византійскія, а извѣстно, что варварскія копии наиболѣе передаютъ детали изображенія, и потому изъ присутствія креста на коронѣ Владиміра и хламиды было бы слишкомъ смѣлымъ выводиться, что онъ былъ вѣнчанъ царемъ по соглашенію съ Византіею.

Властители многочисленныхъ народностей и государствъ, роившихся кругомъ Византіи во всѣ четыре стороны, искали титуловъ исключительно ради регалій, которыя были имъ необходимы въ качествѣ знаковъ сана, освящавшагося съ ихъ принятіемъ въ церкви, изъ рукъ епископа или патріарха. Если и бывало вѣнчаніе, то не «царское», а королевское, великокняжеское и т. д., и великая княгиня Ольга

постояла не только въ «суду», или золотомъ Рогѣ на корабляхъ, пока дожидалась приѣма у византійскаго императора, но и на самомъ приѣмѣ, какъ архонтисса, постояла долго, вмѣстѣ съ другими архонтиссами, возлѣ сидѣвшей императрицы, пока продолжались привѣтствія и ее пригласили сѣсть. Несомнѣнно, что греческая, ревнивая и даже злостная, по своему эгоизму, политика была выгодна молодымъ націямъ, избавляя ихъ отъ лишняго балласта придворныхъ интригъ, которыя принесла бы съ собою среда византійскаго двора, какъ было напр. у Мервинговъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, это нисколько не мѣшало усвоить всю обильную мишуру и погремушки придворныхъ чиновъ, какъ и естественно для народа въ молодости.

Еще важнѣе было то, что Византійцы, въ качествѣ умирающей націи, живо интересовались всѣми обычаями, особенно костюмами, народнымъ вооруженіемъ, значками и украшеніями племенъ, и, по мѣрѣ ознакомленія съ ними, въ Константинополѣ одна мода смѣняла другую: мода на Гунновъ, Готевъ, Персовъ, Сарацинъ, Булгаръ, Хазаръ, Варяговъ и пр., вплоть до крестовыхъ походовъ, когда мѣсто ихъ заступили Алеманны и Франки. Византійскія власти съ особенною внимательностью отыскивали всякія варварскія украшенія, изощрялись въ ихъ улучшеніи при помощи своихъ мастерскихъ, и затѣмъ выдавали ихъ въ видѣ наградъ и отличій предводителямъ. Въ соотвѣтствіе съ различными чинами, число одеждъ, раздаваемыхъ въ подарки «народамъ», было весьма значительно, а при большомъ дворцѣ, въ кладовыхъ, лежали въ запасъ всякіе кафтаны, кавадіи, гуни и шубы для варваровъ и ихъ представителей въ церемоніяхъ. Такимъ путемъ произошло большинство всѣхъ знаковъ отличій въ европейскомъ средневѣковьи, а также большинство коронъ, вѣнцовъ, почетныхъ шапокъ, шлемовъ и вообще головныхъ уборовъ, мужскихъ и женскихъ. Такъ, изслѣдованіе русскихъ кокошниковъ и кикъ дало бы намъ, прежде всего, рядъ почетныхъ уборовъ древней Византіи, затѣмъ Руси и средневѣковой Германіи и Польши.

Шапка Мономахова не императорская стемма, не королевская корона — это легко доказать ея внѣшнимъ видомъ, но она легко могла быть «кесарскимъ» шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ «кесаря», владыки «христіанскаго народа по ту сторону Дуная», какъ говорили въ Византіи. Тулья шапки состоитъ изъ восьми золотыхъ коническихъ пластинъ (почти треугольныхъ, но съ расширеніемъ или выгибомъ и чуть срѣзанныхъ наверху), выгнутыхъ плоскимъ полукругомъ и соединенныхъ или, точнѣе, сдвинутыхъ вплотную одна съ другою. На верху всѣ пластинки подведены подъ вѣчное полушаріе или полусферу, съ утвержденнымъ на ней крестомъ; ниже пластинъ соболя опушка, прикрѣпленная къ внутренней матерчатой шапкѣ, тулья которой укрѣплена оловяннымъ переплетомъ; соболя опушка возобновлена въ нашемъ вѣкѣ, но существовала уже въ XVII, какъ доказываютъ изображенія и описи, а сфера съ крестомъ должна была принадлежать XVI вѣку.

Древнѣйшая часть шапки — восемь пластинокъ; теперешнее полушаріе надъ ними является позднѣйшимъ придаткомъ и не подходитъ къ общей формѣ пластинокъ; концы пластинокъ орнаментированы полукругами, которые должны были имѣть продолженіе, а оставляемое пластинками свободное отверстіе имѣетъ ха-

ракетную форму звѣзды и не могло закрываться сферою или полушаріемъ. Слѣдовательно, присутствіе креста на сферѣ въ Мономаховой шапкѣ есть такой-же позднѣйшій придатокъ, какой имѣется и въ коронѣ венгерской и въ коронѣ Карла Великаго; въ XII—XIII вѣкахъ на западѣ знали хорошо, что крестъ на коронѣ означаетъ корону царскую, а потому и прибавили его; такъ сдѣлали и у насъ въ XV или XVI вѣкѣ. Именно эта прибавка ясно показываетъ, что царскаго вѣнца у насъ не было и надо было передѣлать на него великокняжескій. Но если не могло быть здѣсь креста, то, напротивъ, легко могла быть обычная звѣздообразная крышечка шишака, или восьмигранная розетка съ шипомъ или чашечкою для укрѣпленія въ ней пера (aigrette), султанскаго или княжескаго украшенія, и это вполне согласуется съ формою золотыхъ шишаковъ изъ восьми—десяти золотыхъ пластинъ, скрѣпленныхъ наверху, въ XV—XVI вѣкахъ на Востокѣ, въ частности въ Индіи. Всего вѣроятнѣе, что отверстіе прикрывалось восьмистороннимъ конусомъ, а не полушаріемъ, наверху былъ промежуточный шарикъ и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или вмѣсто шарика, большая жемчужина въ гнѣздѣ или драгоцѣнный камень, что низъ шапки первоначально не былъ мѣховой, а составлялъ ободъ или обручъ, также золотой, украшенный также сканью, и рано отнятый по неизвѣстной причинѣ. Дѣйствительно, низъ тульи раздѣланъ особымъ орнаментомъ и былъ покрытъ жемчужными нитями, очевидно не для того, чтобы быть закрытымъ мѣховою опушкою. Если теперь эта опушка не закрываетъ низа, то и носить шапку въ современномъ видѣ нельзя, такъ какъ золотыя пластинки держатся на ней исключительно на выставкѣ короны подъ стекляннымъ колпакомъ, на подушкѣ, какъ она и помѣщена въ Оружейной Палатѣ, а если неосторожно поднять шапку за сферу, что естественно, при ношеніи шапки, то исподняя шапка съ опушкою должна выпасть. Если же мы представимъ себѣ, далѣе, что нижній ободъ былъ золотой и гладкій, набранный только сканью, то вся шапка въ этомъ видѣ будетъ походить на восточный шишакъ но, конечно, шапка Мономахова, не была уже собственно боевымъ шлемомъ или шишакомъ, что доказывается ея уборомъ, хотя форма гнѣздъ показываетъ, что они устроены уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но со старинными камнями.

Скань или филигрань Мономаховой шапки заслуживаетъ исключительнаго вниманія: она относится къ типу, наиболѣе рѣдкому — «ленточной» филиграни, исполняемой изъ тонкихъ листовыхъ ленточекъ, выгнутыхъ и припаянныхъ къ лоточку, безъ зерни,—какъ-бы фактура перегородчатой эмали, но безъ самой эмали. Стало быть, здѣсь нѣтъ нитей, нѣтъ сученія, нѣтъ скани, и побѣждена высшая техническая трудность: нарѣзать совершенно ровныхъ, тонкихъ ленточекъ и припаять ихъ, не измявъ и не погнувъ неправильно; то, что въ перегородчатой эмали дѣлается въ сравнительно малыхъ размѣрахъ, по необходимости, лишь для контуровъ, здѣсь исполняется для крайне сложнаго и мелочнаго рисунка. Понятно, почему такого рода филигрань встрѣчается лишь въ небольшихъ частяхъ, для рисунковъ или геометрическихъ фигуръ, или цвѣтовъ, но среди обычной скани, и также понятно, почему такая утонченная техника была употреблена для великокняжескаго вѣнца. Эта высшая по технической утонченности скань существовала лишь въ византійскую эпоху, когда производилась изъ ленточекъ перегородчатая эмаль.

Такою сканью заполнено все поле пластинъ, кромѣ жгутовыхъ бордюровъ, выполненныхъ не скрученной золотою проволокою, нѣсколько острою и царапающею, но зерновымъ штабикомъ. Въ скани оставлено мѣсто только для большихъ «саженныхъ» жемчужинъ, по три на каждой пластинѣ, а болѣе никакихъ камней не было. Такого рода исключительное украшеніе жемчугомъ по золотой вещи имѣло мѣсто въ Византіи въ XI—XII вѣкахъ. Масса мелкихъ дырочекъ, повсюду наколотыхъ, въ пластинкахъ нашей шапки, остались отъ прежнихъ жемчужныхъ нитей: жемчужины сидѣли въ ячейкахъ розетокъ, репей, въ желобкахъ и по оригинальной каймѣ шапкѣ, то зернами, то густыми рядами. Такими гладкими ленточками или перегородочками выполнены въ Мономаховой шапкѣ не всѣ извивы скани, но лишь особыя части рисунка, какъ цвѣты или предметы на общемъ фонѣ скани, а именно: розетки, цѣпь, репя или индѣйскія пальметки, большія арабскія розетки, крестообразныя или четырехлепестковые цвѣтки, арабски геометрическаго арабскаго рисунка и, наконецъ, восьмерки и завитки по бордюрамъ и желобки, согнутыя въ видѣ гаммы. Но затѣмъ, вся общая скань, составляющая растительныя разводы, исполнена тою-же ленточною сканью, *но съ насѣчкою* поверхъ и наискось, такъ что она, видимо, подражаетъ ссученой и сплюснутой скани, при чемъ мастеръ, если ему приходилось покрывать насѣчкою двѣ ленточки, лежащія рядомъ, дѣлалъ и насѣчку двойную, ища, видимо, убѣдить, что скань исполнена изъ ссученныхъ нитей. Эта насѣчка скани на растительныхъ ея разводахъ проведена такъ неуклонно, что, въ то время, какъ всѣ геометрическія орнаментальныя формы исполнены гладкими лентами, напротивъ того, даже вѣточки внутри арабесокъ опять покрыты насѣчкою: стало быть, она такъ или иначе связана именно съ растительными украшениями.

Переходя къ орнаментальной схемѣ рисунковъ, выполненныхъ сканью на шапкѣ, мы должны замѣтить, прежде всего, что эта схема чисто византійская, не слѣдуетъ никакому декоративному плану и покрываетъ безконечную сѣтью разводовъ всѣ пластинки восьми граней шапки. Единственныя декоративныя построенія представляютъ, во-первыхъ, архитектурно расположенныя гнѣзда жемчуга и нити его, а во-вторыхъ, отдѣльныя цвѣтки, помѣщенные въ определенномъ планѣ, а не брошенные на общемъ полѣ, какъ въ восточномъ искусствѣ. Весьма важно также замѣтить, что изъ восьми пластинъ 4 одинаковаго рисунка съ мелкими розетками, 3 одинаковаго съ арабскимъ цвѣткомъ и 1 пластинка особеннаго рисунка со звѣздами. На этой пластинкѣ не три жемчужныхъ гнѣзда, а *четыре, расположенныхъ крестомъ*: очевидно, что это пластинка *лицевая*.

Орнаментация шапки и отдѣльныя ея рисунки принадлежатъ византійскому искусству XI—XII вѣковъ и не имѣютъ ничего общаго съ поздне-татарскими, обыкновенно весьма грубыми, филиграневыми издѣліями, которыя мы знаемъ въ среднеазіатскихъ современныхъ издѣліяхъ Хивы, Бухары и Самарканда. Главный рисунокъ — виноградныя побѣги, или разводы — завитки виноградной лозы, которые съ IV вѣка появились въ Византіи изъ римской орнаментики, и послѣ тысячелѣтней переработки въ византійскомъ орнаментѣ, усвоены были едва-ли не всею Европою и Азією. Здѣсь мы находимъ особенное осложненіе орнамента: усики лозы становятся короткими, сидятъ рядами по *внутренней* сторонѣ

вѣтки и, такимъ образомъ, заполняютъ совершенно волюту, а по 4 угламъ четырехугольнаго поля ея помѣщено по два, по три усика въ каждомъ. Въ загибѣ каждаго усика сидитъ блестящее зернышко, и потому поле походить на филигранное, не будучи имъ въ сущности. Мы знаемъ пока точно такую-же орнаментацию только на серебряномъ кіотѣ древней рукописи Евангелія въ Гелатскомъ монастырѣ, XIII—XIV в. Обыкновенно рисунокъ подобныхъ завитковъ не закрываетъ сплошь поля, усики разставлены и, кромѣ того, прижаты къ вѣткѣ, изъ которой выходятъ, чѣмъ восстанавливается, до извѣстной степени, первоначальный римскій типъ, тогда какъ здѣсь возобладалъ уже восточный орнаментальный принципъ. Внутри разводовъ выполнены рисунки: розетокъ съ привѣшенными подобіями цѣпочекъ изъ репьевъ, форма которыхъ близко напоминаетъ цѣпи на готескихъ коронахъ извѣстнаго клада Гварразара близъ Толедо, VII вѣка; наши цѣпочки поддерживаютъ пару жемчужинъ; затѣмъ исполнены цвѣты крестообразной формы; протянутыя отъ этихъ цвѣтковъ цѣпочки представляютъ сассанидскій типъ ряда плюшевыхъ листьевъ. Далѣе, въ срединѣ пластинокъ находимъ или такъ наз. арабскій цвѣтокъ (византійская схема XI—XII в. въ миниатюрахъ), или арабскую геометрическую фигуру съ розеткою внутри. Пластины выполнены всѣ въ двухъ рисункахъ, мало чѣмъ разнящихся. По бордюру ихъ протянуты ряды восьмерокъ, очень характерной формы.

По нижней каймѣ шапки идетъ оригинальный рисунокъ, подобіе меандра, составленнаго изъ сомкнутыхъ буквъ *гамма* или глаголей, но въ существѣ представляющихъ ту-же форму желобковъ для жемчужныхъ нитей, которую мы находимъ на византійскихъ издѣліяхъ. Несомнѣнно, это рисунокъ арабскаго стиля и онъ не только напоминаетъ арабскія буквы наклономъ своихъ линий, но и вся кайма какъ-бы подражаетъ молитвенной надписи, обычно находящейся на краяхъ шлема, въ данномъ случаѣ неумѣстной. Мы находимъ подобныя коймы на коробочкахъ съ талисманами X столѣтія въ восточной Россіи.

Еще тѣснѣйшее опредѣленіе древней скани Мономаховой шапки получаемъ сравненіемъ съ фактурой скани на окладѣ извѣстнаго (рис. 27) Мстиславова Евангелія (ок. 1125 г.), хранившагося въ Архангельскомъ Соборѣ, а нынѣ перенесеннаго въ Патріаршую ризницу и, такимъ образомъ, спасеннаго, быть можетъ, отъ разрушенія вслѣдствіе небрежнаго храненія и сырости. Образки оклада принадлежатъ весьма различнымъ эпохамъ: X и XII вѣку — эмали византійскаго происхожденія, XIII в. — древнерусскія эмали, и наконецъ 1551 года позднѣйшія русскія финифти. Скани оклада представляетъ только на первый взглядъ значительное сходство по рисунку съ древнѣйшими памятниками, вродѣ Мономаховой шапки: основу рисунка составляютъ разводы изъ закручивающейся вѣточки съ крутящимися усиками, волюты составляютъ различныя геометрическія фигуры, группируются около четырехъ розетокъ, украшены ложбинами съ жемчугомъ, крупными, сажеными жемчужинами и пр. Но это скани не золотая, а серебряная, золоченая, на серебряной позолоченной-же доскѣ, и по фактурѣ относится къ разряду «плоской», серебряной скани, употреблявшейся для украшенія русскихъ памятниковъ, преимущественно иконныхъ окладовъ, панагій, крестовъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ. Эта скани вовсе не носитъ отличительныхъ признаковъ XII сто-

27. Окладъ Мстиславова Евангелія (1125 г.), въ Патріаршей ризницѣ.

лѣтія. Древнѣйшая скань, или филигрань, во время процвѣтанія въ Византіи золотыхъ дѣлъ мастерства, была двухъ родовъ: или въ видѣ сѣти изъ припаянныхъ на ребро тончайшихъ пластинокъ, подобныхъ тѣмъ, промежутки которыхъ наполнялись эмалью, или въ видѣ золотыхъ вервочекъ, расположенныхъ завитками. Въ обоихъ случаяхъ скань употреблялась по преимуществу золотая, имѣла довольно значительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, словомъ, имѣла видъ накладки. Такова скань круглой бляшки въ находкѣ кургана Новомосковского уѣзда, Екатеринославской губерніи: эта скань изъ позолоченнаго серебра имѣетъ совершенно тотъ-же типъ, что въ Мстиславовомъ Евангелии: здѣсь, хотя и есть гладкіе репейки, но остальная скань грубо ссученная, а звѣздочки наведены красною и голубою финифтью, и скань представляется сплюснутою по позднѣйшему шаблону, хотя и самый типъ украшеній, и жемчужныя гнѣзда еще напоминаютъ древній образецъ.

Мы должны признать Мономаховъ вѣнецъ византійскимъ памятникомъ, который былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи или на Кавказѣ, или въ самомъ Херсонѣ, словомъ, въ мѣстности, гдѣ византійское искусство въ XI—XII вѣкахъ соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ. Мономахову шапку, по деталямъ техники, необходимо относить къ XII вѣку.

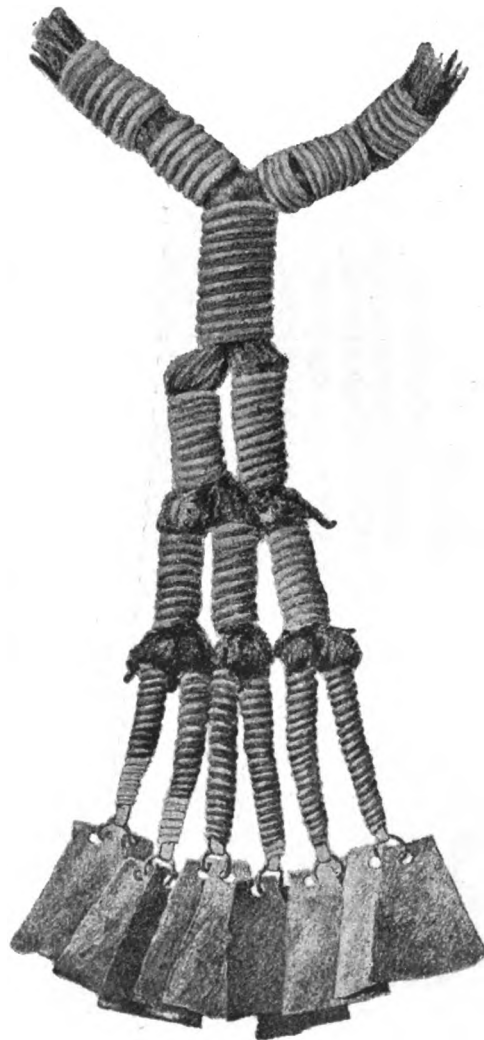
Мы имѣемъ множество памятниковъ X—XII вѣковъ, украшенныхъ именно по золоту тонкими филигранями разныхъ типовъ, сканью «вервочною» и пр., исполненныхъ не только въ самой Византіи, но и въ Италіи, Франціи, Германіи и Россіи. Между тѣмъ, тѣже нами описанные виды филигрانی находимъ и въ византійскихъ и арабскихъ произведеніяхъ: а именно, филигрань исполняется изъ ссученныхъ и сплюснутыхъ въ ленту нитей, которыя спаиваются по нѣскольку, рядомъ, образуя какъ-бы пучекъ упругихъ побѣговъ, которые только при концѣ загибаются усикомъ и охватываютъ зернышко. Внутри этихъ разводовъ, и отчасти поверхъ ихъ, припаяется гнѣздо съ камнемъ, которое, будучи приподнято надъ золотою поверхностью, получаетъ лучи, отраженные ею, и болѣе свѣтится.

Самое важное явленіе русско-византійской среды есть связь русской жизни съ византійскою культурою. Утвердить эту связь варварской культуры съ ранѣе ея развившимися значитъ только подтвердить законъ непрестаннаго прогресса въ исторіи. Жизнь свѣжей національности въ сосѣдствѣ съ граждански-развитымъ обществомъ направляетъ всю чуткую воспримчивость ея въ сторону заимствования, усвоения, а затѣмъ и соперничества, и эти отношенія проникаютъ глубоко во всю народную жизнь, разносимыя изъ города и быта высшихъ сословій въ жизнь села и престопаго. Таково было вліяніе Византіи на древнюю Русь, пока она была ея непосредственною сосѣдкою въ Херсонесѣ, Тмутаракани (въ XI вѣкѣ) и пока это-же византійское вліяніе приносили православная Грузія, Галичъ, берега Дуная, торговья сношенія съ Царегородомъ. За это время чинъ великокняжескій, убранство обрядовое, знаки отличія и достоинства, внѣшнія формы, все это должно было видоизмѣниться въ связи съ византійскими формами. Предпославъ эти замѣчанія, необходимыя для пониманія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, мы можемъ теперь перейти къ рассмотрѣнію открытыхъ въ почвѣ Россіи памятниковъ этой эпохи.

28. Головной уборъ изъ Люцинскаго могильника.

Общій обзоръ русскихъ курганныхъ древностей можно условно начать съ Запада, откуда пришли Славянскія племена въ своемъ обратномъ движеніи съ береговъ Дуная, будучи-ли потѣснены другими, или, скорѣе, въ поискахъ за нетронутыми мѣстами. Люцинскій могильникъ, открытый случайно въ 1889 г. близъ самага г. Люцина, Витебской губ., представляетъ преимущественно различные способы погребенія, изрѣдка трупосоженія и нѣсколько случаевъ закапыванія отдѣльно вещей, принадлежавшихъ покойнику и чаще изломанныхъ, послѣ того, какъ трупъ былъ сожженъ, или же вещей, приносившихся въ даръ на тризнѣ и, по обычаю, предварительно поврежденныхъ. Трупы оказывались одѣтыми въ шерстяныя рубахи, застегнутыя у ворота пряжкой и у мужчинъ перехваченныя кожанымъ поясомъ. У женщинъ верхняя одежда короче даже шушуна, что заставляетъ предполагать окутываніе ногъ. Оригинальная грубая шерстяная ткань, пронизанная рядами колечекъ, служила оборкою и оканчивалась бахромою или изъ шнурковъ, или чаще изъ мелкихъ бронзовыхъ спиралекъ. Такая бахрома, по своей длинѣ и своему составу, принадлежитъ къ первымъ признакамъ восточнаго характера тканей, очевидно подражающихъ драго-

29. Уборъ косъ изъ Люцина.

30. Плечевыя цѣпи изъ Люцина.

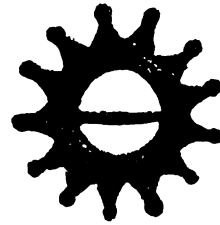
31. Фибула изъ Люцина.

цѣннымъ тканямъ, привозившимся съ Востока на варварскій Сѣверъ. Любопытны остатки головныхъ покрововъ съ бахромою, напоминающихъ византійскій маѳорій, и головные уборы, въ видѣ шерстяного жгута, унизаннаго проволочными спиральными кольцами, обыкновенно сплюснутыми, а иногда перстнями и кольцами съ пальцевъ; это, вѣроятно, воспроизведе- ние римско-византійскихъ головныхъ уборовъ, въ которыхъ одна коса кладется кругомъ на голову и переплетается жемчужными нитями, а затѣмъ раздѣляется на много концовъ, почему и здѣсь спирали сдѣланы изъ рубчатой проволоки; въ по- волжскихъ древностяхъ мѣдными кольцами убирается настоящая коса; подвѣс- ками служатъ бубенчики, листья (поталы) и колпачки (рис. 29). Нѣсколько рядовъ мелкихъ спиралей, перехваченныхъ пла- стинками, образуютъ особую головную повязку или діадему (рис. 28), преимуще- ственно въ мужскихъ погребеніяхъ.

На шеѣ женскихъ костюмовъ встрѣчается по двѣ, по три толстыхъ бронзовыхъ витыхъ гривны или обруча, ожерелья изъ раковинъ и цѣпи; въ гривнахъ замѣчательны петли въ видѣ сгибня и наглавника, въ него входящаго; на ожерельяхъ попадаются бусы, преимущественно бронзовыя, мѣдныя побрякушки и амулеты въ видѣ медвѣжьихъ костей и зубовъ, фигурки утокъ и собачекъ, но ожерелій съ монетами доселѣ не найдено; бусы изъ стекла очень рѣдки. Грудь покрывалась цѣпами, цѣпочками, ожерельями въ видѣ цѣпей изъ крупныхъ колецъ, все это съ рядами подвѣсныхъ украшеній, громыхающихъ, звенящихъ и «торохтящихъ» на ходу; чаще встрѣчаются короткія цѣпочки, по три, четыре, даже по девяти, привѣшанныя къ бляхѣ или пряжкѣ, укрѣплявшейся на плечѣ (рис. 30). Фибулы встрѣчаются здѣсь еще въ архаическомъ типѣ арбалета (рис. 31), но рѣдко; обычная форма пряжекъ — кольцо (рис. 32 и 33), разомкнутое въ одной части и снабженное поперечною иглою; часто пряжки эти очень массивны, выбиты на шесть граней, орнаментированы наколомъ; большинство мелкихъ пряжекъ встрѣчено на шеѣ и на поясахъ. Гривны — въ видѣ плоскихъ серпообразныхъ колецъ (рис. 34). Украшенія ременныхъ поясовъ, носившихся только мужчинами, отличаются бѣдностью и грубостью: это рядами расположенныя (рис. 35) мѣдныя бляшки, съ самымъ незатѣливымъ орнаментомъ въ видѣ плетеныхъ узоровъ или даже просто веревочекъ; къ пластинкамъ прикрѣплены колечки, внутри поясъ проложенъ берестю; бляшки часто имѣютъ

32. Фибула изъ Люцина.

33. Пряжка изъ Люцина.

34. Люцинъ. Шейная гривна.

*

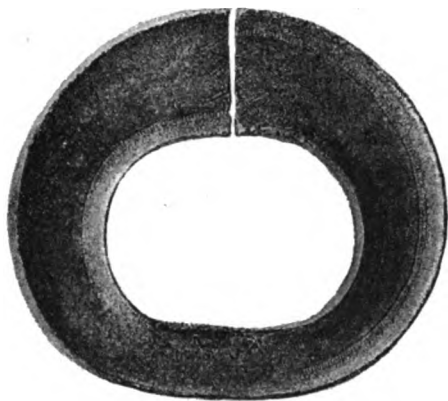

35. Поясъ, убранный листовою бронзою, изъ Люцина.

форму плюшеваго листа,—наслѣдіе антика, переданное, однако, восточнымъ искусствомъ; иногда онѣ украшены грековосточнымъ узломъ; къ поясамъ привѣшивались ножи, шилья и пр. Наиболее характернымъ предметомъ въ Люцинскихъ древностяхъ являются массивные ручные браслеты и кольца, встрѣчающіяся на мужскихъ и женскихъ костякахъ одинаково часто и по нѣскольку разомъ. Непонятенъ видъ мужскихъ браслетовъ (рис. 36), имѣющихъ крайне неудобную, даже странную форму плоскаго и круглаго щитка, внутри котораго вырѣзано отверстіе (замѣчательно малое) для руки; образованное такимъ образомъ кольцо, во 1-хъ, разрѣзывается (не всегда), для того, чтобы можно было разгибать его по мѣрѣ надобности, и во 2-хъ, сплющивается по краямъ, въ видѣ рубчика, для того, чтобы оно не рѣзало тѣла. Доселѣ неизвѣстно происхожденіе этой странной вещи, которую иные считаютъ браслетомъ, другіе орудіемъ для тетивы, третьи — вотивнымъ, клятвеннымъ кольцомъ, или же налучнымъ кольцомъ, укрѣпившимся на лукѣ для вѣрнѣйшаго направленія стрѣлы. Второй типъ браслетовъ имѣетъ видъ крупныхъ массивныхъ колецъ или, вѣрнѣе, согнутыхъ трубокъ, украшенныхъ ромбиками, наколами и плетениями. Третій видъ—женскіе широкіе спиральныя наручи и налокотники (рис. 37 и 38), изъ бронзовой ленты, свернутой въ десять и болѣе оборотовъ, украшенныхъ снаружи гранями или наколомъ,

и, наконецъ, пластинчатые браслеты изъ металлической ленты, съ городками и кружочками, со змѣиными наглавниками. Перстни встрѣчены именно въ этомъ-же

типѣ спиралей, тогда какъ серегъ вовсе не найдено, что характерно для этого могильника. Одна замѣчательная булавка (рис. 39), съ плетениемъ и конскими головами варварскаго восточнаго типа, усвоеннаго скандинавскимъ сѣверомъ, оказалась вызолоченною.

36. Браслетъ изъ Люцина.

Всѣ украшенія носятъ характеръ массивности, преувеличенія и грубости, свойственныхъ подражательнымъ древностямъ, каковыми были, на примѣръ, финскія, но вопросъ о томъ, какому именно племени Литовцевъ, Латышей, Ливовъ эти древности принадлежатъ, какая была здѣсь примѣсь Славянства, долженъ оставаться до времени не разрѣшимымъ. Подобныя

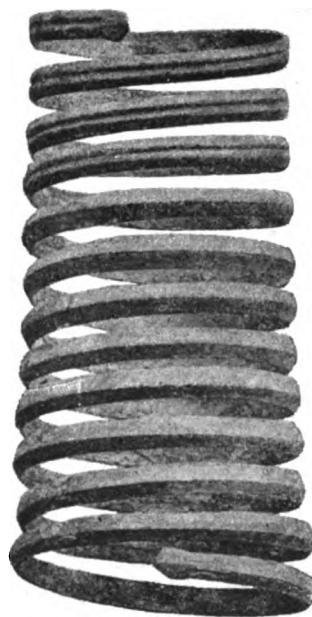
Люцинскимъ находки сдѣланы и въ другихъ мѣстахъ Витебской губерніи, вообще замѣчательно богатой древностями. Такъ, въ Рѣжицкомъ уѣздѣ (дер. Шкляры), найдены были подобные массивные браслеты изъ бронзы съ спиральной насѣчкою, узкія спирали, пластинка въ формѣ треугольника съ цѣпочками, а въ Невельскомъ уѣздѣ найдена каменная форма для отливки имитаций куфическихъ диргемовъ.

Въ *Виленской губ.*, въ окрестностяхъ Свѣнцянъ, встрѣчены могильники, однозначущаго съ Люцинскимъ характера: тутъ найдены большіе бронзовые

37. Наручъ изъ Люцина.

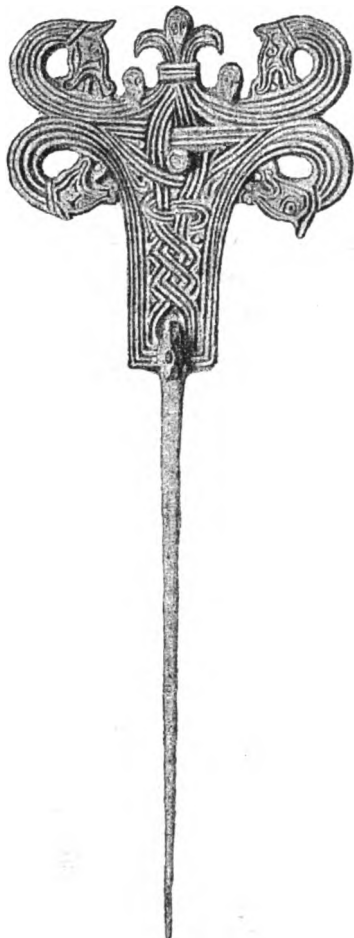
наручи, спиральныя кольца, нанизывавшіяся на косу, витыя гривны съ наглавниками, пластинчатые браслеты, гривны въ видѣ плоской ленты, увѣшанныя множествомъ погаловъ, бубенчиковъ и звонковъ (въ Литвѣ — эмблема дѣвичества), и шейные обручи съ широкою серединою ромбоидальной формы. Тамъ-же встрѣчены фибулы Люцинскаго типа, украшенныя красною эмалью. Въ мѣстечкѣ Мѣжаны, близъ

38. Налокотникъ изъ Люцина.

Свѣнцянъ, находимы были не разъ эмалевыя вещи: подвѣски, въ видѣ крестика и прорѣзнаго полулунія; съ красною и зеленою эмалью, совершенно тождествен-

ныя съ эмалевою подвѣскою Кіевской губ. Изъ окрестностей Вильны и разныхъ мѣстностей Виленской губерніи также происходятъ эмалевыя вещи: бронзовыя

39. Булавка изъ Люцина.

фибулы, подвѣсныя или ременные кружки; разныя ажурныя пластинки и другія вещи открыты въ раскопкахъ близъ Нарвы. Такимъ образомъ, эти эмали, вмѣстѣ съ находками Мощинскаго городка, Масальскаго уѣзда, Калужской губ., связываютъ примитивныя типы Люцина съ древностями скандинавскими и прибалтійскими. Въ тѣхъ же Мѣжанахъ раскопки обнаружили, однако, позднѣйшій типъ височныхъ колецъ различныхъ размѣровъ, всего чаще съ ромбическими расширениями, лунницы, витыя пряжки, сережки съ тремя пупырчатыми бусами и витые перстни.

Въ западной части *Витебской губ.* (Инфлянты), открыты недавно значительныя финскіе могильники на берегу Канинскаго озера, въ Люцинскомъ и Двинскомъ уѣздахъ: здѣсь опять встрѣчаемъ головныя жгуты изъ спиралей, шейныя пластинчатыя гривны, множество цѣпочекъ, массивныя браслеты описаннаго вида, кольчужныя ткани и, наконецъ, пряжку съ гнѣздами красной эмали, указывающей, быть можетъ, на VI—VII стол. Вблизи границы Лифляндской губерніи, при дер. Дрейманахъ обнаруженъ могильникъ VIII—IX в., съ вещами, напоминающими Тамбовскія находки.

Спиральные браслеты и наручи, бронзовыя цѣпочки встрѣчаются во многихъ находкахъ Лифляндіи и Литвы; сходство съ Люциномъ представляютъ находки 1888 г. близъ Вендена, Лифляндской губерніи, открытыя при проведеніи желѣзной дороги, въ кучѣ изъ кусковъ толстой

шерстяной ткани и грубаго полотна, бронзовыхъ цѣпочекъ съ подвѣсками въ видѣ пѣтушковъ и бубенчиковъ, раковинъ и пр.; здѣсь найдены разомъ десятки спиралей, составлявшихъ украшеніе костей, большихъ спиральныхъ браслетовъ и мелкихъ спиральныхъ колечекъ и трубочекъ, свитыхъ изъ ленты и надѣтыхъ или на шкуры, или на массивныя шейныя гривны.

Но большинство находокъ сѣверозападнаго края относится уже къ болѣе поздней эпохѣ, отмѣченной скандинавскими овальными фибулами, составляющими сравни-

40. Прязка изъ Люцина.

тельную рѣдкость въ древностяхъ Россіи, и то за время весьма ограниченное, а именно IX и X столѣтія.

41. Чашечная фибула скандинавскаго типа.

Многочисленны находки въ южномъ Приладожьи, по рѣкамъ Ояти и Пашьи, Новгородской губ., Тихвинскаго уѣзда, и Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., до теченія Волхова на западъ. Всѣ находки сдѣланы въ курганахъ, всегда малаго размѣра, насыпанныхъ на слоѣ пепла, или по настилкѣ изъ валуновъ, надъ погребеніями и весьма рѣдко надъ сожженнымъ трупомъ. Найденныя въ курганахъ монеты относятся къ разряду: аббасидскихъ VIII и IX в., саманидскихъ X в. и западныхъ — XI столѣтія. Систематическія раскопки доставили обширную группу характерныхъ древностей, между которыми первое мѣсто занимаютъ именно фибулы. Фибулы представляются здѣсь въ формѣ чаши, обыкновенно овальной, рѣже круглаго щитка, еще рѣже — трилистника, всегда сдѣланы изъ бронзы. Чашечныя фибулы встрѣчаются парами и состоятъ изъ бронзовой чашечки, или отлитой и затѣмъ орнаментированной рѣзбою, или выбитой изъ листа, иногда съ ажурною орнаментальною накладкою изъ листа на толстой отлитой чашкѣ. Часто къ фибулѣ подвѣшивается цѣпь, иногда двѣ фибулы на плечахъ соединены висящею на груди цѣпочкою. Фибулы встрѣчаются въ Финляндіи (того-же неопредѣленно-вялаго, ремесленно-подражательнаго характера), Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, далѣе во Владимірской и Ярославской губ., въ древностяхъ такъ наз. Мерянь, и въ двухъ случаяхъ: въ Двинскѣ и въ Гнѣздовскомъ могильникѣ близъ Смоленска. Разновидность этихъ фибулъ, круглыя или щитообразныя, съ такою-же орнаментацию и тоже иногда съ наколкою, встрѣчаются также у Мерянь, какъ и фибула въ видѣ трилистника, найденная, впрочемъ,

только въ одномъ экземплярѣ и ведущая свое начало отъ древнихъ восточныхъ пряжекъ на португяхъ.

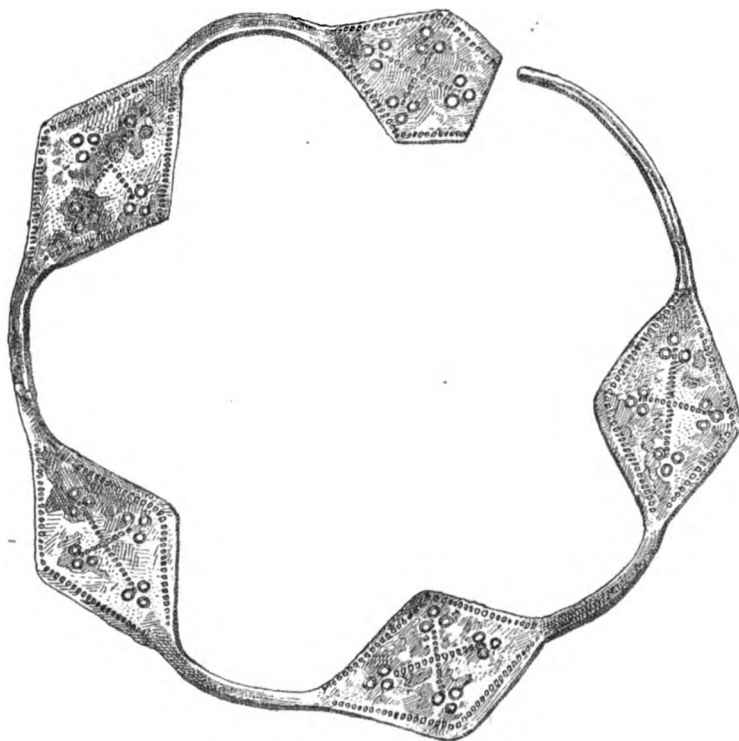
Многочисленны круглыя пряжки, съ иглою, въ видѣ кольца о трехъ граняхъ, чаще маленькія, отъ 0,1 до 0,01 м.; иногда кольцо разомкнуто и снабжено наглавниками. Гривны или шейные обручи грубо насѣчены спиралью изъ бронзы и серебра; послѣднія бываютъ витыя и вырѣзанныя изъ листа съ орнаментомъ въ видѣ зерневыхъ пирамидокъ, какъ въ могильникахъ Тамбовской губерніи. Браслеты изъ бронзы грубой работы, литые, массивные, въ видѣ калачика, покрыты углубленными зигзагами, которые въ восточныхъ издѣліяхъ затирались эмалевымъ составомъ подъ бирюзу; эти браслеты встрѣчаются также у Мерянъ, но имѣютъ особенное распространѣніе на западъ и сѣверъ; по существу, орнаментъ грубо воспроизводитъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ и господствовалъ въ VII—VIII столѣтіяхъ. Такъ называемыя височныя кольца хотя и встрѣчаются въ Приладожьѣ, но рѣдко и въ небольшихъ экземплярахъ и, видимо, не составляютъ характерной особенности, какъ на западѣ и въ центральныхъ губерніяхъ. Собственно серегъ почти нѣтъ, а какія есть, представляютъ только грубое подражаніе сергѣьь обычного типа съ тремя бусами; вмѣсто перстней иногда употребляются спиральныя колечки. Ожерелья изъ бусъ, стекляныхъ, шиферныхъ и горнаго хрусталя, рѣдки, иногда мониста составляются изъ сердоликовъ и желтыхъ бусъ, съ диргемами или прорѣзными бляшками. Главное мѣсто между древностями Приладожья образуютъ подвѣски и подвѣсныя украшенія: тѣ и другія крайне тяжелы, массивны, грубо имитируютъ филиграневыя издѣлія изъ благородныхъ металловъ; это имитированіе — повидимому, наиболѣе ясный признакъ финскихъ народностей и составляетъ характеръ ихъ привычныхъ украшеній и на западѣ, и на отдаленномъ востокѣ. Въ числѣ подвѣсокъ важнѣе другихъ имѣющія форму животныхъ: фигурки гуся, утки, сдѣланныя изъ бѣлаго металлическаго сплава, снабженныя бубенцами, цѣпочками; затѣмъ встрѣчаются подвѣсныя лунницы, имитации нагрудныхъ плетеныхъ кошелековъ изъ бронзовой проволоки, всего чаще украшенныхъ конскими головками, по низу же колечками для подвѣшивания къ этому кошелю или открытому карману подобій гребенки, ухвертки, ключей, ложки и пр. Подвѣски, въ видѣ баранчиковъ съ цѣпочками, тождественны съ приуральскими и сибирскими. Наконецъ, ременные наборныя бляшки, штампованныя условнымъ, наиболѣе обычнымъ орнаментомъ арабскаго цвѣтка или плюшеваго листа, и позолоченныя, ничѣмъ не отличаются отъ издѣлій Тамбовскаго могильника, кромѣ достоинства исполненія и матеріала. Особенно любопытны въ приладожскихъ курганахъ большія желѣзныя тарелки или сковороды, находимыя въ слѣдахъ очаговъ, устраивавшихся на материкѣ, для погребенія мужа и жены по сторонамъ очага, какъ образа жилища, вѣчнаго дома. Аналогія техническихъ и художественныхъ формъ, для приладожскихъ вещей въ сферѣ древностей скандинавскихъ, и восточной Россіи, указываетъ намъ на общность и подражательность этой культуры. Уже поэтому нельзя относить ее къ Финнамъ и толковать звѣринныя и орнаментальныя формы приладожскихъ находокъ въ связи съ финскою мифологіею, а равно отдѣлять курганы по рѣкѣ Волхову отъ восточныхъ, по рр. Ояи и Паши,

и различать славянскія могилы отъ финнскихъ, впредь до полученія точныхъ данныхъ.

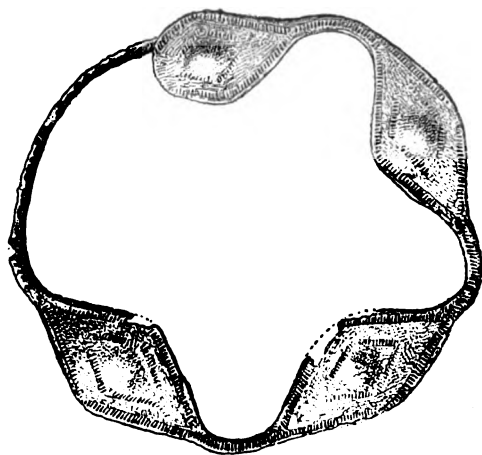
Второй типъ древностей на сѣверо-западѣ Россіи открытъ раскопками въ такъ наз. *Вотской* пятинѣ, въ Петергофскомъ, Ямбургскомъ и Царскосельскомъ уѣздахъ, С.-Петербургской губерніи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Древности мало отличаются отъ сосѣднихъ земель, прибалтійскихъ мѣстностей въ особенности, техникою, формами или разнообразіемъ типовъ; однако, мы здѣсь видимъ живой обмѣнъ и можемъ установить существованіе промысловъ. Здѣсь

не рѣдкость и серебряныя вещи, напримѣръ, листовыя діалсмы; серебряныя серьги очень обильны и т. д. Здѣсь мы встрѣчаемъ въ изобиліи такъ называемыя *височныя кольца* (или *ушныя*, какъ ихъ тоже называютъ), — украшеніе изъ тонкой проволоки, чаще бронзовой, рѣдко серебряной (рис. 42, 43, 44), согнутой кольцомъ, величиною отъ 2 до 7 сант. Эти кольца встрѣчаются парами и весьма постоянно въ женскихъ могилахъ, но доселѣ способъ ношенія ихъ въ точности неизвѣстенъ. «Височныя кольца» нерѣдко представляются расплюснутыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, слѣдовательно, продѣвать ихъ въ уши нельзя, а между тѣмъ,

эти кольца постоянно оказываются близъ головы, притомъ парюю. По тѣмъ случаямъ, гдѣ эти кольца были находимы продѣтыми въ кожу или матерію, можно

42. Височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятинны.

43. Тоже.

думать, что это были серьги, нацѣплявшіяся на покрывало или на кикку, на мѣстѣ ушей. Въ Вотскихъ курганахъ височныя кольца имѣютъ два или три расширенія

44. Височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины.

45. Серьга от-туда-же.

въ формѣ ромба, украшенныя наколомъ на-крестъ, и воспроизводящія собою бусы, нанизываемыя на проволоку; но тогда какъ буса кругла, здѣсь ромбикъ плоскій и стало быть, серьга не имѣла назначенія висѣть свободно, но, напротивъ, должна была прижимать ткань, представляя собою только видимость серьги. И потому вездѣ, гдѣ находимъ эти кольца, мы должны предполагать существованіе головныхъ уборовъ въ видѣ теплой кики или каптури, часто мѣховой, съ капюшономъ. Серьги въ нашихъ курганахъ также большія, до 7 сант.,

съ одною насаженною бусою — стало быть, типа VII — VIII в.; есть также и въ формѣ латинскаго S и собственно *колтки*, т. е. проволочной палочки, опущенной отъ колечка, съ насаженною бусою (рис. 45) или (кавказскій типъ) жемчужинкою. Спиральныя трубочки, находимыя здѣсь, служили для устройства борта на кафтанѣ, лацкановъ и пр., причѣмъ спирали располагались зигзагами, и за ними шелъ рядъ колечекъ, съ разомкнутыми концами, для свободного зажима. Фибуль нѣтъ: вмѣсто нихъ только многочисленныя пряжки, круглыя, плоскія, позднѣе витыя, рѣдко серебряныя, но грубо украшенныя рѣзбою и наколомъ (рис. 46).

Характерны шейныя цѣпи съ подвѣсками, представляющими, напримѣръ, схему коня, съ колечками, на которыхъ тоже прикрѣплялись подвѣски; дѣтскія цѣпочки всегда съ бубенцами или съ крестиками; есть цѣпи, идущія отъ плеча къ плечу и укрѣпляемыя на плечахъ ажурною бляхою съ иглою; есть цѣпи поясныя, съ ножичками, ухверткою и пр. Въ трехъ случаяхъ встрѣчены и здѣсь, и въ Приладожки нагрудныя украшенія въ видѣ медальоновъ, одного, двухъ, трехъ, или даже четырехъ, орнаментированныхъ, или съ изображеніями эмблемъ, напр. грифона. Мониста и ожерелья здѣсь набирались бусами изъ стекляной смальты, горнаго хрустала, бронзы, серебра, сердоликовъ и амулетовъ — зубовъ и клыковъ; любопытно преобладаніе

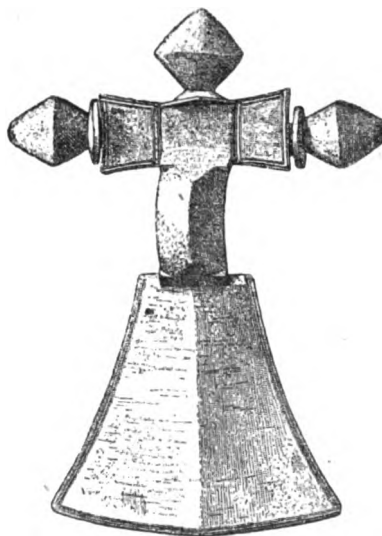
чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, также бусъ посеребренныхъ и позолоченныхъ, въ общемъ дурнаго вкуса. Тѣльные крестики тождественны съ южнорусскими. Перстни представляютъ собою лишь видъ перстня, т. е. рѣзаны изъ листа, за-то большого размѣра, съ подобіемъ печати громаднхъ размѣровъ, исполненной наколомъ, съ завитками вмѣсто изображенія; вмѣсто наколовъ — иногда витая спираль. Подвѣсныя бляшки, размѣра монетъ, прорѣзныя, рѣшеткою, изъ серебра, изрѣдка въ видѣ лунницы или полумѣсяца, обернутаго къ низу рогами, или пластинки съ подвѣшенными листиками, въ видѣ коника съ балаболками; штампованные медальоны съ дракономъ или грифономъ, служившіе талисманами. Браслеты изъ перекрученной проволоки, съ гнѣздомъ для камней по концамъ, или пластинчатые — древняго типа VI—VII в., съ наколами и разводами, даже плетеніями, но восточно-византійскаго, не скандинавскаго характера, и судя по прекраснымъ качествамъ рисунка, привозные съ запада, гдѣ, напр. въ Венгріи, находимъ ихъ въ особенномъ обилии. Поясные наборы изъ литой или штампованной бронзы любопытны по сильному рельефу, который тоже указываетъ на западную отливку; рисунокъ все таже лилія, «кринъ сельный»; лошадиная голова послѣдней въ поясныхъ наборахъ бляшки охватываетъ зѣбуи кольцо на концѣ ремня; по характеру рѣзбы, позолоты, такая бляшка напоминаетъ скандинавскія древности.

Въ Гдовскомъ уѣздѣ у р. Плюсы, на Чудскомъ озерѣ, раскопки обнаружили позднѣйшія древности: бронзовыя витыя гривны и браслеты поздняго времени, т. е. уже XIII—XIV стол., подвѣсной медальонъ съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими, подвѣсныя бляшки съ прорѣзными крестами, височныя кольца и большія серьги съ нанизанными бусами, до восьми штукъ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, с. Косицкомъ, въ разрытомъ курганѣ оказалось девять скелетовъ; на груди средняго лежалъ крестъ-складень съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія (западной работы) и Евангелистовъ; при другихъ скелетахъ найдены ушныя кольца изъ проволоки (одно височное), бронзовыя лунницы, грубая подвѣски въ видѣ лапокъ, съ цѣпочками и пр.

Великолѣпное дополненіе къ славяно-финскимъ древностямъ составляетъ

46. Пряжка изъ Вотскихъ могилъ.

47. Фибула въ видѣ арбалета изъ Вотскихъ могилъ.

открытый въ 1892 г. въ Невельскомъ уѣздѣ, *Витебской губ.*, кладъ серебряныхъ вещей. Составъ клада, стиль и техническій характеръ, сближаютъ его съ Гнѣздовскимъ кладомъ. Въ Невельскомъ кладѣ заключались главнѣйшіе типы вещей: мы находимъ здѣсь въ серебрѣ то, чему грубыя имитации въ бронзѣ имѣемъ у Финновъ, видимъ рисунки, исполненные чеканомъ, рѣзбою, наколомъ по серебру, которые у Финновъ или гдѣ-то для Финновъ, исполнялись отливкою изъ дурного серебра, сплава, бронзы. Большая серебряная шейная гривна, кованная по срединѣ на три грани, а по концамъ на пять, украшена пятью нанизанными на нее многогранными бусами; фоны граней позолочены, наколоты, и на каждой грани выбита розетка; весь дротъ гривны покрытъ городками, рѣзбою. Другія пять гривень, изъ сплетенныхъ дровотъ, оканчиваются крючками, примитивнаго типа; такой-же браслетъ съ наглавниками, въ видѣ гнѣздъ съ камнями; небольшая дѣтская гривна изъ простого дрота съ бусами; пряжка плоская съ иглою; пара перстней украшены зернью. Замѣчательны четыре височныхъ кольца изъ серебряной проволоки и пара височныхъ колець, съ ромбами. Пара аграфовъ съ шариками, изъ дрота, обвитаго проволокою, однородны съ украшениями X—XII в. Единственный пока экземпляръ ожерелья изъ десяти серебряныхъ бляхъ, какъ-бы пуговицъ, полыхъ, густо покрытыхъ бисеромъ.

48. Гривна и бляшки изъ Гнѣздовскаго могильника; нынѣ въ Эрмитажѣ.

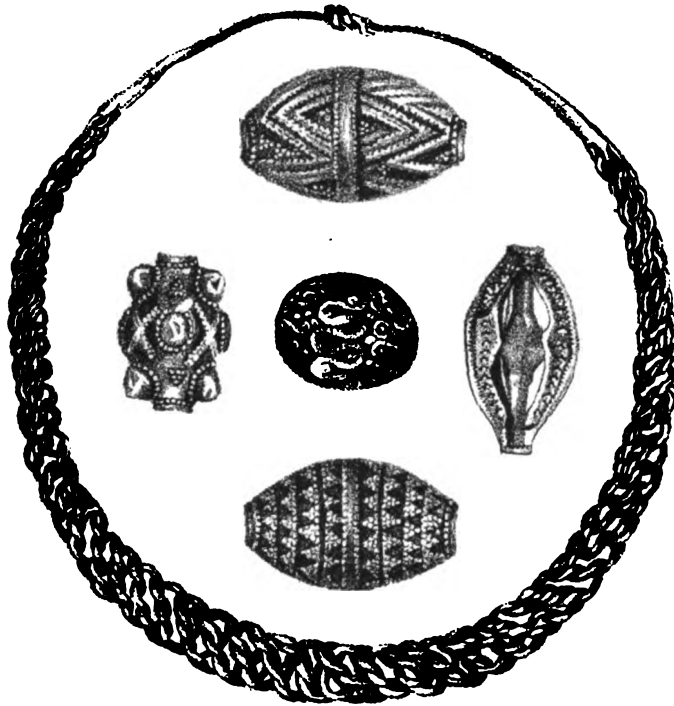
Гнѣздовскій могильникъ, въ 8 верстахъ къ з. отъ Смоленска, разслѣдованъ въ количествѣ 90 кургановъ: здѣсь встрѣчены одновременно погребеніе и трупосожженіе; въ насыпь зарывали горшки съ остатками тризны, продолжавшейся нѣсколько дней подъ-рядъ. Въ одномъ курганѣ жженыя кости лежали съ бронзовыми ажурными нагрудными подвѣсками (подобія кошелей), украшенными конскими головками, на нихъ цѣпочки съ поталами, какъ нагрудники у Финновъ на сѣверѣ, у Мерянъ и въ Тамбовскомъ могильникѣ. Тутъ-же была бронзовая лампочка (рис. 49), съ двумя рожками: широкимъ для свѣтильни и узкимъ для наливаія масла; лампочка имѣетъ видъ женской головы, въ каждой ноздрѣ вставлено по бирюзѣ, подражающей вставнымъ жемчужинамъ, носимымъ въ Индіи; носъ съ горбинкою; глаза были инкрустированы. Волосы выпущены узкою полоскою на лбу, и поверхъ ея расчесаны по обѣ стороны, затѣмъ спрятаны въ плотный чепецъ. Лампочка эта, римскаго типа, занесена съ Востока, хотя въ южной Европѣ были мѣста производства восточныхъ сосудовъ, по образцамъ Малой Азіи и Сиріи. Въ большомъ Гнѣздовскомъ курганѣ найдены обломки поливного блюда съ изображеніемъ дракона: блюдо тождественно съ посудою Херсонеса. Въ этомъ курганѣ было кострище воина: шлемъ изъ пластинъ, съ серебряною бляхою; мечъ, копье, щитъ, кольчуга разрушились; тутъ были игральныя кости, круглая бляха прибалтійскаго типа, поясной наборъ, серебряная бляшка съ звѣриною головкою, обычныя въ сѣверо-западныхъ древностяхъ. Въ прочихъ курганахъ были овальныя чашечныя фибулы скандинавскаго происхожденія; на одной бляшкѣ изображена голова хищной птицы, какъ въ древне-кавказскихъ вещахъ, наконечникъ ноженъ съ прорѣзнымъ изображеніемъ орла, наконечъ серьги съ бусами, бубенчиками, гирыки отъ вѣсовъ и пр.

49. Лампочка изъ Гнѣздовскаго кургана; въ Историч. Музеѣ.

Въ 1868 году въ Гнѣздовѣ, но неизвѣстно, гдѣ именно, найдень замѣчательный кладъ: часть его, 108 предметовъ, принадлежитъ Эрмитажу, а другая

Оружейной Палатѣ въ Москвѣ и заключаетъ въ себѣ: пять диргемовъ съ ушками, одну сассанидскую монету, одну англо-саксонскую, одну византійскую (Константина и Ирины) и рядъ вещей изъ разобраннаго погребальнаго убора. При вещахъ въ Эрмитажѣ есть двѣ сассанидскія монеты 532 и 595 г., Халифата 748 г., 8 саманидскихъ безъ ушковъ 908—953 гг.; кладъ долженъ быть относимъ къ концу X вѣка. Изъ вещей—двѣ серебряныя шейныя гривны, кованыхъ на 8 гра-

50. Гривна и бусы изъ Гнѣздова. Эрмитажъ.

ней, съ наколами, съ гранеными пуговицами (рис. 52); три витыя гривны (рис. 50 и 51), а одна гривна (рис. 48) особенно большихъ размѣровъ (30 сант. въ попер.), какъ нѣкоторыя скандинавскія гривна, кована изъ листоваго серебра, поляя, съ насаженными шариками, въ видѣ маковой головки, къ которой придѣлана чашечка цвѣтка изъ золотой пластинки, покрытой сканью. Пара браслетовъ изъ серебряной проволоки, съ бусами изъ стекляной пасты. Мониста изъ серебряныхъ бусъ и подвѣсныхъ бляшекъ: 32 бусы и 22 бляшки, изъ которыхъ десять имѣютъ форму лунницы, большаго и меньшаго размѣра, прочія въ видѣ под-

вѣсныхъ медалекъ. Орнаментація каждой бусы особая (рис. 50), изъ скани: завитки, городки, зигзаги, ромбики, розетки, звѣзды, подобіе саженаго жемчуга.

Большинство бляшекъ (рис. 48 и 51) украшены сканью изъ геометрическихъ рисунковъ, или дерева, вѣточки, хищной птицы геральдическихъ формъ (*птица*), грифа; на одной бляшкѣ можно различить голову въ кикѣ. Отмѣтимъ десять лунницъ (рис. 54, 56—58), съ трубкою или тремя бусами, припаянными для продѣванія шнура; орнаментація на нихъ изъ подобій саженаго жемчуга. Низка изъ 23 бляшекъ дурнаго серебра, позолоченыхъ и прорѣзныхъ (рис. 55, 59—62), разныхъ рисунковъ: плетенія изъ грызущихся животныхъ, собаки, кони, свора собачья, затравившая лисицу; эта игра ленточныхъ сплетеній ведетъ свое начало отъ «арабесокъ». Восточные сюжеты видны здѣсь въ фигурѣ, удушашей двухъ грифовъ; есть личина въ шлемѣ и наличникѣ, съ двумя копытами наверху, нашечниками и носовою стрѣлкою (рис. 62). Пара чашечныхъ фибулъ изъ бронзы, съ ажурною накладкою. Двѣ круглыя серебряныя бляхи (фибулы), съ подвѣсными

51. Гривна и бляшки изъ Гнѣзовскаго могильника. Эрмитажъ.

52. Гривна и фибула изъ Гнѣдова. Эрмитажъ.

цѣпочками, съ тщательной рѣзбою (рис. 63) плетенья съ птичьими головами; на другой (рис. 52) четыре оленя пьютъ изъ фонтана. Любопытный предметъ — на-

53. Капторга изъ Гнѣздовскаго могильника. Эрмитажъ.

грудный металлическій кошель (рис. 53), имитация обыкновенныхъ кошелей, называвшихся *капторга*, но особаго типа, повторяемаго въ пермскихъ древностяхъ: края кошеля образуютъ трубочки: верхняя для дрота, который пропускался внутрь одежды на груди; нижняя напоминаетъ арабскіе талисманы въ видѣ трубочки съ вложеннымъ листикомъ Корана; три застежки кошеля украшены бычьими головками.

Въ 1885 г. въ Гнѣздовѣ найденъ новый кладъ восточныхъ монетъ: 76 диргемовъ X—XI в., съ остатками ожерелья изъ бусъ и лунницъ и семь обручей.

Близокъ къ Гнѣздовскому кладъ Волынской губ., найденный въ 1884 г., въ д. Борщовкѣ, Дубенскаго уѣзда, состоящій изъ трехъ гривень, тутъ уже кольчатыхъ или плетеныхъ, пары (рис. 64) лунницъ и 5 большихъ серегъ превосходной работы (рисун. 65—67); здѣсь, при помощи доступныхъ кустарю приѣмовъ, путемъ оригинальной орнаментики изъ зерна, филиграни и скани, получается богатое украшеніе,—замѣчательное ручное мастерство, создавшее тончайшую скань, которая считается изъ двухъ металлическихъ нитей, и которою, какъ и зернами филиграни, выполняютъ ячейки, шарики, городки, весь крайне простой, въ сущности,

54. Лунница изъ Гнѣздова. Эрмитажъ.

рисунокъ. Подобныя серьги были находимы не разъ въ Калишской губерніи и оправдываютъ воспоминаніе былинъ «о богатой Воляни».

55. Изъ Гнѣздова.

56. Изъ Гнѣздовскаго могильника.

Находка Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, села Юрковцы, тоже состояла изъ массивной серебряной гривны, девяти серебряныхъ лунницъ, пяти бусинъ, для раздѣленія лунницъ на шнурѣ, и серегъ «волинскаго» типа.

Въ Швеціи также были найдены въ одномъ кладѣ и серьги «волинскаго» типа, и лунницы, и рядъ подвѣсныхъ бляшекъ, тождественныхъ съ гнѣздов-

скими; очевидно, это сокровище варяга вмѣщало въ себѣ драгоценности личныхъ уборовъ, господствовавшихъ на «пути изъ Варяговъ въ Греки».

Въ сосѣднихъ съ Гнѣздовомъ могильникахъ Смоленской губ., напр. села Горбачева *Бѣльскаго уѣзда*, на-

57. Изъ Гнѣздова.

59. Изъ Гнѣздова.

ходятъ уже (потому, что они иной, болѣе поздней эпохи) серьги типа полу-

лунія, съ семью лопастями, изъ котораго выработались, путемъ варварской утробки, такъ называемыя московскія семилопастныя серьги; хотя и этотъ смоленскій типъ представляетъ уже варварскую передѣлку древняго сирійскаго типа серьги, штампованной изъ листа и куска проволоки.

58. Изъ Гнѣздова.

60. Изъ Гнѣздова.

Въ Бѣльскомъ и Ельнинскомъ уѣздахъ встрѣчаются также височныя кольца со щитками, какъ и «московскія» серьги. Шейныя гривны обратились здѣсь въ кольца изъ бронзовой проволоки. Затѣмъ встрѣчаются тѣ-же подвѣсныя лунницы и

61. Изъ Гнѣздова.

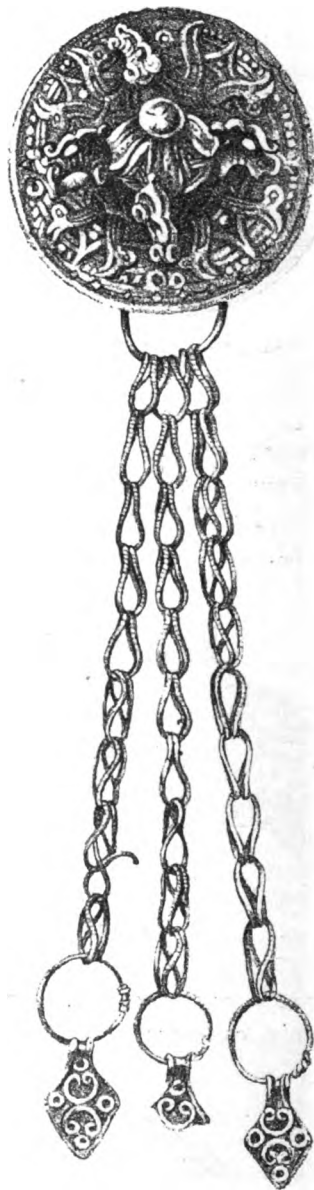
подвѣски въ видѣ трубочекъ съ поталами въ могильникахъ Тамбовскихъ, Рязанскихъ и Владимірскихъ, а также въ видѣ бронзоваго звѣрка съ подвѣсными бубенцами, ухверткою и пр. Браслеты здѣсь — или изъ гладкой и витой проволоки, или пластинчатые, съ узорами и наколами. Перстни въ простѣйшей формѣ колечка или изъ витой проволоки, съ узорами на печаткѣ, а также ажурные, какъ въ тамбовскихъ древностяхъ. Любопытны подвѣски изъ кости въ видѣ лебедей, тоже объясняющихъ воспоминанія былинъ о живыхъ пуговкахъ на кафтанахъ богатырей.

Развѣдки въ Могилевской и Минской губерніяхъ, произведенныя въ послѣдніе годы, крайне скудны. Близъ *Мстислава* онѣ открыли тѣ-же височныя кольца, перстеньки, семилопастныя серьги, витые браслеты, ожерелья изъ бусъ; въ *Рогачевскомъ уѣздѣ*, на Днѣпрѣ, сдѣланы подобныя-же находки, а въ *Климовичскомъ уѣздѣ* найдены тончайшія височныя колечки и легкіе браслеты; въ *Быховскомъ уѣздѣ*, среди такихъ-же вещей, есть штампованная бляшка съ изображеніемъ идущаго воина, держащаго въ правой рукѣ вѣнокъ, съ короткимъ мечемъ. Въ *Старо-Быховскомъ уѣздѣ*, въ мѣстности *Вотня*, найдены, вмѣстѣ съ арабскими монетами и тремя серебряниками Св. Владиміра, пара височныхъ колецъ и двѣ лунницы.

62. Изъ Гнѣздова.

Въ Минской губерніи раскопки графа Тышкевича въ *Борисовскомъ уѣздѣ* дали обширную коллекцію съ знакомыми типами: орнаментальныя серьги колодочкою, гривны, бронзовыя и желѣзныя, иногда больше самой большой гнѣздовской, въ типѣ серебряныхъ; ожерелья изъ бусъ и бляшекъ со сканными разводами, подвѣска въ видѣ звѣрка съ цѣпочками, грековосточнаго стиля, круглыя пряжки,

63. Изъ Гнѣздова.

браслеты, гладкіе или витые, выпуклые, съ концами, въ видѣ конской головы, происходящей отъ древняго типа Сибири и Кавказа, приче́мъ, первоначально, это

64. Лунница изъ клада Волинской губ., Дубенскаго уѣзда.

было изображеніемъ лошадиныхъ, или оленьихъ головъ, съ завернутою верхнею губою, но загнутые рога, исполненные рѣзбою, пропали; эти головы, въ Швеціи и Даніи, утратили реальныя черты и были принимаемы долго за змѣиныхъ. Среди ушныхъ украшеній есть типъ колецъ, съ острымъ концемъ и наглавникомъ, извѣстный въ древности въ Дагестанѣ.

По системѣ рѣки Березины были производимы раскопки въ уѣздахъ Минской губерніи: въ *Бобруйскомъ уѣздѣ* раскопки обнаружили или бѣдное, или въ христіанскую эпоху скудно обставленное (?), или, по условіямъ жизни, примитивное погребеніе; встрѣчались костяки въ сидячемъ положеніи, при нихъ серебряное или бронзовое колечко, ножикъ; у женщинъ — ножницы, немного бусъ; крайне грубая посуда, шиферныя пряслицы отъ веретень, простыя пряжки, серпы и топоры. Височныя кольца и множество спиральныхъ колецъ и колечекъ, изъ тонкихъ лентъ, составляютъ характерную черту этихъ могилъ, вмѣстѣ съ стеклянными (голубаго стекла) браслетами, витой формы, получавшимися изъ Сирии.

65. Серьга изъ Волинскаго клада.

66. Серьга изъ Волинскаго клада.

самыхъ вещей въ ихъ историческомъ развитіи. Статистическій методъ, и здѣсь, какъ всегда, безъ научной критики вещей, не можетъ дать серьезнаго вывода.

Въ 1890 г. произведены раскопки въ *Рычицкомъ уездѣ*, на правомъ берегу Днѣпра, между устьями Припети и Березины, въ количествѣ 245 кургановъ. Большое число разслѣдованныхъ могилъ помогло убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ исторической безразличности разныхъ видовъ погребенія: надъ материкомъ или въ материкѣ, въ ямахъ, и, наконецъ, съ примѣненіемъ трупосожженія; всѣ три формы встрѣчаются здѣсь нерѣдко въ одномъ могильникѣ. Здѣсь найдено оружіе, у поясовъ — ножи, огниво, кремль, оселокъ въ сумкахъ, бронзовыя и желѣзныя колечки на поясныхъ ремняхъ. Между украшеніями: серьги и кольца, височныя и для косы, иногда изъ серебряной проволоки, но серьги были рѣдки, и главный видъ украшеній сводился къ бусамъ: аметистовымъ, сердоликовымъ, хрустальнымъ, золоченаго стекла. Монетъ найдено мало — одна византійская и три арабскія X столѣтія.

Въ предѣлахъ Кіевской и Волинской губ., въ округахъ Овруча и Коростѣна, открыты могильники Древлянъ (?), въ видѣ курганныхъ группъ по нѣскольку сотъ въ каждой, часто сбитыхъ вмѣстѣ, такъ что насыпи сливаются основаніями, и на 307 могильниковъ приходится не менѣе 7.400 кургановъ; раскопано только 313. Оружіе встрѣчалось рѣдко: это

Серьги здѣсь — въ формѣ колечка съ бусами, мониста бусъ и лунницъ, коньковъ, бляшекъ, якорей; перстни поздняго типа — витые; бронзовыя гривны рѣдки.

Въ *Мозырскомъ уездѣ* раскопки по Припети обнаружили скудныя погребенія: нерѣдко въ курганѣ было только огниво съ кремнемъ, поясной ножикъ, пряжка поясного ремня и кольцо на пальцѣ. Вообще, изъ предметовъ украшенія встрѣчены: бусы ожерелій, серьги, перстни, кольца для волосъ и браслеты; кольца согнуты изъ проволоки и не спаяны. Художественный видъ имѣютъ только бусины изъ золота, серебра и бронзы, съ зернью. Отсутствіе оружія указываетъ на христіанское погребеніе, и потому, соображенія, на основаніи лѣтописи, о примитивности населенія, должны быть оставлены въ сторонѣ, какъ любительскія догадки, излишнія при современномъ непониманіи

67. Серьга Волинскаго клада.

были копья, кинжалъ, ножъ, дротики; предметы домашняго быта чаще: глиняные сосуды, или ихъ днища, иногда съ клеймами, деревянныя ведра, три чаши (?) будто-бы изъ человѣческаго черепа, огниво, кремни, ножи, серпы, пряслицы изъ краснаго шифера. Отъ одеждъ сохранился воротникъ съ галуномъ и застежкой. Застежками служили или бронзовое, серебряное кольцо, или бусы, продѣвавшіяся въ ременные петли, изъ сердолика, серебра и бронзы или стекла съ позолотою. Поясныя пряжки были круглыя, плоскія. Обувь имѣла видъ полусапоговъ, съ острыми носками. Украшенія сосредоточивались около головы: въ женскія косы вплетались кольца изъ серебряной или бронзовой проволоки и бусы; кольца были по размѣру косы, и только одно кольцо оказалось собственно «височнымъ», т. е. прилегало къ правой височной кости; встрѣтился разъ и арабскій вѣчный жгутъ изъ семи серебряныхъ колецъ, нанизанныхъ на валекъ изъ березовой коры; найдены были остатки кокошника изъ коры, обтянутой шерстяною тканью, на которой нашиты были колечки и бусы. Серезжки состояли изъ колечекъ съ нанизанными шариками. Монетъ не встрѣчено, кромѣ двухъ случаевъ, а равно и браслетовъ; перстни, чаще изъ серебра,— поздніе, витые, рѣже изъ пластинокъ. Серебряныхъ украшеній найдено почти втрое больше, чѣмъ бронзовыхъ, но за-то встрѣчено только пять орнаментированныхъ предметовъ: пряжка въ видѣ спирали, бляха, раздѣленная накрестъ, ременные пряжки, перстень съ изображеніемъ вѣтки. Но эта скудость находокъ въ могилахъ и отсутствіе орнаментации предметовъ болѣе свидѣтельствуетъ о культурномъ развитіи племени, у котораго, вѣроятно, рано распространилось христіанство и установились правильные обряды погребенія, развилась осѣдлая жизнь и съ нею ремесла. Курганы оказываются бѣдными, и памятниковъ быта и искусства надо искать въ кладахъ и городищахъ, а не въ могилахъ, куда перестали класть лучшія вещи.

Погребальный типъ могилъ Радимичей (?) разслѣдованъ (262 кургана) въ *Черниговской губерніи* и обнаружилъ тѣ-же формы могилъ, что предполагаютъ у Древлянъ. Никакого оружія при покойникахъ; изъ утвари—только глиняные горшки у головы и ногъ, сдѣланные безъ гончарнаго круга. Украшеніями въ мужскихъ могилахъ оказались поясныя бронзовыя пряжки и литыя кольца на поясѣ. Въ женскихъ могилахъ, у головы—височныя кольца, о семи щиткахъ, рѣже серьги, на шеѣ—витыя гривны изъ бронзы и ожерелья изъ бусъ, стекла, глины, сердоликовъ, аметистовъ и горнаго хрусталя, а также подвѣсокъ въ формѣ розетки, лунницы, бубенчика; браслеты и перстни изъ проволоки; серебряныхъ предметовъ больше, чѣмъ бронзовыхъ. Изъ подвѣсокъ важны пять саманидскихъ диргемовъ 900—950 гг.

Раскопки въ *Суражскомъ* и *Новозыбковскомъ уѣздахъ* дали собраніе характерныхъ, по изяществу, уборовъ. Обильны мониста изъ бусъ, зерневыхъ, сердоликовыхъ, бѣлой, голубоватой смальты, часто стекляныхъ съ золотою и серебряною накладкою по безцвѣтному стеклу, всегда одной формы, сплавленныхъ такъ, что листикъ золота и серебра остается закрытымъ. На мониста вѣшались бубенчики, прорѣзныя бляшки съ лунницею, крестики съ желтою эмалью, нерѣдко бляшки съ фигурами, напр. бычачьею головою. Лунницы иногда встрѣчаются дюжинами,

почти во всякой могилѣ; типы лунницъ варьируются отъ серебряныхъ, густо орнаментированныхъ, до грубыхъ, бронзовыхъ, и ажурныхъ бляшекъ, съ подвѣснымъ крестикомъ. Далѣе, любопытна форма семилепестковой серьги, проще серьги калачикомъ, о семи жемчужинахъ на спаяхъ. Височныя кольца изъ проволоки, часто десятками въ могилѣ. Бронзовыя гривны, или витыя, или кованныя на три грани, съ наглавниками.

Въ *Остерскомъ уѣздѣ* находки мѣняютъ характеръ: тутъ вновь встрѣчаемъ бронзовыя лунницы съ красною эмалью, близкія къ кіевскимъ и каневскимъ вещамъ, или же подвѣски въ видѣ конька, какъ въ губ. Смоленской, круглыя бронзовыя фибулы съ нарѣзнымъ орнаментомъ, бубенцы, бронзовые перстни; все это болѣе древняго періода.

Въ предѣлахъ южной Россіи, для данной эпохи, на первомъ мѣстѣ по значенію стоятъ два кургана въ чертѣ города Чернигова: *Черная могила* и небольшой курганъ, извѣстный подъ именемъ могилы «княжны Черны». Черная Могила заключала въ себѣ срубъ, обложенный кирпичемъ, и множество вещей: два желѣзныхъ шлема, которые были подложены шапками изъ дорогихъ тканей, кольчуги, ножи, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты IX вѣка, Имп. Василя и Константина, и два турьихъ рога, описанныхъ выше (рис. 10—15). Ниже этихъ вещей было круглое кострище, въ пять сажень въ поперечникѣ, со слоемъ угля и костей конскихъ, птичьихъ и рыбьихъ, и въ кострищѣ — скупившіяся вещи: мечи, копья, стремена (по парѣ), сабля, ножи, щиты, стрѣлы, серебряныя пуговицы, бронзовыя бляхи, бубенчики и кольца, бусы, гребенки изъ кости, иглы, игральныя кости, сосуды изъ желѣза и мѣди, замокъ, серпы, долота, топоръ, оселки, пряслицы, и, наконецъ, зерна ржи и овса.

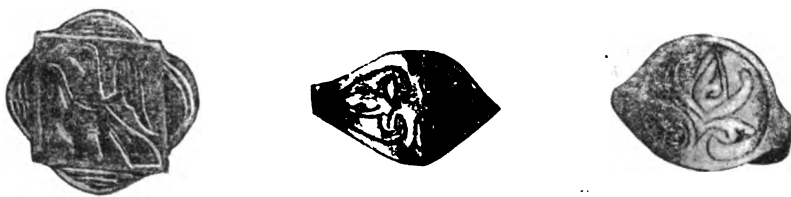
Курганъ «княжны» былъ разрытъ еще въ началѣ нашего столѣтія и заключалъ въ себѣ груды человѣческихъ костей; на половинѣ высоты — слой угля, съ остатками панцырей, кольчугъ, костюли, серебряной облицовки турьяго рога, съ рисункомъ, исполненнымъ чернью и рѣзбою; тутъ-же найденъ колтъ въ видѣ головки орла.

Большой курганъ, называемый «Гульбище», на Болдиныхъ горахъ, въ 2 вер. отъ гор. Чернигова, надъ Десною, содержалъ въ себѣ, на глубинѣ 2 саж., также скупившуюся металлическую массу изъ шлема, кольчуги, меча, копья и пр.; подъ ними былъ чугунокъ съ бараньими костями, еще ниже слой угля, въ которомъ найдено: десять костяныхъ пуговицъ, украшенныхъ рѣзбою, каждая съ особымъ рисункомъ, дюжина серебряныхъ и золотыхъ дутыхъ пуговицъ, восемь круглыхъ пуговицъ изъ серебра, восемь серебряныхъ бляхъ съ рѣзбою, 17 маленькихъ серебряныхъ бляшекъ отъ пояса, 28 квадратныхъ рѣзныхъ бляшекъ съ позолотою отъ поясного набора, 11 ромбоидальныхъ серебряныхъ бляшекъ, служившихъ застежками кафтана, далѣе подобныя-же вещи изъ бронзы, утварь изъ желѣза, бусы, куфическая монета IX вѣка, до 200 слитковъ серебра и бронзы отъ расплавившихся вещей и остатки домашней утвари.

Въ окрестностяхъ Чернигова, по дорогѣ къ Троицкому монастырю, курганы были того-же характера, но вещи находимы были только въ незначительной части ихъ и состояли изъ ушныхъ или височныхъ колецъ, съ нанизанными на нихъ под-

вѣсками или бусами, ожерелья изъ бусъ съ лунницами, перстни въ видѣ колецъ, пряжки и обрывки тканей.

Подобные курганы были и близъ м. Сѣднева, съ кострищами и такими-же предметами, но тамъ найдено въ нѣсколькихъ курганахъ по парѣ глиняныхъ сосудовъ съ человѣческими костями, поставленными на верху насыпи: обычай указанъ лѣтописцемъ у Радимичей, Вятчей и Сѣверянъ. И здѣсь богатство утвари не соотвѣтствуетъ бѣднымъ уборамъ; причиною этого могъ быть самый обрядъ сожженія; любопытно щегольство богатыхъ тканей, преимущественно шелковыхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, не заходившихъ дальше на сѣверъ. Это обиліе драгоценныхъ тканей въ южной части Черниговской губ., частію въ Полтавской, а также и въ Кіевской (въ Каневскомъ уѣздѣ), и рѣзныхъ издѣлій изъ кости напрашивается на сравненіе съ скиво-сарматскою эпохою.

68. Перстни изъ с. Шмарова, Лихвинскаго уѣзда, Калужской губ.

Находки *Калужской губ.*, стоящія между древностями приволжскими и древностями системы Оки и Десны, отрывочны и скудны. Въ Мещовскомъ у. найдено много семилучевыхъ серегъ, бубенчики, браслеты, частію витые изъ проволоки, перстни, оригинальное кольцо, со спиралью въ срединѣ, и цѣпь. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ тѣже височныя кольца, большія бляхи дурного серебра, съ изображеніями фантастическихъ животныхъ. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ, кромѣ серебряныхъ перстней, тоже съ изображеніемъ (рис. 68) «птица», лиліи (крина), найдена серьга изъ низкопробнаго серебра, въ типѣ такъ наз. семилучевой серьги, но съ пятью узорными лопастями; сверху по рѣшѣткѣ вырѣзаны двѣ птицы. Подобныя находки сдѣланы въ Чернскомъ уѣздѣ, *Тумской губ.*, въ могильникѣ по р. Зумѣ: витые бронзовые браслеты и перстни, семилопастныя серьги изъ серебра. Близъ города Бѣлева сдѣлана была находка двухъ серебряныхъ витыхъ гривенъ и браслетовъ, каменныхъ бусъ и семнадцати серегъ изъ низкопробнаго серебра. Одна побольше и три поменьше были «московскаго» типа о семи лопастяхъ, а въ тринадцати дана форма подвѣсной вазочки съ ножкою; на рѣшѣткѣ видна пара крохотныхъ животныхъ, оленей или коней, пьющихъ изъ чаши.

Древности, открытыя близъ *г. Рязани*, въ Барковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ на Окѣ, представляютъ типичныя формы и могутъ частію относиться къ VIII — IX столѣтіямъ; сравнительно съ могильниками тамбовскими эти древности бѣднѣе и менѣе характерны: почти нѣтъ вещей серебряныхъ, нѣтъ и тамошнихъ сплавовъ, а всѣ вещи бронзовыя; ихъ тонкая работа, ихъ обиліе свидѣлствуютъ въ пользу мѣстнаго производства. Фибулы, въ видѣ самострѣла и вѣера,

относятся къ VII—VIII в.; бронзовыя гривны снабжены круглымъ щиткомъ на подвижныхъ шарнирахъ, съ пятью подобіями жемчужинъ, въ типѣ шейныхъ обручей у варварскихъ наемниковъ византійскаго двора VI—VIII стол. Многочисленны височныя кольца изъ проволоки, круглыя и плоскія пряжки. Но еще болѣе характерна масса трубочекъ изъ спиралей, образующихъ бахрому ткани; спирали крохотныя, и изъ нихъ составлены горизонтальныя полосы и зигзаги. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ привозному золотому галуно парчевой матеріи; къ бордюру прицѣпленъ рядъ колечекъ, для бахромы, какъ бывало на верхней царской, греческой одеждѣ (евангельскія «воскрылія»). Есть здѣсь и листовыя круглыя бляхи, до 15 сант. въ попер., во всемъ подобныя Лядинскимъ и Томниковскимъ (см. рис. 71—72), кромѣ языка въ срединѣ: здѣсь бляхи снабжены скобочками для пришивки къ платью; встрѣчаются и парныя застежныя бляхи съ подвижною крышечкою и обычными треугольными вырѣзками. Масса пряжекъ — однообразнаго, почти фабричнаго издѣлія. Любопытны мониста изъ металлическихъ бусъ съ колечками для подвѣсокъ; здѣсь можно предположить, что колечки «наузовъ», бахромы, въ силу тюркскихъ воззрѣній, повели къ употребленію бахромы, какъ амулета. Подвѣски отличаются массивностью, укрѣпляются на толстыхъ цѣпяхъ. Листки или поталы, прорѣзныя плетенныя бляшки и бляхи съ насѣчкою.

Близъ гор. Зарайска на берегу Остра найдена любопытная бляшка отъ ремня изъ бѣлаго сплава съ изображеніемъ льва, преслѣдующаго ланя, вмѣстѣ

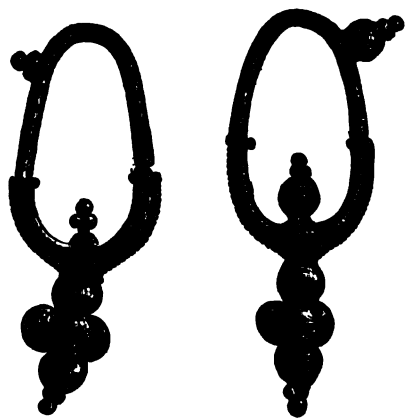
69. Подвѣска изъ Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

съ ушными подвѣсками о пяти и семи лопастяхъ и серьгами въ простѣйшей формѣ колечка съ подвѣшенною бусою.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ 1878 году, разслѣдовано было на р. Ключѣ, впадающей въ Оку, 63 кургана: изъ утвари встрѣчались только горшки; почти всѣ предметы изъ бронзы. Шейныя гривны, иногда съ раковинами, спиральныя кольца, браслеты, изъ дрота и пластинчатныя, ви-

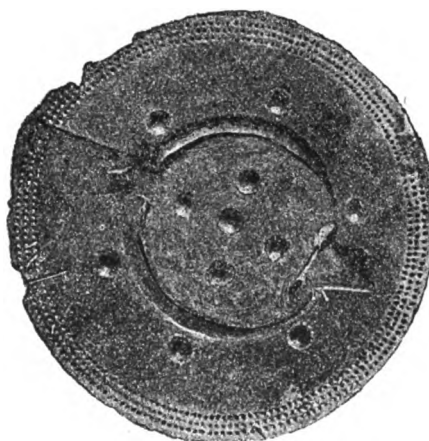
сочныя кольца изъ проволоки, иногда съ бисеромъ, бусы голубоватаго стекла, подвѣски, серьги изъ проволочнаго колечка, съ одною стекляною бусою. Ориги-

нальны: перстень съ печаткою, на которой выбита такъ называемая свастика, а фонъ заполненъ эмалью; пара ушныхъ подвѣсокъ, подражающихъ эмалевымъ серьгамъ. Здѣсь-же встрѣчается и наушная подвѣска (рис. 69) изъ листового,

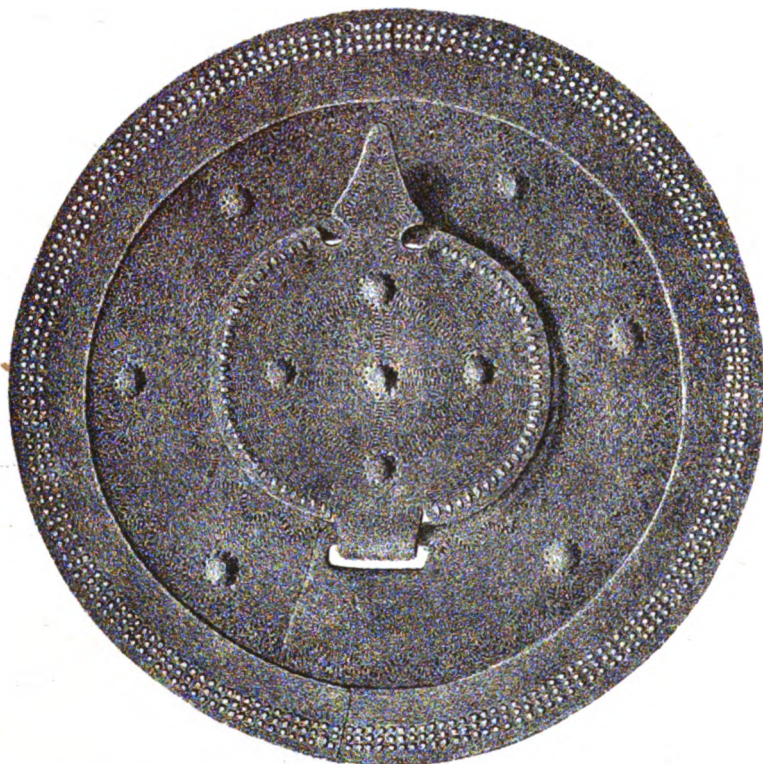
70. Серьги изъ Томниковскаго могильника.

дурнаго серебра, въ видѣ лунницы съ характерною дужкою въ видѣ иглы, обычная и въ муромскихъ находкахъ. Изслѣдованный въ 1888 г. *Курманскій* могильникъ находится въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губернии, на правомъ берегу Оки, въ ряду песчаныхъ бугровъ, носящихъ названіе «Городка». Рѣка ежегодно вымывала здѣсь массу бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, мѣстами попадаетъ много костей и черепковъ, кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, и подъ верхней почвой почти вездѣ существуетъ болѣе или менѣе толстый, отъ $\frac{1}{4}$ арш. до сажени, слой черной земли съ примѣсью золы и угля. Могильникъ состоялъ изъ безпорядочно разбросанныхъ могилъ, по способу погребенія и трупосожженія, изслѣдованныхъ въ числѣ 31, и доставилъ обильное количество находокъ, происходящихъ изъ могилъ, прежде разоренныхъ, а также изъ тризницъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь мало головныхъ украшеній, кромѣ височныхъ колецъ. На шеѣ толстыя, витыя гривны изъ бронзы (рѣдко изъ серебра), тоже съ круглою плоскою коробочкою въ срединѣ, орнаментированною жемчужинами. Въ женскихъ уборахъ преобладаютъ низки бусъ, подвѣсокъ изъ бронзы, витыхъ трубочекъ и лунницы. На груди, поверхъ одеждъ, носилась круглая бляха изъ листовой мѣди, съ вырѣзкою въ срединѣ и крышкою, типичная для Тамбовскихъ могильниковъ и находимая тамъ изъ серебра. Пояса бывають и здѣсь съ наборными бляшками, но поясныя украшенія съ подвѣсками и бубенцами здѣсь рѣдки. Любопытны плечевыя парныя украшенія изъ плетенаго кольца съ бронзовыми подвѣсками и, наконецъ, бронзовыя украшенія кость за спиною въ видѣ ленточныхъ завязей, распущенныхъ четырьмя, пятью и шестью кончиками, какъ-бы звѣздою: подражаніе матерчатымъ украшеніямъ, свойственнымъ быту тюркскихъ кочевниковъ. Противъ Лядинскаго и Томниковскаго могильниковъ здѣсь нѣтъ многихъ укра-

71. Пряжка изъ Томниковскаго могильника.

шеній: рѣшетчатыхъ пластинокъ съ подвѣсками, треугольныхъ бляхъ на спинѣ съ погремущками, діадемъ на головѣ, лунницъ на шеѣ съ гремучими украшеніями, рѣшетчатыхъ пряжекъ и пр. Здѣсь встрѣченъ древнѣйшій типъ фибулы «арбалетной», большого размѣра, но не встрѣчено совсѣмъ монетъ. Слѣдуетъ-ли считать Рязанскій могильникъ древнѣе Тамбовскихъ, или же оскудѣніе типовъ и бѣдность металловъ отнести къ грубости поселеній, и считать оба могильника

72. Пряжка изъ Лядинскаго могильника.

современными, т. е. относящимися къ VIII—IX стол.,—впредь до историческаго анализа предметовъ и типовъ, сказать нельзя.

Рязанская находка, поступившая въ 1891 г. въ Императорскій Эрмитажъ и состоящая изъ большихъ подвѣсокъ, плетеныхъ кружковъ—подобія кошелей—съ цѣпочками и серегъ о семи лучахъ, поразительна выработкою проволочнаго плетенія и полнымъ отсутствіемъ художественныхъ формъ.

Въ 1869 г. открытъ въ Тамбовской губ. *Лядинскій* могильникъ, на р. Лядѣ, притокѣ Цны; онъ обнаруженъ благодаря проведенію желѣзной дороги и даль богатую коллекцію вещей, но систематическая раскопка на перевалѣ всей уцѣлѣвшей (четвертой) части могильника была исполнена только въ 1888 г. На этой части было открыто 143 могилы. Мужскія могилы обозначались находкою въ нихъ

кремней, желѣзныхъ ножей, удиль, ключей, а также ременныхъ наборовъ и предметовъ вооруженія и утвари: топоровъ, бронзовой посуды и т. д.; въ женскихъ могилахъ находились вѣнчики, серьги, ожерелья, браслеты, украшенія костей, подвѣски и посуда изъ жженой глины.

Поясные наборы представляютъ разнообразную орнаментацию серебряныхъ и бронзовыхъ бляшекъ, иногда позолоченныхъ, исполненныхъ штампомъ или чаще отливкою. Бляшки имѣютъ видъ листовъ плюща или сердечекъ, индѣйской пальмы, калачика, полулунія и проч.; изъ наколовъ или рѣзбою сдѣлана пальметта, или штампомъ — жемчужныя нити по бордюру и кайма изъ саженнаго жемчуга, далѣе штампомъ внутри бляшки схема цвѣтка, листа, вѣточки, аканѣоваго развода, личины по восточнымъ рисункамъ эпохи появления Арабовъ. Подобные типы часты въ Венгрии, гдѣ вообще крупныя поясные наборы, связанные тѣсно съ одеждою кочевниковъ и конныхъ варварскихъ отрядовъ, представляютъ необыкновенное богатство формъ, украшеній, матеріала и т. д. Тамбовскія бляшки гораздо меньше венгерскихъ; ихъ отливныя и штампованныя формы находятся въ разномъ гласіи съ прочими вещами могильника, примитивная орнаментика которыхъ, въ видѣ веревочки, жгута, спиралей и пр., тѣсно примыкаетъ къ финскимъ типамъ, тогда какъ поясные наборы нашихъ могильниковъ были предметомъ привоза. Изъ находимыхъ здѣсь серегъ слѣдуетъ отмѣтить кавказскій типъ, еще античнаго рисунка, съ подвѣшенною гроздью (рис. 70).

Въ Лядинскомъ могильникѣ замѣчательны круглыя застежныя бляхи, большого размѣра, носившіяся на груди и дѣлавшіяся, чаще всего, изъ листового серебра, въ формѣ тонкаго щитка, съ круглымъ или овальнымъ отверстіемъ, которое закрывается вырѣзною крышечкою съ язычкомъ, для застегиванія на груди тонкаго платка или чадры (рис. 71 и 72). Подобныя бляхи найдены въ Алтайскихъ курганахъ; въ Средней Азии доселѣ въ употребленіи сходныя украшенія большаго размѣра изъ листового серебра.

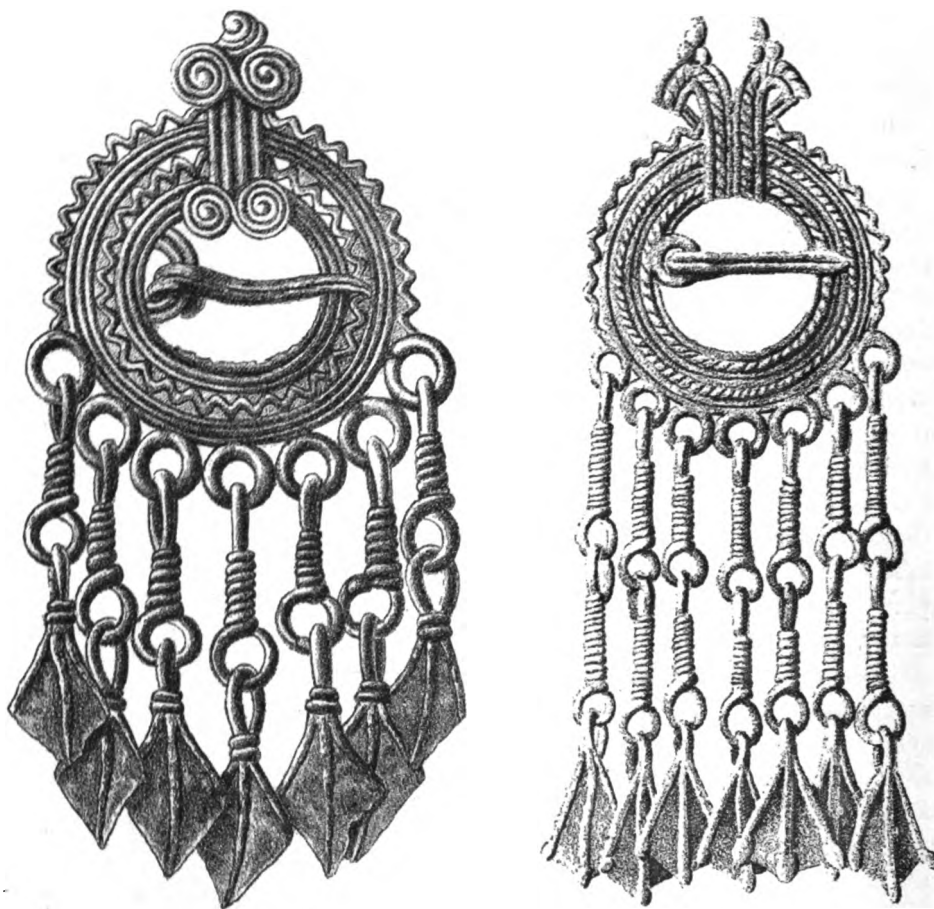
Въ Лядинскомъ могильникѣ мы встрѣчаемъ (рис. 73), напримѣръ, среднеазиатскія длинныя пластинки, часто изъ серебра, съ двумя завитками на верхнихъ концахъ, напоминающими, что на нихъ нѣкогда изображалось древо жизни (пальма), и съ пряжкой наверху, служащею единственно для того, чтобы это украшеніе прикрѣпить на боку или на спинѣ; снизу къ пластинкѣ привѣшены простыя по-

73. Изъ Лядинскаго могильника.

гремушки въ видѣ свернутыхъ трубочекъ. Туркменскія женщины доселѣ носятъ это украшеніе (тлыкъ) на спинѣ, или подвѣшиваютъ сзади къ костѣ.

Обычною грубостью отличаются круглыя большія пряжки изъ проволочнаго плетения, съ волнистыми зигзагами въ промежуткахъ, причемъ бронзовая проволока подражаетъ тонкой скани; сверху — украшенія въ видѣ конскихъ головокъ (см. рис. 75), а по низу рядъ колецъ съ цѣпочками, которыя оканчиваются листьями,

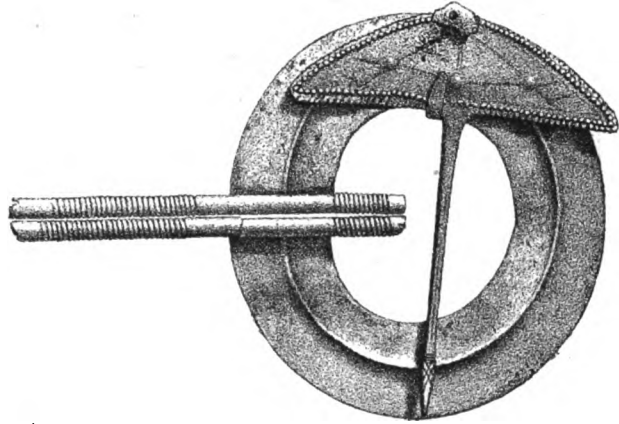

74 и 75. Бронзовыя пряжки изъ Лядинскаго могильника.

бубенцами, гусиными лапками (рис. 74 и 75). Подобныя пряжки встрѣчены въ Ярославской и Владимірской губ.; пермскіе и великоболгарскіе экземпляры старѣе Тамбовскихъ. Далѣе, любопытны пряжки въ видѣ кованаго круглаго кольца съ иглою и двумя продольными остріями (рис. 76—78), очевидно, пронизывавшими легкую ткань и помогавшими удерживать не только пряжку, но и самую ткань въ складкахъ; подобныя пряжки доселѣ существуютъ у латышей въ Витебской губ. Браслеты здѣсь встрѣчаются еще пластинчатые, грубые, безъ орнаментаціи, что наиболѣе свидѣтельствуетъ о грубости инородческихъ вкусовъ. Серьги очень

рѣдки, но и тѣ—въ видѣ простаго колечка съ колткомъ. Бусы разнообразнаго цвѣтнаго стекла или смальты, получавшіяся изъ первыхъ рукъ, съ сирийскаго Востока, образуютъ ожерелья; встрѣчаются также и колокольцы, звѣриные зубы, когти, что обычно у тюркскихъ племенъ.

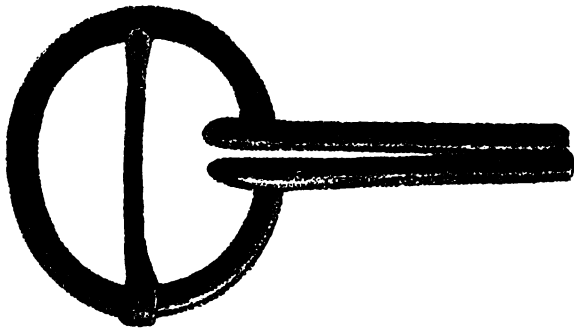
Характерны головныя женскія украшенія: мы встрѣчаемъ здѣсь (рис. 79, внизу), особый видъ головной повязки, въ видѣ тонкой, рѣдко серебряной, чаще бронзовой тесьмы или ленты, сдѣланной изъ тонкихъ трубочекъ, нанизанныхъ на шнурки и перехваченныхъ поперечными жамками, или скобочками; эта повязка напоминаетъ русскій ремешокъ, надѣваемый на волосы. Подобныя украшенія мы видимъ въ Витебской губ., Лифляндіи, и Муромскомъ уѣздѣ

76. Пряжка изъ Лядинскаго могильника.

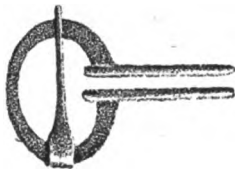
Владимірской губ. Это украшеніе является имиташіею византійскихъ жемчужныхъ нитей, перехваченныхъ золотыми шарнирами и огибавшихъ голову по главной костѣ, уложенной въ видѣ коронки. Въ Тамбовскихъ могильникахъ ко-

сы часто оказываются намотанными на палочки, какъ на примѣръ, въ Муромскомъ могильникѣ Симбирской губ., и обвитыми ремнемъ, съ металлическимъ наборомъ или бронзовыми спиральными трубочками; украшенія изъ мѣдной проволоки на косахъ встрѣчаются въ восточной Россіи и въ позднѣйшую эпоху.

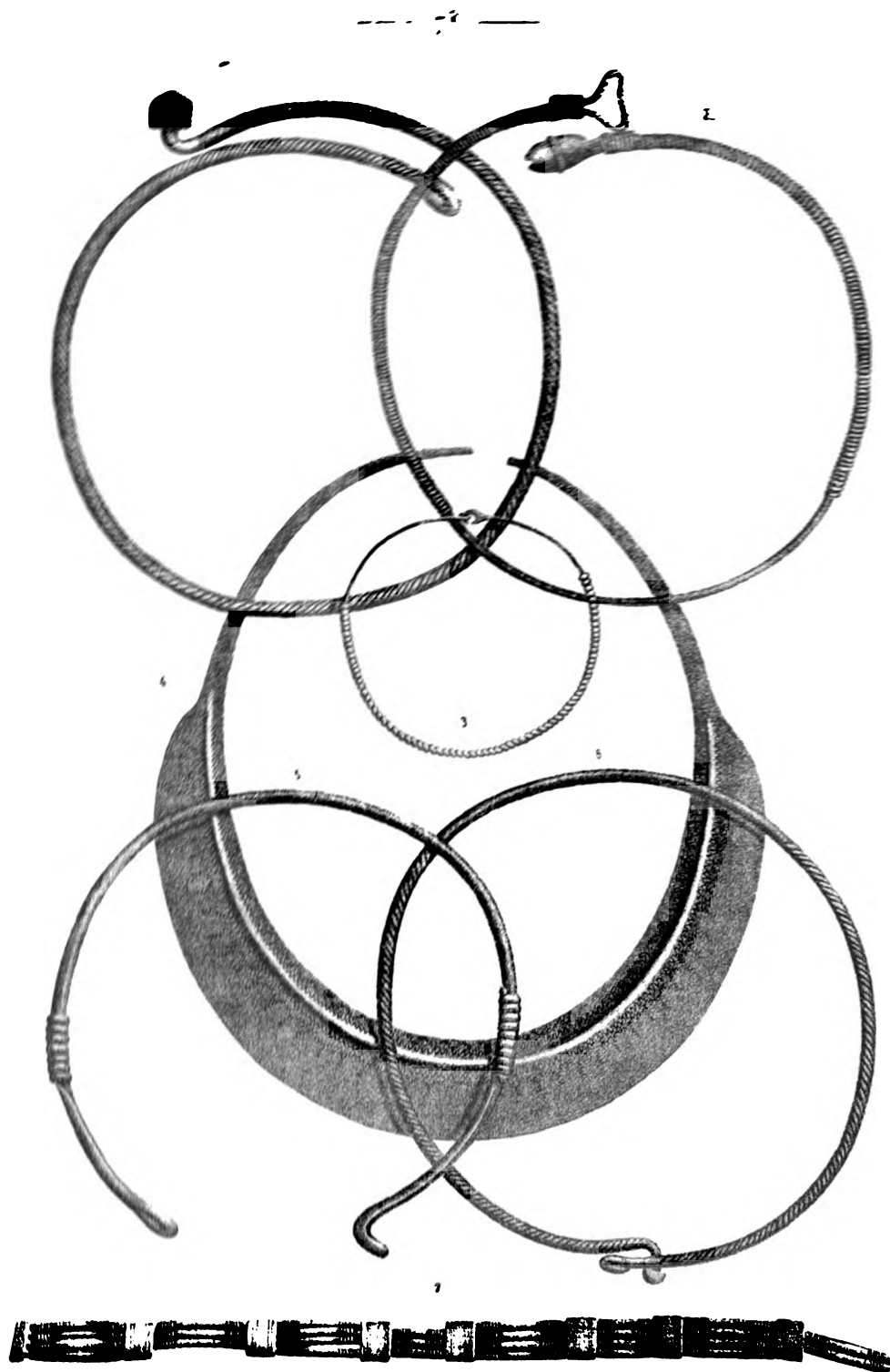

77. Пряжка изъ Лядина.

Въ тамбовскихъ могильникахъ встрѣчены оригинальныя головныя шпильки изъ длинной рукоятки, обмотанной, для крѣпости, проволокою, причемъ на концѣ эта проволока загнута спиралью и употреблялась для закручиванія локоновъ или косъ вмѣстѣ съ тонкимъ покрываломъ; рукоять оставалась висѣть (рис. 80). Въ женскихъ могилахъ находятъ часто и обычныя гривны или шейные обручи изъ бронзоваго дрота, иногда обмотаннаго про-

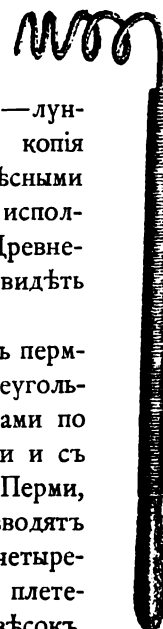
78. Тоже.

70. Гринин, браслет (3) и головной убор (7) из Лядинского могильника.

волокою, или же вовсе гладкого, или, наконецъ, витаго (рис. 79), и вообще одинаковыя съ гривнами Владимірской, Рязанской и Витебской губерній. Но здѣсь есть также и плоскія гривны въ видѣ серпа или полулунія, собственно копія византійскаго *мениска*, — лунницы, или древнерусской *гривны цатовой*, причемъ тамбовская копія (рис. 79 и 81), бываетъ обыкновенно снабжена грубыми подвѣсными трубочками, въ видѣ «рясенъ»; для дешевизны, изъ серебра здѣсь исполняется только верхняя накладка, орнаментированная наколемъ. Древнегреческій типъ плетеной нагрудной цаты съ подвѣсками можно видѣть въ ожерельѣ на рис. 82.

Наконецъ, въ Лядинскомъ могильникѣ оказались извѣстныя въ пермскихъ древностяхъ нагрудныя украшенія (рис. 83) въ видѣ четырехугольной рѣшеточки изъ проволочныхъ плетеній, съ конскими головками по обоимъ верхнимъ угламъ, причемъ жгуты чередуются съ зигзагами и съ подвѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ. Подобныя украшенія въ Перми, будто-бы, называются у мордвы *сустугами*. Эти украшенія воспроизводятъ въ металлѣ *кошель*, *калиту* (у киргизовъ — *калта*), *кишень*, или четырехугольную кису, изъ матеріи, носившуюся на груди (чаще всего плетеную), — откуда и происходитъ рѣшетчатое кружево нашихъ подвѣсокъ,

80. Шпилька изъ Лядина.

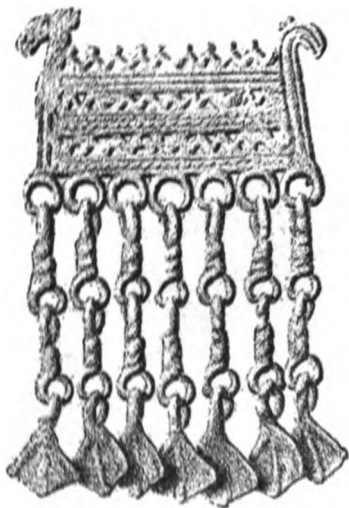
81. Гривна изъ Лядинскаго могильника.

съ бахромою — наши шёлки и базаболки, — и также съ завязками, кончики которыхъ и обозначаются конскими головками. Подобныя матерчатые кисы соот-

82. Шейная гривна изъ Лядинскаго могильника.

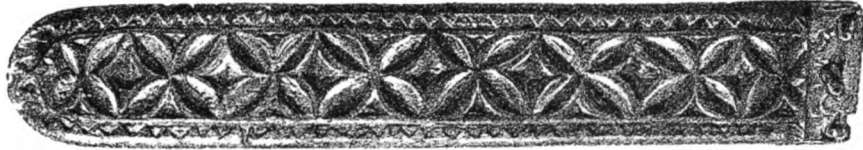
вѣтствуютъ, затѣмъ, металлическимъ коробочкамъ или *капторамъ* «Русовъ» Ибнъ-Фошлана, а также особымъ амулетамъ, въ видѣ серебряныхъ дощечекъ, выложенныхъ бисеромъ и камнями, съ шнуромъ наверху. Найденныя въ могильникѣ монеты оказались подражаніями арабскимъ диргемамъ (VIII—IX стол.).

83. Изъ Лядинскаго могильника.

Большое собраніе такихъ-же древностей извлечено изъ могильника, открытаго въ *Шацкомъ уездѣ*, Тамбовской губ., въ с. Ново-Томниковѣ. Этотъ нетронутый могильникъ доставилъ лучшіе экземпляры Тамбовскихъ древностей. Предметы были все тѣ-же, но лучшаго исполненія, часто изъ серебра, а также изъ превосходной бронзы, покрытыя нѣжною патиною. Изъ новыхъ предметовъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить двѣ поясныя ременныя большія бляхи изъ бронзы; одна (рис. 84) для наконечника ремня или языка, длинная, съ узоромъ изъ косыхъ крестовъ, кавказскаго типа, эпохи переселенія народовъ; другой наконечникъ (рис. 85) украшенъ

прорѣзнымъ узоромъ изъ условныхъ разводовъ двухъ пальметокъ, той-же схемы, какъ въ венгерскихъ ременныхъ наборахъ VI—VIII ст. Наши бляхи также

84. Ременный язычекъ изъ Томниковскаго могильника.

сдвали могутъ относиться къ болѣе позднему, чѣмъ VIII—IX стол., времени, и потому Томниковскій могильникъ, и по тщательности своихъ издѣлій, и по типамъ, легко можетъ предшествовать Лядинскому.

85. Тоже изъ Томникова.

Гривна Томниковскаго могильника (рис. 86) убрана по лунному серпу низкою саженаго жемчуга въ имитацияхъ: въ золотыхъ оригиналахъ этихъ варварскихъ копій мастера хотѣли отблескомъ жемчуга напомнить впечатлѣнiе луннаго свѣта. Тотъ-же наборъ саженаго жемчугу передаетъ и маленькая капторга (помѣщенная въ срединѣ гривны на рисункѣ 86). Въ томъ-же могильникѣ найдены гривны и тонкія проволочныя спирали (рис. 87), обыкновенныя проволочныя капторги или калиты (рис. 88) и подвѣски. По тщательной отдѣлкѣ и архаическому типу листьевъ въ любопытна пряхка (рис. 89)

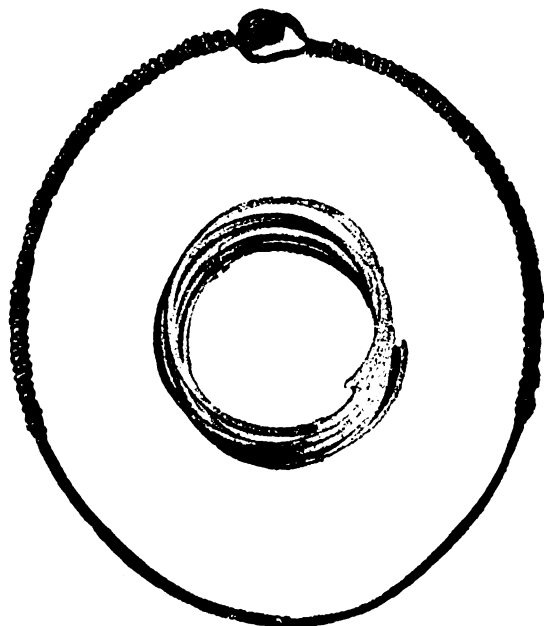

86. Гривна и калита (капторга) изъ Томникова.

съ четырьмя подвѣсными жгутами, замѣнившая описанную ранѣе четырехугольную пластину.

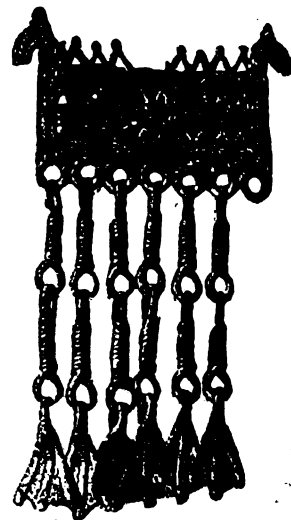
Близъ Моршанска и въ 57 вер. отъ Тамбова открыты также значительные могильники, но менѣе сохранные, причѣмъ вещи, найденныя въ нихъ, не такой тщательной работы, какъ можно видѣть изъ круглой пряжки съ подвѣсками: точнѣе говоря, это — подвѣски, только нацѣпавшіяся на одежду иглою (а не служившія для ея застегиванія), украшенною уже безъ смысла двумя конскими головками (рис. 90), какъ калиты.

Между древностями бассейновъ Оки и Волги стоятъ древности Московской губерніи, имѣющей болѣе 300 курганныхъ могильниковъ, изъ которыхъ изслѣдовано около 400 кургановъ. При мужскихъ костякахъ находили иногда только грубый горшокъ, ножикъ и пряжку; на женскихъ остовахъ почти всегда бусы изъ стекла или горнаго хрустала, изъ сердолика въ видѣ граненыхъ низокъ, шейныя бронзовыя

87. Гривна и проволочная спираль изъ Томникова.

гривны, бронзовыя, изрѣдка серебряныя браслеты, перстни, серьги, разныя подвѣски и погремущки; оригинальнымъ предметомъ являются височныя подвѣски о семи лопастяхъ, которыя находятъ около головы, иногда вплетенными въ волосы на вискахъ. Оружіе и монеты вовсе не встрѣчаются, что, однако, нельзя считать послѣдствіемъ жизни племени въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, такъ какъ въ курганахъ находятъ и бусы, и куски шелковыхъ тканей, а въ селѣ Черкизовѣ былъ найденъ нѣкогда (нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ) большой сосудъ изъ олова, весь покрытый штампованными изображеніями птицъ, звѣрей, сфинксовъ и грифоновъ, относящійся къ предметамъ восточнаго привоза. Быть можетъ, Московскіе курганы относятся къ болѣе поздней эпохѣ, когда уже не было болѣе въ обычаѣ носить ни диргемовъ, ни монетъ въ ожерельяхъ. На позднѣйшую эпоху XI—XII стол. указываютъ и самыя предметы своими производными формами. Височныя кольца часты, сдѣланы изъ бронзовой проволоки, иногда украшены нанизанными на проволоку серебряными бусами.

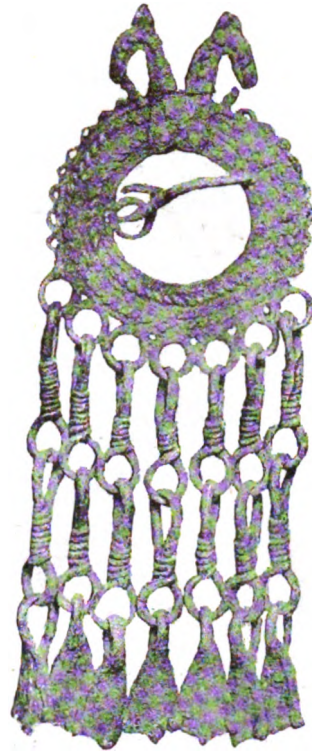

88. Калита изъ Томникова.

Серьги имѣютъ любопытную форму такъ называемаго московскаго типа, а именно кольцо большого размѣра (стало быть, это опять не серьга, а то, что называется височнымъ кольцомъ) имѣетъ внизу широкую форму калачика, но такъ расчле-

89. Пряжка изъ Томникова.

90. Пряжка Моршанскаго могильника.

неннаго, что наверху онъ образуетъ 7 лучей, а внизу лунницу о 7 лопастяхъ; которыя замѣнили прежнія гнѣзда съ камнями или жемчугомъ. Въ Коломенскомъ уѣздѣ встрѣченъ также иной, болѣе любопытный типъ, гдѣ подвѣсная часть представляетъ вазу съ узорными ручками и узкою ножкою; по бордюру все раздѣлено петельками или глазками, воспроизводящими жемчужную обнизъ. Форма (рис. 91), причудливая, утрированная и поздняя, исполнена штампомъ и рѣзбою изъ листового серебра. Шейныя гривны всегда изъ бронзы съ плетениемъ въ срединѣ—также поздняя форма.

Ожерелья изъ золоченыхъ бусъ, а также смальты, янтаря, сердолика, бисера, зеленого, голубого и желтаго; въ Богородскомъ уѣздѣ встрѣчены большія шарообразныя бусы изъ хрусталя, напоминающія кавказскія; въ ожерельяхъ

*

встрѣчаются лунницы изъ сплава и бляшки весьма неопредѣленныхъ штамповъ. Браслеты чаще пластинчатые, рѣдко витые жгутомъ и перстни изъ проволоки съ

91. Серьга изъ Коломенскаго уѣзда, Московской губ.

широкою печаткою. Пряжекъ мало, и только одинъ разъ встрѣчена круглая, съ гнѣздами для эмали, занесенная съ запада. Прежній кошель измѣнился въ подвѣску изъ пары конскихъ головокъ, несоразмѣрно большихъ, и полоски для

92. Городище.

93. Шурскало, у Ростовскаго озера.

94. Городище.

колець съ цѣпочками; иногда она имѣеть треугольную форму (на новгородскомъ нарѣчїи «кошелемъ» называется треугольная сережка), иногда рѣшеточки.

Мерянскія древности были предметомъ систематическаго изслѣдованія и продолжительныхъ раскопокъ графа А. С. Уварова, съ 1851 по 1854 годъ, въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Переславскомъ и Ростовскомъ; всего, подъ личнымъ наблюденіемъ графа Уварова и П. С. Савельева, изслѣдованы 163 мѣстности и разрыто всего 7.729 кургановъ. Археологическія разысканія,

95. Изъ Мерянскихъ кургановъ.

96. Городище, у Переславскаго озера.

направившіяся отъ Суздаля къ Ростову, съ цѣлью опредѣлить характеръ мерянскихъ могилъ на самомъ мѣстѣ первоначальнаго жительства Мери, подтвердили слова Нестора: «а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря-же». У Плещеева озера изъ общаго числа разрытыхъ кургановъ изслѣдовано 2.358 могилъ, на берегахъ Ростовскаго 353 кургана, между тѣмъ какъ остальные разбросаны по обширному пространству между Клязьмою на югѣ, Тверскою губерніею на западѣ, Угличскимъ и Ярославскимъ уѣздами на сѣверѣ, Шуйскимъ и Ков-

97. Осипова пустынь у Переславскаго озера.

98. Мерянскіе курганы.

99. Осипова пустынь.

ровскимъ на востокѣ. Но, такъ какъ раскопки, сосредоточившіяся около ядра мерянской земли, дали богатый, единственный по полнотѣ матеріалъ для изученія ея древностей, то остается невозможнымъ опредѣлить границы распространенія племени и сосѣднихъ народностей: Муромы, Мордвы, Черемисовъ и Вѣси, и въ особенности сосѣдившихъ съ Мерью на западѣ Славянъ, Кривичей и Вя-

тичей. На западной сторонѣ, по берегамъ Москвы, Клязьмы и Волги были многочисленныя поселенія, и по отсутствію естественныхъ преградъ, рано должно было произойти сліяніе пограничныхъ племенъ и ославяненіе Мерянскаго племени. На

Востокѣ мерянскія поселенія останавливаются у теченія трехъ рѣкъ: Мебри, впадающей въ Унжу, притокъ Волги, такъ какъ здѣсь былъ рубежъ сплошныхъ лѣсовъ. Напротивъ, Меряне далеко подымались вдоль рѣкъ на сѣверъ, а на югѣ сливались съ родственными народностями до предѣловъ Рязанской и Тамбовской губерній.

100. Осипова пустынь.

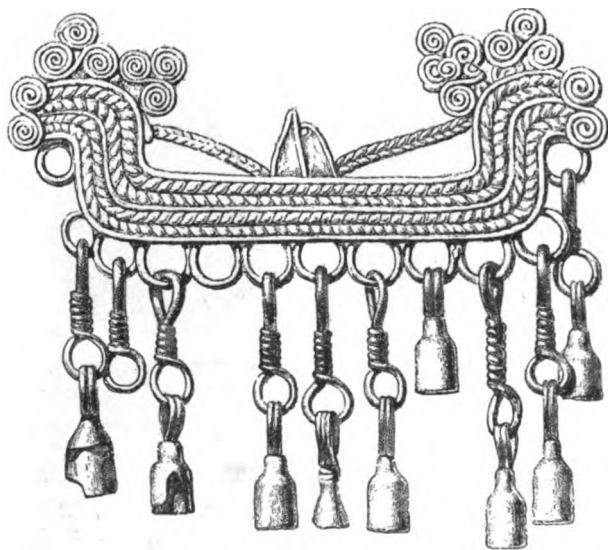
101. Васильки.

Меряне выбирали для кургановъ мѣста возвышенныя, по преимуществу холмы, и въ окрестностяхъ Переславскаго озера гора Гремячъ, близъ села *Веськова*,

вся покрыта курганами, причемъ древнѣйшія могилы съ жжеными костями были расположены на вершинѣ; позднѣйшія, съ предметами христіанской эпохи, — по ея отлогостямъ. На восточномъ берегу того-же озера гора Круглища у села Большая *Брембола*, «Княжи могилы», у с. Малая *Брембола* «Могилки» и др. съ монетами саманидскими и западными, времени отъ 905 по 1024 годъ. Лежащее по близости село *Городище* содержитъ до 1.340 кургановъ, остатки города и церкви; тутъ найдены серебряныя западныя монеты VIII вѣка. Искусственная насыпь, извѣстная подъ именемъ *Александровой*

102. Мерянскіе курганы. С. Васильки.

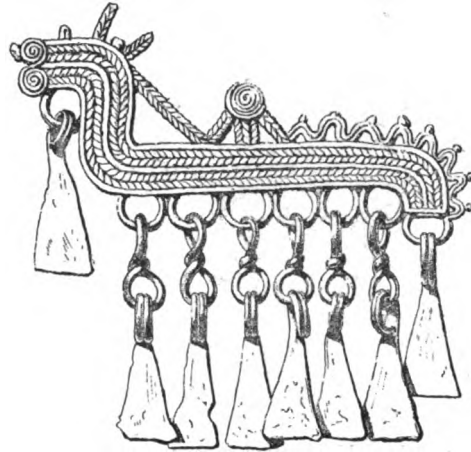

103. Изъ Мерянскихъ могилъ.

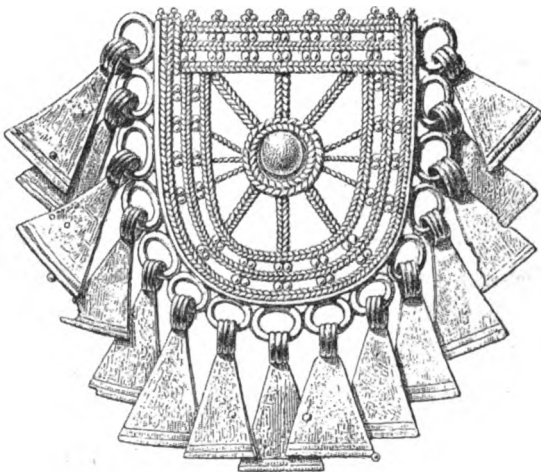
горы, глубиною болѣе пяти сажень, стоитъ вблизи *Городища*: въ ея насыпи встрѣчены монеты IX и X столѣтій въ нижнихъ слояхъ, а въ верхнихъ издѣлія существовавшего здѣсь въ XV вѣкѣ монастыря. На берегу Ростовскаго озера у села *Шурскала* курганы занимали «Красную Горку»; здѣсь обнаружены монеты X и XI вѣковъ. Въ *Городцѣ* на *Сарѣ* вырыты въ грудѣ серебряныя монеты, разрубленныя на половинки и четвертинки: сассанидскія, VIII вѣка и первой половины IX вѣка. На западъ отъ Переславскаго озера, близъ с. *Осипова Пустынь* курганы содержатъ и

восточныя, и западныя монеты X и XI вѣковъ. Къ числу древнѣйшихъ поселеній Мерянь относится и мѣстность города Владиміра на Клязьмѣ.

Меряне слѣдовали различнымъ обычаямъ, то сожигая, то погребая мертвыхъ: при сожженіи окружали покойника жизненною обстановкою; при погребеніи клали его лицомъ на Востокъ, ставили въ ногахъ горшки съ явствами, вокругъ тѣла уборы и утварь, оружіе, конскую сбрую, вѣсы и гири, иглы, ножницы, серпы, замки; тѣло убирали амулетами, подвѣсками, бляхами, перстнями, браслетами. Конскія могилы рѣдки (по двѣ и по три на нѣсколько сотъ кургановъ) и принадлежали всегда погребенію вождей. Всѣ мерянскіе курганы относятся къ языческой эпохѣ; христіанскіе кресты и образки не могутъ служить указаніемъ вѣры, такъ какъ бывають нацѣплены на мониста въ качествѣ украшеній; при крайней грубости собственныхъ издѣлій, Меряне скупали украшенія, какія только могли достать, какъ это дѣлають Мордва, Черемисы и теперь.

104. Изъ Мерянскихъ могиль.

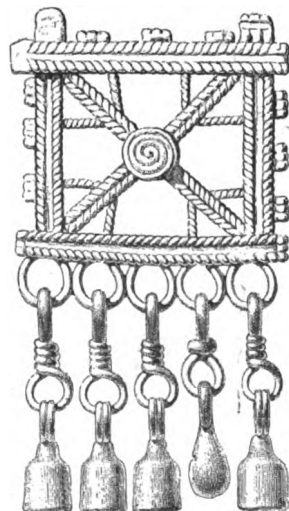

105. Мерянская подвѣска.

боу, которую знаемъ въ скандинавскихъ древностяхъ. Простые уборы и предметы утвари изъ бронзы и желѣза были изготовляемы на мѣстѣ. Всѣ дорогія ткани — парча, галуны, получались изъ Византіи чрезъ посредство Варяговъ, Кіевскихъ и Новгородскихъ торговцевъ.

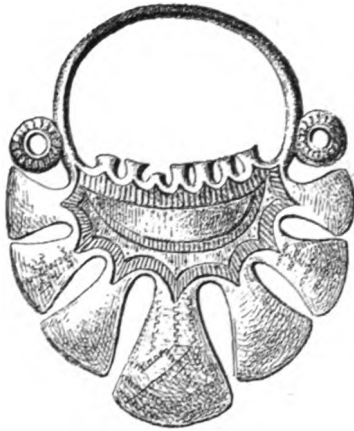
Бронзовыя и глиняныя статуэткы, найденныя здѣсь

Чужія издѣлія и монеты шли съ Востока: *бусы* и *браслеты*, изъ цвѣтного изолоченаго стекла, шли изъ Сиріи, а металлическія вещи изъ Волжскихъ Болгаръ. Съ запада и съвера получалось оружіе; съ береговъ Балтійскаго моря чашечныя фибулы и предметы убора, орнаментированные тою рѣзь-

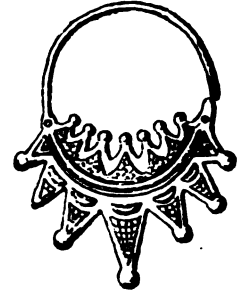

106. Тоже.

въ немногихъ экземплярахъ, могли имѣть значеніе амулетовъ, прогоняющихъ злаго духа, какъ изображенія руки, лапы, рога, находимыя въ могилахъ, или натуральные когти, клыки, зубы, янтарныя бусы въ монистахъ, тоже игравшія роль въ финскомъ сложномъ суевѣрїи. Суевѣрныя мелочи въ мерянскихъ украшеніяхъ весьма обильны.

107. Изъ Мерянскихъ могилъ.

108. Серьга изъ Мерянскихъ могилъ.

Меряне носили на головахъ, по волосамъ, ремни съ нацѣпленными на нихъ височными кольцами, серебряными и бронзовыми, до восьми у праваго виска и всегда менѣе у лѣваго; встрѣчены также серебряныя листовыя діадемы. Въ ушахъ и около ушей носили серьги, особенно въ восточной части области; онѣ состояли изъ проволочнаго кольца съ металлическими бусами; серьги были серебряныя или бронзовыя, золоченыя, очень рѣдко золотыя; главный типъ заимствованъ отъ Кїевскихъ Славянъ, а лучшіе, серебряные экземпляры, всѣ привезены изъ Кїева. Гривны изъ серебра очень рѣдки, чаще изъ бронзы, даже изъ желѣза. Въ женскихъ могилахъ встрѣчаются ожерелья и мониста, съ нацѣпленными на шнурокъ бусами, подвѣсками и монетками: какъ бѣдна была мерянская земля и незначительна торговля, видно изъ того, что даже стекляныхъ бусъ здѣсь было мало, и бусы изъ аметиста, хрустала и сердолика рѣдки; въ качествѣ украшеній, на мониста вѣшались даже извѣстныя пряслицы изъ глины и краснаго шифера, тоже добывавшіяся изъ Кїева.

109. Изъ Муромъ.

Подвѣски были отлиты или штампованы изъ серебра, но не составляютъ, собственно, мерянскихъ древностей, а относятся къ древностямъ приднѣпровскимъ (Кїева и Смоленска), судя по ихъ совершенному тождеству съ вещами Кїевскими и Гнѣздовскими. Прилагаемые здѣсь рисунки серебряныхъ подвѣсокъ, найденныхъ въ курганахъ селеній: Большая Брембола, Васильки, Осипова Пустынь, Городище, Шурскало, даютъ почти всѣ важнѣйшіе типы гнѣздовскихъ подвѣсокъ частью въ оригиналахъ изъ серебра съ настоящею сканью, частію же въ отливныхъ копіяхъ изъ дурнаго

серебра: тѣже розетки изъ двойной рубчатой скани, вѣточки съ зернами, кру-
тящіяся розетки, плетения, крины, подобіе птицы изъ зерневыхъ схемъ, лунницы.

Въ разрядъ подвѣсокъ здѣсь попадаютъ круглые образки Спаса, Богородицы, Свя-
тыхъ, соединяемые
съ другими бляш-
ками, крестами се-
ребряными, мѣдны-
ми, каменными, ян-
тарными и оловян-
ными. Напротивъ
того, крупныя на-
плечныя привѣски
(родъ фибулъ и за-
стежныхъ пряжекъ)
и поясныя, испол-
ненные изъ бронзы,
относятся почти всѣ
безъ исключенія къ
собственнымъ издѣ-
ліямъ мерянскаго

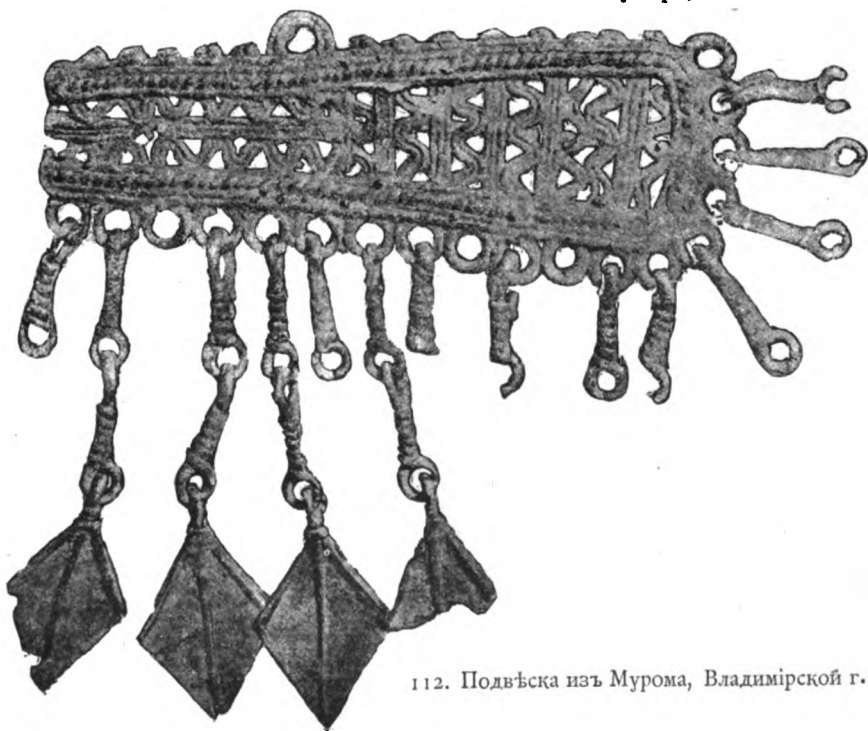
110. Московской губ., Звенигородскаго у.,
с. Боброва.

111. Изъ Тверской губ.

племени и сохра-
няютъ полную характерность тяжелаго, мас-
сивнаго убора, вообще свойственнаго тюрк-

скимъ племе-
намъ и при-
несеннаго въ
Европу сред-
не-азіатскими
кочевниками.
Таковы под-
вѣски въ ви-
дѣ треуголь-
никовъ съ цѣ-
почками и лап-
чатыми кистя-
ми, нацѣпляе-
мыя на мони-
ста, приши-
ливаемыя къ
одеждѣ на
плечахъ, угру-
ди; другія под-
вѣски имѣють

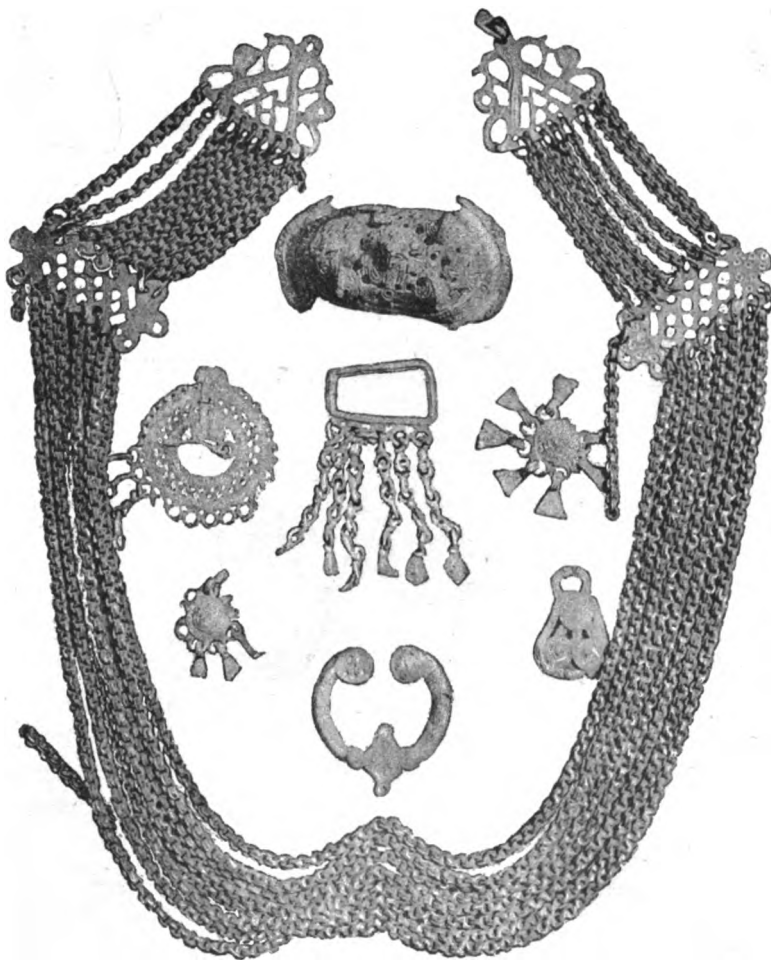

112. Подвѣска изъ Муромъ, Владимірской г.

113. Подвѣска изъ Мурома.

видъ плетеныхъ калитъ или кошелей (*каптори*), или же круглыхъ кольцообразныхъ фибулъ, съ длинными цѣпочками, растянутыми на рѣшеточку, точно также, какъ ихъ византійскіе оригиналы изъ золота и жемчуга; третьи на подобіе коньковъ и птичекъ съ цѣпочками и бубенчиками, или же лапчатыми петалами, тождественны съ пермскими вещами, а происходятъ отъ варварскихъ фибулъ V—VIII столѣтій. Пряжки въ мерянскихъ могильникахъ имѣютъ или круглую готескую форму, или позднѣйшую арабскую — четырехугольную. Арабскій типъ имѣютъ и всѣ ременныя бляшки отъ поясовъ, съ штампованными или же отлитыми въ бронзѣ рисунками, свойственными такъ называемому Арабскому

114. Историческій музей. Муромъ.

Востоку даже и доселѣ. Браслеты украшены наколомъ, рѣдко наводятся чернью, или же дѣлаются изъ свитыхъ дрововъ и скрученной проволоки; наиболѣе любопытны браслеты, носившіеся выше локтя. Уборы, громажающіе своими бубенцами, въ лучшемъ случаѣ сбитые изъ мѣдной проволоки, или же грубо отлитые, отличаются нескладностію геометрическихъ формъ. Бытовая среда Финновъ была очень характерна, благодаря жизни въ глуши и ея безпомощности, но тѣмъ бѣднѣе была она

художественными формами, даже сравнительно съ древностями тамбовскихъ могильниковъ и береговъ Оки. Не Славяне что-либо брали и заимствовали отъ Мерянъ, а Меряне брали все, что могли, у Славянъ— таково свидѣтельство сравнительнаго изученія могильниковъ, хотя Меряне были здѣсь автохтонами. Ихъ примѣръ доказываетъ извѣстную истину, что народъ, поставленный природными условіями въ полное обособленіе отъ другихъ, не развивается въ культурномъ отношеніи и приходитъ въ упадокъ. Меряне рано стали исчезать подъ напоромъ пришлаго славянскаго населенія, имѣвшаго позади себя западно-славянскую культуру. Славяне являлись здѣсь носителями этой культуры и, если принимали на первое время финнскіе обычаи, то это только способствовало быстрѣйшему поглощенію финнской національности.

Болѣе замѣчательны по художественнымъ формамъ находки Владимірской губерніи, въ Муромскомъ уѣздѣ, у Торскаго болота, въ самомъ гор. Муромѣ и дер. Малиновкѣ. Такъ, у Торскаго болота, по Успенскому оврагу и Посводской

115. Подвѣска изъ Муромскаго уѣзда.

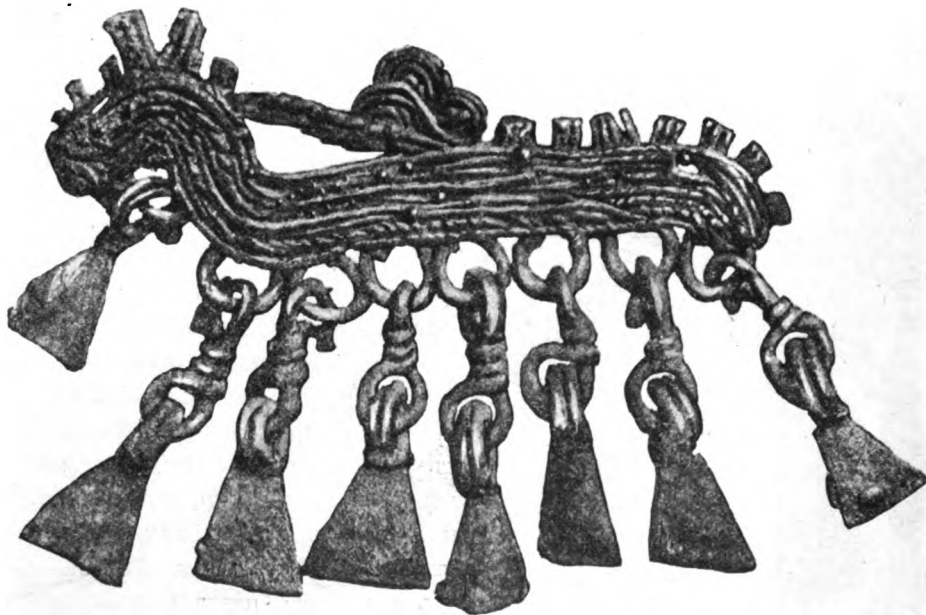
116. Владимірской губ., г. Муромъ.

горѣ у гор. Мурома, между старыми находками, есть любопытное шейное украшеніе изъ пѣпей (рис. 114), укрѣплявшееся прорѣзными треугольными бляхами на обоихъ плечахъ и пониже на груди продолговатыми бляхами. При этомъ найдены слѣдующія вещи (помѣщенные въ снимкѣ внутри рисунка 114): чашечная овальная фибула скандинавскаго типа, круглая сканная пряжка, подобная-же проволочная продолговатая, круглая выпуклая подвѣска, двѣ поменьше, массивная круглая пряжка сѣверозападнаго (*люцинскаго*) типа съ красною эмалью въ утолщенныхъ концахъ; кромѣ того, подвѣска (рис. 113) изъ пяти сканныхъ кружковъ, воспроизводящая изящныя ячейки изъ золота (съ поталами), назначавшіяся для саженаго жемчуга и найденныя между готоланскими вещами въ Ставропольской губ.

(ср. Венгерскую подвѣску, III вып. *Рус. Древ.* рис. 176 — 8), и, наконецъ, большое ажурное (подобіе скани изъ проволоки) продолговатое украшеніе въ формѣ рѣшотки съ подвѣсными колокольцами (ср. рис. 112); множество мелкихъ массивныхъ

подвѣсныхъ украшеній, изъ петель съ цѣпками, поталами, или полосокъ съ колечками; три шейныхъ обруча оказались нагруженными рядомъ тяжелыхъ спиральныхъ колець, а къ одной гривнѣ было прямо приклепана серьгообразная пластина, съ наколомъ, вѣроятно, добытая изъ Тамбова или съ береговъ Оки. Въ находкахъ дер. Малиновки уже оказалось много серебряныхъ вещей, стеклянныхъ бусъ, бронзовыхъ обручей, браслетовъ и пряжекъ, съ арабскими монетами VIII—IX столѣтій, извѣстные по тамбовскимъ могильникамъ серебряные круглые щитки (см. рис. 40 и 41), съ отверстіемъ. Любопытны серебряныя лунницы (серьги?), найденныя парюю на груди скелетовъ и украшенныя пирамидками зерни и бисерными нитями, и подобныя имъ наушныя украшенія съ привѣсками (рис. 115 и 116). Это позднѣйшее звено формы, которую мы встрѣтили въ древности въ Кавказа, Ставропольской губерніи и приволжскаго края.

Находки *Костромской* губерніи и уѣзда, добытыя въ 1893 году, не обнаружили ничего новаго и только засвидѣтельствовали скудость мѣстности въ художественномъ отношеніи. Между находками обычны височныя кольца съ ромбическими щитками, пряжечки съ завернутыми въ трубочки концами; характерны для тамбовскихъ могильниковъ всякія подвѣсныя балаболки грузнаго типа, грубыя формы ременныхъ наборовъ для пояса, уже не изъ штампованныхъ бляшекъ, серебряныхъ, позолоченныхъ, и даже не изъ бронзовыхъ массивныхъ бляшекъ, но изъ мѣдныхъ колечекъ и пластинъ. Единственная художественная форма—жгутъ

117. Подвѣсной къ поясу коникъ изъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи.

и плетеніе, а по части фигуръ—крохотныя пѣтушки и коники съ подвѣсками, и то рѣдкіе въ этомъ медвѣжьемъ углу. Въ качествѣ сережекъ—расплюсненныя проволочныя кольца и обыкновенная въ Вятскомъ краѣ сережка античнаго типа,

грубо вырѣзанная изъ листа бронзы, съ приклепанными листиками. Здѣсь-же встрѣчены подвѣски въ видѣ треугольной пирамидки изъ ячеекъ, образованныхъ спиралью и снабженныхъ цѣпочками съ петалами на концѣ.

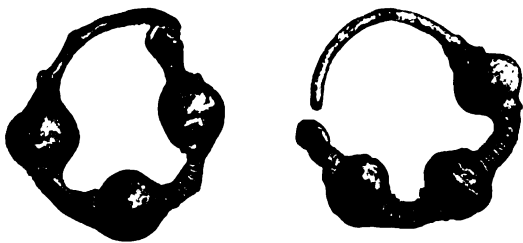
Въ 30 верстахъ отъ *Твери* вверхъ по Волгѣ найдены въ могильникѣ обычныя мелочи: височныя кольца изъ серебряной проволоки, подвѣшенные къ ожерельямъ изъ золоченыхъ бусъ, имитаціи арабскихъ диргемовъ и европейскія серебряныя монеты второй половины XI вѣка; на груди бубенчики; пояса, пряжки и перстни скудныхъ орнаментальныхъ формъ. Между подвѣсными серебряными бляшками нашлись съ изображеніемъ животнаго, тождественныя съ бляшками Калужской губ. Въ Корчевскомъ уѣздѣ раскопанъ могильникъ по р. Медвѣдицѣ у с. Посадъ: нашлись тѣ-же височныя кольца изъ серебряной проволоки, но также и пара серебряныхъ серегъ съ тремя бусами, бронзовыя гривны и ожерелья съ монетами X и начала XI вѣка; шесть западноевропейскихъ монетъ лежали въ чашечкѣ съ бронзовыми разновѣсами, на груди, за пазухою покойника, такъ какъ въ древней Россіи монету принимали на вѣсъ. Тутъ-же была лунница изъ серебра съ обычною зернью и три серебряныя бляшки съ животнымъ, изображеніе котораго находимъ и на тверскихъ монетахъ. Важенъ рядъ подвѣсокъ къ поясамъ, тождественныхъ съ мерянскими

118. Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда.

украшеніями, каковы коньки съ лапками (рис. 118), треугольныя рѣшеточки, перстни съ погремущками изъ грубаго плетенія, а самыя погремущки въ видѣ бубенцовъ съ разрѣзами, для пушлага звона. Въ курганѣ близъ дер. Хрипелево, найденъ начельникъ изъ серебряной пластинки, шейный обручъ изъ серебрянаго дрота, четыре пластинчатыхъ браслета и два серебряныхъ перстня со сканью; височныя кольца украшены иногда серебряною серьгою съ бусами.

Въ Угличкомъ уѣздѣ, *Ярославской* губ., могильникъ при дер. Вороновой доставилъ много предметовъ погребальнаго убора, но изъ 19 кургановъ интересъ представили не болѣе трехъ. Въ одномъ при женскомъ остовѣ найденъ серебряный вѣнчикъ, большое височное кольцо съ тремя малыми, на него на низанными, на лѣвомъ вискѣ кольцо съ пятью ромбиками, перстни, браслеты; серебряная бляшка съ узоромъ изъ крестиковъ. Въ другомъ курганѣ была пара «московскихъ» серегъ. У дер. Кирьяковой на берегу Волги раскопано 55 кургановъ; проволочныя

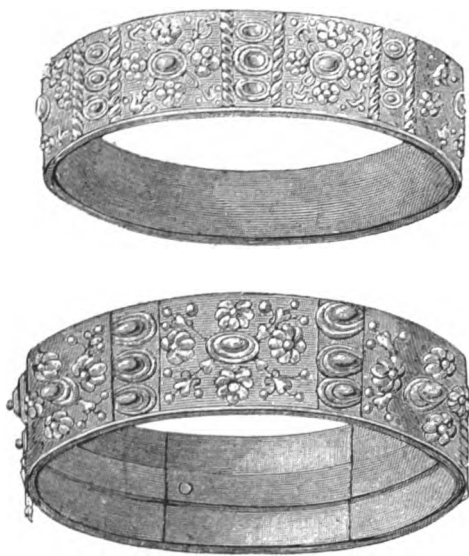

119. Пара серегъ изъ Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

кольца на вискахъ найдены продѣтыми въ кожу (отъ мѣховоѣ шапки?), бронзовыя гривны, литыя браслеты съ грубыми наглавниками въ видѣ головы животнаго, перстни съ вырѣзанными кружочками; бронзовая пряжка подражаетъ эмальированнымъ фибуламъ; вѣнчикъ изъ серебряной ленты, образки и крестикъ бронзовыя. У деревни Жуково въ 50 курганахъ находимы были англо-саксонскія монеты и арабскіе диргемы X—XI столѣтій; изъ вещей — серебряный вѣнчикъ, круглая пряжка изъ бронзы съ подвѣсками, также изъ проволоки. Въ Мышкинскомъ уѣздѣ близъ села Кривецъ, въ Рыбинскомъ уѣздѣ близъ дер. Юрьево, кромѣ височныхъ колецъ изъ проволоки попадаетъ больше подвѣсныхъ бляшекъ. Встрѣчаются подражанія подвѣскамъ въ видѣ ячеекъ съ лапчатыми цѣпочками, въ видѣ птички съ цѣпочками и даже гиппокампа (рис. 118), пряжки Люцинскаго типа, серебряныя бусы, сережки (рис. 119). Курганы по р. Сити, Мологѣ и Себлѣ, съ монетами конца X и начала XI вѣка и бусы; лучшія вещи зашли сюда случайно.

Въ Нижегородской губ., того-же уѣзда, могильникъ близъ деревни Малое Терюшево доставилъ довольно большое количество вещей, сходныхъ съ могильниками Ярославскими и приволжскими: таковы круглыя плетенныя пряжки, поясные

грубые наборы. Тутъ-же найдена, однако, кривая сабля и бронзовая подвѣска въ видѣ мусульманскаго амулета изъ трубочки для вложенія листка корана. Серебряныя ажурныя пряжки и серьги съ гладкими бусами изъ Нижегородской губ. имѣютъ тѣсную связь съ уборами монголовъ или Средней Азіи. Въ Сергачскомъ уѣздѣ, въ с. Гагинѣ, въ 1894 году обнаруженъ прямо Мордовскій могильникъ XIV стол.: здѣсь найдены серебряныя пряжечки, проволочныя трубочки отъ косъ, серебряныя, но узкія пластинчатые браслеты, а также браслеты восточныя, витыя жгутами, съ наглавниками, въ которыхъ вставлены стекла; наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить обиліе серебряныхъ «сюльгамовъ», т. е. колечекъ съ двумя лопастями (рис. 136); все это сообщаетъ своеобразную физиономію древностямъ. Общимъ съ древнею Русью являются развѣ мѣдныя

120. Золотыя обручи, найденныя въ Казанской губ.

поясные наборы, бусы изъ сердолика, хрусталя и серебра, перстни со сканными украшеніями, — подобіями печатокъ, подѣленныхъ, какъ щитокъ, накрестъ.

Развалины знаменитой столицы Волжскихъ булгаръ на Волгѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ. (село Успенское) представляютъ нынѣ груды камня, разбивавшагося прежде окрестными жителями на постройки, какъ разобраны остатки другого булгарскаго города — Биляра въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Но, несмотря на

непрестанные поиски жителей, находка монетъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и изрѣдка золотыхъ, металлической утвари, перстней, сѣрегъ, металлическихъ зеркалъ, стеклянныхъ, глиняныхъ и каменныхъ издѣлій не прекращается. Подобныя-же древности попадаютъ и далѣе въ Спасскомъ уѣздѣ, близъ дер. Тенишевки и Измери, а также въ уѣздахъ Тетюшскомъ, Лаишевскомъ и др. Уже Петръ Великій жалѣлъ о постепенномъ разрушеніи и исчезновеніи остатковъ славнаго города и дѣлалъ распоряженія о поддержаніи его памятниковъ. Городъ былъ обширенъ,

121. Желѣзная (Лангобардская) корона.

но дома были деревянные и мѣнялись жителями лѣтомъ на войлочные юрты; были тамъ большія мечети съ училищами и ханы. Многіе памятники его относятся еще къ эпохѣ до 968 года, когда городъ было разоренъ Русскими; онъ продолжалъ существовать до XIII вѣка, когда все царство было завоевано Монголами; къ эпохѣ монгольскаго владычества относятъ и время построения каменныхъ зданій, нынѣ представляющихъ собою развалины. Монеты чеканились въ Болгарѣ, съ Батя или Берки, т. е. съ 1250-хъ годовъ до середины XV вѣка.

Самую замѣчательною находкою Казанской губ. является пара великолѣпныхъ обручей изъ золота съ драгоценными камнями, найденныхъ въ прошломъ вѣкѣ и нынѣ безслѣдно пропавшихъ, но своевременно, къ счастью, зарисованныхъ. Вещи эти имѣютъ значеніе непреложнаго свидѣтельства былыхъ богатствъ Приволжья въ періодъ IX—XII ст. Эта пара обручей (рис. 120), также какъ и такъ наз. Желѣзная или Лангобардская корона Италии (рис. 121) были *обтѣными вѣнцами*, жертвованными въ церкви, для подвѣшиванія въ алтарѣ, на киворіи. Такой памятникъ

служить достойнымъ и непосредственнымъ продолженіемъ драгоцѣнныхъ сассанидскихъ древностей Пермской губерніи, а предлагаемые здѣсь рисунки приволжскихъ коронъ и Желѣзной Короны (рис. 120 и 121) ясно показываютъ ихъ тождество, художественное и техническое.

122. Капторга изъ Спасска, Казанской губ.; находка 1869 г.

Къ древностямъ X вѣка относится кладъ, найденный въ 1869 году, близъ Великихъ Болгаръ, въ Спасскомъ уѣздѣ: въ кладѣ было 48 серебряныхъ слитковъ (рис. 125) и одна кувическая монета; затѣмъ, пять серебряныхъ браслетовъ, изъ скрученныхъ дрововъ (рис. 128), причѣмъ гнѣзда на концахъ ихъ украшены сердоликами. Пара золотыхъ кольчатыхъ серегъ съ насаженными

на проволоку тремя желудями (рис. 126) из листового золота, к которым еще подвешены цѣпочки съ листьями; тутъ-же была пара серебряныхъ серегъ и

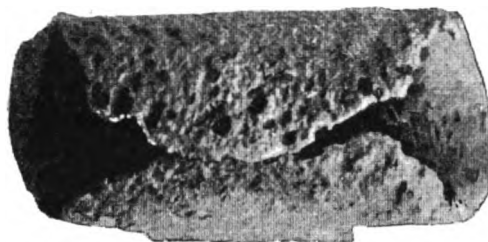

124. Ушная подвѣска изъ Спасска.

одна серьга изъ золота, богато украшенная (рис. 124) сканными бусами, съ фигуркою птицы по срединѣ; фигурка исполнена вся изъ скани, съ ягодкою въ клювѣ. Большое монисто изъ золотыхъ желудей и тонкихъ бляшекъ (рис. 129 и 130), три серебряныхъ перстня, одинъ съ печаткою въ видѣ пальметки (рис. 123) и, наконецъ, коробочка или капторга изъ серебра, (рис. 122) съ орнаментами и чернью, и арабскою надписью въ срединѣ. Подобная

123. Перстень изъ Спасска.

125. Слитокъ изъ Спасска.

изображенной на рис. 124 серьга съ птицею найдена въ Билярскѣ, другая пара въ Перми. Великолѣпное монисто изъ собранія графа Л. А. Перовскаго состоитъ изъ 26 серебряныхъ бусъ и 8 монетъ: трехъ саманидскихъ 912—951 гг. и пяти болгарскихъ поддѣлокъ. Въ Болгарахъ находятъ серьги въ видѣ лунницы, причемъ шитокъ богато украшенъ, а ободокъ воспроизводитъ сажженный жемчугъ (см. рисунокъ 132). Браслеты имѣютъ видъ узкаго пластинчататаго наруча съ наглавниками въ видѣ головы животного, иногда

126. Серьга изъ Спасска, Каз. г.

127. Браслетъ изъ Спасска.

бываютъ витые изъ серебряной проволоки; есть серьги (рис. 134) звѣздчатого типа, оригиналь «половецкихъ» серегъ, и серьги кievскаго образца (рис. 133).

128. Браслетъ изъ Спасска, Казанской губ.

Въ Сызранскомъ уѣздѣ, *Симбирской* губ., рядъ находокъ открывается повтореніемъ болгарскихъ типовъ: серебряныхъ перстней со сканной розеткою, чернью, пластинчатыхъ браслетовъ, серебряныхъ скульгамовъ; оригинальный уборъ жен-

129. Монисто изъ Спасска, Казанской губ.; находка 1869 года.

130. Тоже.

скихъ костей, продѣтыхъ каждая въ деревянные втулки или футляры, съ бронзовыми кольцами, встрѣченъ въ Муранскомъ могильникѣ. Серебряныя монеты, здѣсь найденныя, чеканены въ Сараѣ и Болгарахъ въ XIV столѣтіи.

Въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ открытъ обильный могильникъ позднѣйшей эпохи у села Муранки: здѣсь найдено множество сьюлгамовъ (рис. 136), серебряныя подвѣсныя лунницы (рис. 135); ременные наборы, судя по типамъ, переходятъ, по времени изготовленія, въ періодъ восточныхъ вліяній, установившихся съ эпохи

131. Серега изъ сел. Кайбалы, Самарской губ.

132. Серега изъ Болгарь.

монгольскаго нашествія. Большіе Мордовскіе могильники Пензенской губерніи, у с. Зыбкина, относятся уже къ XVI и XVII вѣкамъ.

Вятская и Пермская область извѣстны обильными находками шейныхъ обручей или гривенъ изъ серебра, свитыхъ изъ трехъ дровъ. вмѣстѣ съ гривнами выпаваются на поляхъ и пластинчатые браслеты, изъ узенькой серебряной полоски, со схемою лошадиной головы на концѣ. Особенно извѣстенъ множе-

ствомъ находокъ Глазовскій уѣздъ (рис. 137 и 138).

Въ Пермской губ., въ с. Верейно, при распашкѣ, найденъ въ 1884 г. богатый кладъ, чрезвычайно близкій къ Болгарскому 1869 г.: здѣсь на шейной цѣпочкѣ оказалась такая-же серебряная *капторга*, другая цѣпь съ большими бусинами, булавка съ бусою, три пластинчатыхъ браслета съ схе-

133. Серега изъ развалинъ Болгарь.

134. Серега изъ Болгарь.

матическимъ орнаментомъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, кромѣ обычныхъ гривенъ, найдена пара серебряныхъ подвѣсокъ въ формѣ треугольника съ привѣшенными гирьками, тождественныхъ съ подвѣсками изъ средней Россіи, серебряныя кольца и аквамаринъ отъ перстня съ изображеніемъ идущаго льва. Въ Пермскомъ собраніи проф. С. В. Ешевскаго есть треугольная подвѣсная калита съ двумя лоша-

диными головками и бубенцами; имъ-же собраны многія вещи изъ Великихъ Болгаръ: рядъ зеркаль изъ бѣлаго сплава, замочки въ видѣ лошадей и иныхъ животныхъ, украшенные кружками или ячейками и распостраненные отъ Волги до Днѣпра и Херсонеса; наконецъ, даже каменныя формы для отливки пряжекъ и поясныхъ ремней.

135. Лунница изъ с. Губина, Симбирской губ., Сызранскаго уѣзда.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., раскопки 1894 г. дали обычныя восточныя вещи: чашки изъ серебрянаго листа, гривенку, ожерелье изъ бронзовыхъ бусъ, бронзовыя подвѣски и перстень съ печаткою, въ видѣ пуговицы, усаженной зернью. Изъ другой могилы происходятъ: поясной наборъ изъ бѣлаго сплава, множество трубочекъ изъ такого-же сплава,

136. Сюльгамъ изъ могильника Муранки.

бусы сердоликовыя, желтыя и синія изъ стекла, и даже съ кусочками такъ называем. millefiori. Встрѣчаются сережки въ видѣ плоской лунницы древнѣйшаго типа, ажурныя круглыя бляхи, плечевыя бляхи въ видѣ двуглавыхъ кониковъ.

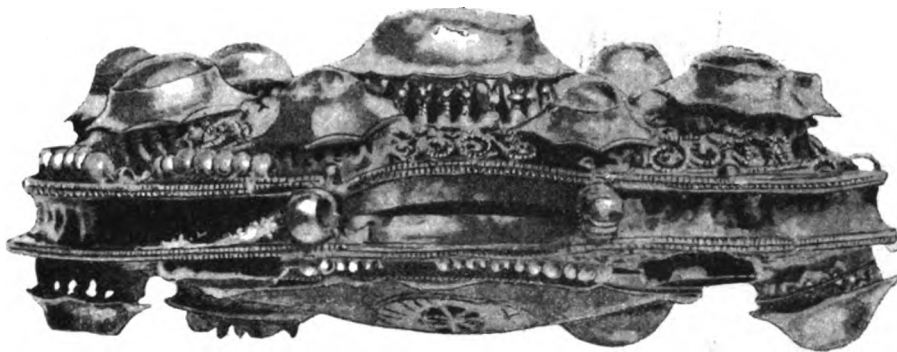
137. Калита изъ Вятскихъ находокъ.

Есть кольца, тождественныя съ аланскими древностями Кавказскаго предгорья. Одна прорѣзная бляха представляетъ наиболѣе ясный образецъ таинственнаго символа, который въ худыхъ копьяхъ совершенно непонятенъ. Здѣсь представлена птица, въ видѣ совы; голова ея сдѣлана en face и массивно отлита, крылья распущены; тѣло образуетъ человѣческую голову на двухъ ногахъ; стало быть, здѣсь представлено, какъ птица уноситъ чело-вѣка; внизу, у ногъ ящеръ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ легендарнымъ Александромъ, уносимымъ орломъ къ солнцу (ср. рисунки 16 — 17), но впослѣдствіе, двѣ лишнія ноги были передѣ-

138. Бронзовая пряжка изъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губ.

ланы, благодаря ящеру, въ двухъ драконовъ, тянущихся къ ушамъ чело-вѣка. Здѣсь-же найдены бронзовыя капторги на цѣпи и съ цѣпочками, круглыя, вкладныя трубочки съ птицами, прорѣзная бляшка съ идущимъ чело-вѣкомъ, подвѣски въ видѣ барановъ, и т. д.

139. Видъ медальона Рязанскаго клада 1822 года сверху, въ профиль.

Непосредственнымъ продолженіемъ во времени и дополненіемъ къ курганнымъ древностямъ со стороны художественныхъ формъ являются многочисленные клады предметовъ великокняжескаго періода.

Знаменитый кладъ золотыхъ предметовъ, извѣстный подъ именемъ *Рязанскихъ бармъ*, найденъ въ 1822 году на землѣ Старой Рязани.

Рязанскій кладъ представляетъ *одинадцать* круглыхъ бляхъ, число слишкомъ большое, для того, чтобы составлять одинъ нагрудный уборъ: различныя формы этихъ бляхъ требуютъ отличать три подбора или серіи.

Первый подборъ состоитъ изъ пары большихъ дугихъ и круглыхъ подвѣсныхъ *колтовъ* (рис. 139 и 141), устройства тождественнаго съ полыми кievскими сережными подвѣсками, но превосходящихъ почти втрое своими размѣрами эти кievскія эмальированныя серьги.

Обѣ подвѣски состоятъ изъ пары золотыхъ пластинокъ, спаянныхъ при помощи обода, расширяющагося кверху; тамъ, гдѣ имѣется лунообразная выемка, по бокамъ, сохранилась пара скобочекъ для жемчужной обниси. Подвѣски богато украшены камнями, эмалью и сканью и вѣсятъ почти по фунту каждая.

Лицевая сторона этихъ двухъ подвѣсокъ (рис. 141) составлена изъ двухъ накладныхъ пластинъ; середина представляетъ особо вправленный кружокъ, на которомъ исполнено эмалью изображеніе

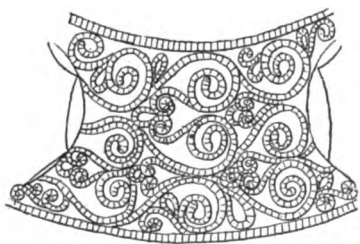
140. Изображеніе князя-мученика на медальонѣ.

святаго князя, на двухъ медальонахъ, вѣроятно, — четы св. Бориса и Глѣба, юныхъ и безбородыхъ, въ шапкѣ съ соболіною опушкою и лилово-коричневымъ вер-

141. Большой медальонъ (одинъ изъ пары) Рязанскаго клада.

хомъ, съ темнокаштановыми волосами въ кудряхъ, въ синемъ плащѣ съ бѣлыми кружочками, въ которыхъ вписаны лилейныя почки и крести, и въ пурпурномъ исподѣ. Голова князя заключена въ бирюзовый нимбъ съ пурпурнымъ ободкомъ. По сторонамъ святаго эмблемы: два крина, процвѣтшіе въ пустынь (рис. 140).

142. Скань медальоновъ въ нѣсколько увеличенномъ видѣ.

Кругомъ образка — жемчужная обнизъ; кайма украшена сканью и камнями въ гнѣздахъ, приподнятыхъ надъ поверхностью. Важное обстоятельство представляется разницею въ скани двухъ сторонъ: на лицевой сторонѣ «колтовъ» скань плоская и тонкая; на оборотной

сторонѣ она составлена вся изъ толстыхъ скрученныхъ жгутиковъ, причемъ она выпуклая и украшена камнями. Эмаль представляетъ всѣ признаки русской работы.

Три большихъ (рисунки 143, 144 и 145) круглыхъ медальона того-же клада, въ видѣ плоскихъ щитковъ, составлены изъ выпуклой пластинки и широкой оправы. Эмали отличаются сла-

бѣйшею и болѣе грубою техникою; медальоны вмѣстѣ составляютъ одинъ наборъ украшеній и, повидимому, работы не одного мастера, такъ какъ эмалевая

живопись медальоновъ различной фактуры. На главномъ медальонѣ (рис. 143) представлена Богородица впрямь, въ молитвенномъ положеніи, съ поднятыми руками, облаченная въ темно - синюю

143—145. Три медальона Рязанскаго клада 1822 года.

фелонь и голубой хитонъ. Эмаль отлично сохранилась, тѣло не розоваго или вишневаго цвѣта, а настоящаго тѣлеснаго, съ прозрачнымъ восковымъ отгѣнкомъ.

Скань русскаго типа, но византійскаго рисунка. *Второй* медальонъ (рис. 144) — съ изображеніемъ Св. Ирины, причемъ надпись грубо смѣшиваетъ русскія буквы съ греческими. Здѣсь эмаль такъ перемѣнила свои цвѣта, что только сравненіемъ съ образомъ св. Варвары можно возстановить для нимба и фелони голубой цвѣтъ, для хитона бирюзовый; цвѣта эти поблекли почти до неузнаваемости. Мученица держитъ въ рукѣ красный крестъ. *Третій* медальонъ съ изображеніемъ св. Варвары (рис. 145), голова которой покрыта полосатымъ шелковымъ чепцомъ. По всему судя, оба образка *мѣстной, рязанской* работы.

146. Образокъ Рязанскаго клада.

Образокъ-тѣльничъ (рис. 146) съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія — *чисто византійской* работы. Этотъ образокъ оправленъ, подобно прочимъ медальонамъ, въ бордюръ той-же работы, что серія 6 медальоновъ, описываемыхъ ниже, и потому очевидно, что эмалевая бляшка досталась покупкой и уже въ русскихъ рукахъ стала тѣльнымъ образкомъ; но любопытно, что работа сканныхъ украшеній, оставаясь прежняго типа, отличается здѣсь рѣдкимъ совершенствомъ и необылаю тонкостью, ясно показывая, до чего могла достигать ловкость русскихъ мастеровъ. Образокъ Распятія принадлежитъ къ иконографическому типу, господствовавшему въ первой половинѣ XII вѣка и оставившему много мелкихъ изображеній въ миниатюрахъ, образкахъ и эмаляхъ, хотя композиція этого типа отличается монументальностью, чертами *образа* или *иконы* Распятія. Спаситель представленъ здѣсь на большомъ крестѣ, который, будучи утверждёнъ на скалѣ Голгофы, имѣетъ подножіе, длинныя перекрестья и дощечку съ написаніемъ, по сторонамъ которой видны въ небѣ солнце и луна и двѣ полуфигуры летящихъ ангеловъ, а внизу — фигуры въ ростъ Богоматери и Иоанна Богослова.

Цвѣта эмали отличаются зеркальностью шлифовки, и не остается сомнѣній въ томъ, что образокъ Распятія принадлежитъ къ издѣліямъ Константинополя, тогда какъ другіе образки того-же клада, обнаруживая полнымъ измѣненіемъ почти всѣхъ эмалевыхъ красокъ свое русское происхожденіе, приобрѣтаютъ за-то значеніе, какъ народныя попытки техническаго искусства.

Цвѣта эмали отличаются зеркальностью шлифовки, и не остается сомнѣній въ томъ, что образокъ Распятія принадлежитъ къ издѣліямъ Константинополя, тогда какъ другіе образки того-же клада, обнаруживая полнымъ измѣненіемъ почти всѣхъ эмалевыхъ красокъ свое русское происхожденіе, приобрѣтаютъ за-то значеніе, какъ народныя попытки технического искусства.

Скань во всѣхъ медальонахъ не только наложена прямо на золотой листъ, но также и сверху нижней скани припаяна еще скань, иногда въ три слоя.

Мы находимъ въ Рязанскомъ кладѣ еще одинъ эмалевый образокъ-тѣльничъ въ оправѣ грубой работы. Образокъ долженъ представлять Дѣву Марію, съ молитвенно поднятыми руками. Русская работа несомнѣнна.

Серія шести медальоновъ (рис. 147) Рязанскаго клада имѣетъ только декоративное значеніе. Эти кружки, плоскіе на исподи, приспособленные къ ношенію на шнуркѣ, и украшенные только съ лица камнями и сканью, представляютъ собою своего рода бармы. Весь шитокъ покрытъ сканью изъ положенныхъ на

ребро ленточекъ, гнѣзда камней укрѣплены поверху скани, и потому камни получаютъ свѣтъ снизу. Въ срединѣ медальона помѣщается обыкновенно большая

147. Одинъ медальонъ изъ серіи шести, Рязанскаго клада.

вениса, или аметистъ, яхонтъ; вокругъ, на каждомъ медальонѣ до 33 камней.

Именно къ уборамъ изъ подвѣсныхъ медальоновъ относятся и *одинадцать* золотыхъ, ажурныхъ, дутыхъ бусинъ (рис. 148), которыя носились вмѣстѣ съ медальонами.

Наконецъ, въ кладѣ оказалось много мелкихъ вещей личного убора и украшенія, всякаго рода нашивныя бляшки изъ золота. Здѣсь-же найдены: женскій браслетъ (рис. 149) изъ искусно плетеной золотой проволоки и пара перстней изъ дутаго золота, съ камнями въ гнѣздахъ (рис. 150).

Кіевскій кладъ 1824 года представляетъ собою знаменитый примѣръ исчезновенія драгоценныхъ предме-

148. Буса изъ Рязанскаго клада 1822 года.

товъ древности. Исторія находки передается такъ: «1824 года, Мая 25 дня, въ день праздника Святаго Духа, по утру, мѣщанинъ Кіевскій Василій Хашевскій, идучи изъ Кіево-Подола на гору стараго Кіева тропинкою, прямо къ Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинкѣ возлѣ ограды монастыря, наступилъ на выпуклый, изъ впадины обнажившійся, красный кирпичъ, отъ натиска его

149. Браслетъ Рязанскаго клада.

проломленный, и увидѣлъ, что то былъ горшокъ, разломилъ его крышку и, усмотрѣвъ тамъ блистающее серебро, вынулъ оное въ платокъ. Но замѣтивъ между вещами церковныя, немедленно представилъ сію находку въ городскую Полицейскую часть къ приставу и потомъ къ полицеймейстеру, а сей, пересмотрѣвъ у себя вещи, и доведя до свѣдѣнія г. губернатора, препроводилъ оныя для описанія къ извѣстному въ Кіевѣ любителю древностей М. Э. Берлинскому, приказавъ вырыть и самый горшокъ, въ коемъ лежали сіи древности». Знаменитый митрополитъ Евгеній опубликовалъ о немъ сообщеніе въ 1826 году.

Съ 1826 года всякія извѣстія объ этомъ кладѣ прекращаются, кладъ исчезаетъ безслѣдно.

Какъ ни мало можно извлечь изъ жалкихъ снимковъ (рис. 151 и 152), которые остались для нашего изученія взамѣнъ чудныхъ оригиналовъ, тѣмъ не менѣе, первый кладъ, найденный въ Кіевѣ, «на Борисовомъ взвозѣ», заслуживаетъ вниманія, по своей замѣчательной *характерности*.

Главнымъ предметомъ представляется серебряный потиръ (рис. 151), украшенный четырьмя медальонами, съ изображеніями погрудь: Иисуса Христа, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Іоанна Златоуста съ Евангеліемъ въ рукѣ. Если вѣрить рисунку, мы имѣемъ передъ собою, явно, русскую работу по византійскому образцу и должны считать этотъ пропавшій потиръ древнѣйшимъ русскимъ чеканнымъ издѣліемъ.

Второй предметъ клада — одинаковаго характера серебряный дискосъ съ изображеніемъ въ серединѣ Божіей Матери того-же типа.

Особенно замѣчательны оказавшіеся въ кладѣ два золотыхъ медальона (рис. 152), изъ которыхъ большой — съ изображеніемъ Спасителя. Рисунокъ передаетъ достаточно точно характеръ украшеній и стиль этого рѣдкаго памятника. Изображеніе Спасителя, судя по этому рисунку, отличалось превосходною работою и строгимъ византійскимъ типомъ: Спаситель благословляетъ сложе-

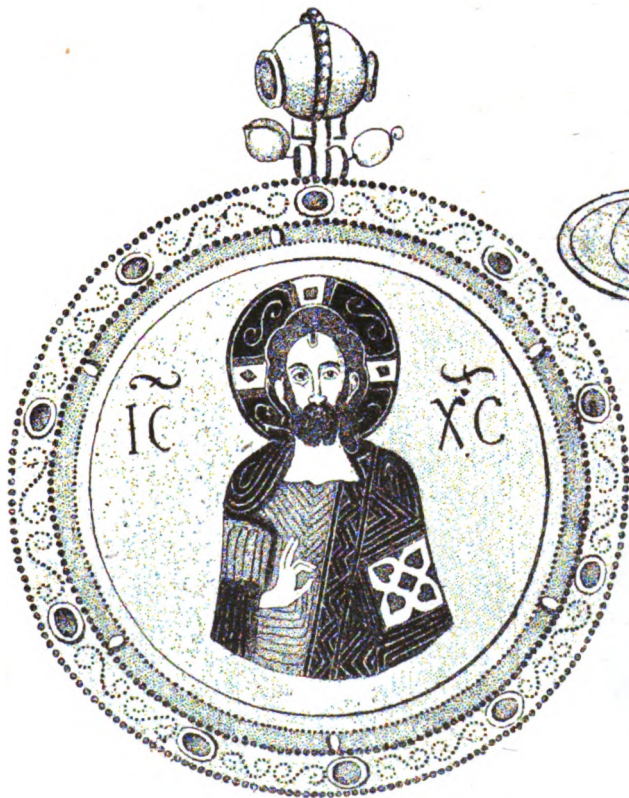
150. Перстень въ профилѣ, оттуда-же.

ніемъ трехъ перстовъ, а въ лѣвой рукѣ, прикрытой гиматіемъ, поддерживаетъ Евангеліе. Найденныя въ этомъ-же кладѣ двѣ пары золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ, — съ эмалевыми изображеніями грифона и геральдическихъ «птицей», тоже обращаютъ на себя вниманіе: очевидно, обѣ фигуры имѣютъ значеніе талисмановъ.

Въ 1846 г. въ Кіевѣ, около фундаментовъ и на погостѣ древней Десятинной церкви, найдены весьма разнообразныя и многочисленныя древности, къ сожалѣнію, частію разошедшіяся по рукамъ и по разнымъ собраніямъ. Важнѣйшую находку составляетъ золотая *цѣпь* съ эмалевыми изображеніями птицъ,

151. Потиръ изъ Кіевскаго клада 1824 г.

152. Изъ Кіевскаго клада 1824 г.

поступившая въ музей графа А. С. Уварова въ Порѣччи.

Въ 1827 году въ Кіевѣ, на Львовской улицѣ, въ домѣ Августиновича, въ Старомъ Городѣ, при копаніи погреба, найдены въ мѣдномъ котелкѣ золотыя вещи: цѣпь изъ 23 полыхъ внутри бляхъ, двѣ сережныя подвѣски (рис. 153 и 154) и одиннадцать скобочекъ.

Золотой медальонъ (рис. 155) съ эмалевымъ погруднымъ изображеніемъ Спасителя съ Евангеліемъ въ рукахъ, найденный на старомъ Кіевѣ въ 1838 году, не

153. Лицевая сторона серьги Кіевской находки 1827 г.

болѣе, какъ эмалевая пластинка, снятая съ оклада или креста, но послужившая затѣмъ тѣльникомъ. Она замѣчательна по тонкому исполненію эмали лучшаго времени, XI или первой половины XII

154. Обратная сторона серьги находки 1827 г.

вѣка, хотя цвѣта эмали сильно измѣнились, а Христосъ облеченъ уже въ лиловый (пурпурный) гиматій и бирюзовый хитонъ (позднѣйшій, въ эмалевой техникѣ, цвѣтъ). Ликъ Христа сохранилъ еще въ темно-каштановыхъ волосахъ и въ округлости головы древній типъ, но широта плечъ выдаетъ обычную уже для мозаикъ XI—XII вѣка композицію. Во всякомъ, однако, случаѣ, медальонъ этотъ есть *византійское* произведение.

155. Эмалевый образецъ Кіевской находки 1838 г.

Въ 1850 году въ Черниговѣ найденъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ вещей: сер. браслеты въ видѣ эмѣи, серебряный перстень, двѣ золотыхъ сережныхъ подвѣски съ эмалевыми украшеніями и лучевыми коймами (такъ наз. черниговскаго типа). На лицевой сторонѣ одной изъ подвѣсокъ въ эмалевомъ полукругѣ представлены двѣ

156. Серьга-колтъ Владимірскаго клада 1865 года.

птички по сторонамъ кружка съ лилією; на оборотѣ — лилія или кринь. На другой подвѣскѣ съ лицевой стороны эмалью исполненъ только кружочекъ.

Владимірскій кладъ, открытый въ 1865 году, важенъ благодаря парѣ найденныхъ въ немъ подвѣсныхъ колодочекъ, украшенныхъ эмалью (рис. 156).

157. Изъ Владимірскаго клада 1865 г.

Послѣ кіевскихъ серегъ этого типа, владимірскій экземпляръ кажется неуклюжимъ, аляповатымъ: колты имѣютъ особенную толщину, ихъ форма расплывчатаго овала, съ сильною выпуклостью, представляетъ варварскую утрировку. Но когда мы обращаемся къ эмалямъ Владимірскихъ колтовъ, для насъ разомъ выступаетъ ихъ первоклассная важность: эти эмали тождественной фактуры съ эмалями Рязанскаго клада 1822 г. и потому являются, очевидно, художественными издѣліями не Кіевской Руси, но сѣверныхъ мастерскихъ Муромо-Рязанской области или Суздальской.

158. Тоже.

Характеръ рисунка, особая типичность фигуръ и ли-

ковъ обращаетъ на себя вниманіе сходствомъ съ Рязанскими эмалями и окладомъ Мстиславова Евангелія, эмалевые кіотцы котораго съ изображеніями мучениковъ исполнены, по всей вѣроятности, въ Новгородѣ. Значитъ, даже въ такомъ технически-трудномъ, даже механическомъ искусствѣ, каковы эмали, исполнявшіяся при помощи перегородокъ, существуетъ стильный пошибъ опредѣленнаго характера.

На владимірскихъ серьгахъ изображены эмалью два святыхъ мученика, скорѣе всего — Св. Дмитрій и Св. Георгій (а не Борисъ и Глѣбъ); поэтому они представлены въ свѣтлопепельныхъ хитонахъ и синихъ мантияхъ, держащими у груди кресты, а не въ княжескихъ одеждахъ; оба лика совершенно тождественны, чего не допустилъ бы греческій мастеръ.

Тамъ-же найдены (рис. 157) обломки трехъ медальоновъ или круглыхъ гривенъ изъ позолоченнаго серебра и при нихъ шесть кусковъ дутыхъ серебряныхъ золоченыхъ бусъ — все, что осталось отъ княжескаго нагруднаго убора; не будь сохранившейся фигуры Архангела, въ этихъ кускахъ не было бы даже интереса. Фигуры архангеловъ исполнены на медальонахъ въ качествѣ обычныхъ профилактическихъ эмблемъ для нагруднаго убора полководца.

159. Изъ Владимірскаго клада 1865 г.

160. Изъ Рязанскаго клада 1868 г.

пара четвероконечныхъ крестиковъ изъ серпентина, лишенныхъ оправы (рис. 159), которая, несомнѣнно, была золотою или серебряною.

Въ Старой Рязани, въ 1868 году былъ найденъ при распаханіи земли кладъ серебряныхъ вещей, важный вслѣдствіе входившихъ въ его составъ пяти серебряныхъ круглыхъ медальоновъ: большаго съ изображеніемъ креста на разводахъ, двухъ меньшихъ съ погрудными фигурами

Спаса благословляющаго (рис. 160) и Богородицы, и двухъ малыхъ съ крестами (рис. 161). Въ томъ-же кладѣ были найдены: пара серебряныхъ подвѣсокъ (рис. 162) изъ конусообразной вотолки, украшенной зернью городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются ажурные наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и

161. Гривна Рязанскаго клада 1868 года.

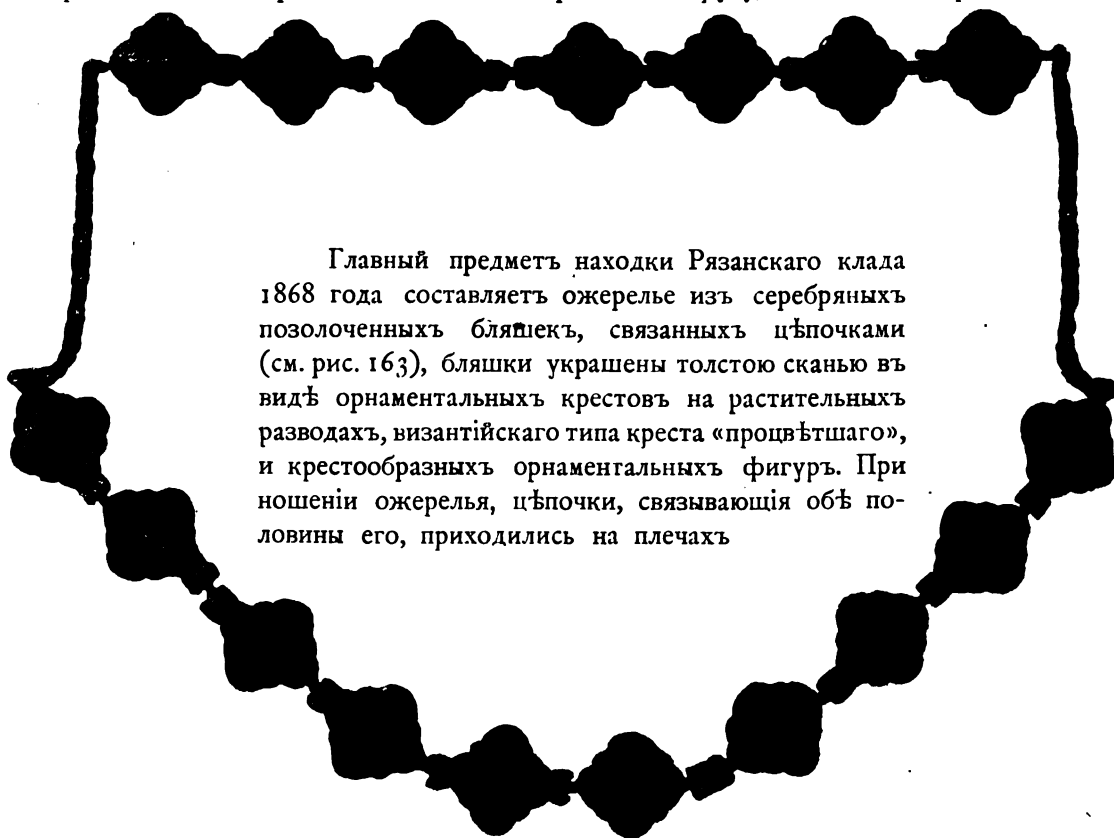
Семь аграфовъ изъ золота съ сильнымъ алляжемъ серебра (рис. 158), оказавшихся во Владимірскомъ кладѣ, состоятъ изъ дрота съ двумя колечками, завернутыми по концамъ для продѣванія проволоки. Аграфы эти считаются принадлежностью кафтана, вмѣсто обычныхъ петель.

Въ томъ-же кладѣ найдена

162. Рязанскаго клада 1868 г.

зернью и, наконецъ, пять отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ бляшекъ, въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ съ эмалевымъ кривономъ въ кругу, бѣлой лиліею и розеткою.

Главный предметъ находки Рязанскаго клада 1868 года составляетъ ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ, связанныхъ цѣпочками (см. рис. 163), бляшки украшены толстою сканью въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ на растительныхъ разводахъ, византійскаго типа креста «процвѣтшаго», и крестообразныхъ орнаментальныхъ фигуръ. При ношеніи ожерелья, цѣпочки, связывающія обѣ половины его, приходились на плечахъ

163. Серебряная цѣпь изъ Рязанскаго клада 1868 года.

Важный кладъ найденъ былъ въ 1876 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Лѣскова, вблизи Десятинной церкви. Хотя кладъ былъ уложенъ въ двухъ сосудахъ — мѣл-

164. Сѣрка изъ клада Лѣскова.

165. Тоже.

номъ и глиняномъ, однако не сохранился настолько, какъ-бы можно было ожидать. Кладъ нынѣ находится въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета; двѣ

пары золотыхъ серегъ поступили, по слухамъ, въ частныя собранія. На первомъ мѣстѣ въ кладѣ должно, конечно, поставить двѣ пары замѣчательныхъ серегъ (рисунки 164 и 165), съ подвѣсными круглыми и полыми внутри золотыми колтами украшенныхъ эмалями, отличной мѣстной работы. Эти серьги отличаются отъ другихъ находокъ этого рода особенно малыми размѣрами и оригинальностью сюжета, взятаго для эмальирования. Именно, здѣсь эмальеръ прибѣгъ къ орнаментациіи серегъ женскою головкою въ коронѣ (судя по головному убору,

167. Золотыя скобочки въ Кіевскомъ кладѣ Лѣскова.

дѣвицы), декоративнаго значенія. Голова представлена въ кругѣ, синее поле украшено цвѣтками и цвѣтными бисеринками; корона имѣетъ форму кокошника съ высокимъ уборомъ, украшена на- чельнымъ рубиномъ и изумрудами; платье дѣвицы золотое. Вокругъ этого средняго эмалеваго щитка, лицевая сторона украшена также эмалевыми вѣтками аканѳа, непригляднаго и тяжелаго рисунка. На оборотной сторонѣ — двѣ птицы по сторонамъ цвѣточнаго стебля (лилі?), имѣющаго почти видъ древа жизни въ краткой схемѣ.

Нѣкоторая мутность эмали (сравнительно съ чисто византійскими работами X—XI вѣковъ), рѣзкость тона бѣлой эмали и, въ особенности, вишневый оттѣнокъ тѣлеснаго цвѣта указываютъ на кіевскую плавку XII вѣка.

Въ кладѣ нашлись также двѣ пары подобныхъ вышеописаннымъ сережкамъ изъ серебра, и притомъ одна пара большого размѣра, а другая столь же малаго, какъ и указанная выше золотая пара. Первая пара имѣетъ ажурный ободъ, въ видѣ кружевныхъ, (изъ плетенія серебряной проволоки) рѣшеточекъ, а внутри, на вставныхъ щиткахъ, изъ

166. Звѣздчатая серьга клада Лѣскова.

черни выполнено изображеніе одиночной птицы и, затѣмъ, двухъ птицъ по сторонамъ растенія. На малой парѣ чернью выполнена орнаментациія вѣнчиками и кружками.

Далѣе, въ кладѣ оказались два перстня, оба изъ золота и съ печаткою; вырѣзанный на одной печаткѣ крестъ почти сгладился, а на другой отлично сохранилось изображеніе идущаго льва, съ повернутою назадъ головою. Имѣя

въ виду значеніе золотыхъ печатей въ Кіевской Руси X—XI вѣковъ и эмблемы льва, допустима догадка, что кладъ принадлежалъ лицу княжескаго рода.

Въ кладѣ было три грубыхъ серебряныхъ браслета и двѣ цѣпи: толстая, тяжелая, большая цѣпь изъ серебра, съ концами въ видѣ звѣриныхъ головъ, и легкая золотая цѣпочка, цѣльная, видимо, шейная, сдѣланная изъ тонкихъ запаянныхъ кольцомъ ленточекъ, съ выбитыми вдоль кантиками, оканчивающаяся двумя колечками и служившая для ношенія чего-то на шеѣ.

Звѣздчатая серьга (рис. 166) изъ описываемаго клада могла бы служить типичнымъ образчикомъ этого рода украшеній, если бы лучше сохранилась: въ ней недостаетъ верхняго коромысла и потому способъ ея подвѣшиванія остается неизвѣстнымъ. Несмотря на свои малые размѣры, звѣзда настолько подробно передаетъ всѣ детали крупныхъ образцовъ изъ серебра, что можетъ почитаться характернымъ представителемъ уборовъ этого рода.

Далѣе, въ томъ-же кладѣ нашлось (неполное?) золотое ожерелье (рис. 168), изъ бусинъ, въ формѣ боченочковъ и подвѣсокъ, имѣющихъ видъ цвѣтка лиліи (криня), работы довольно грубой; острые края этихъ украшеній, сперва штампованныхъ въ золотомъ листѣ и затѣмъ вырѣзанныхъ изъ него, должны были бы рѣзать шею, почему можно думать, что ожерелье носилось поверхъ ворота или что это даже вовсе не ожерелье, а украшеніе головнаго убора.

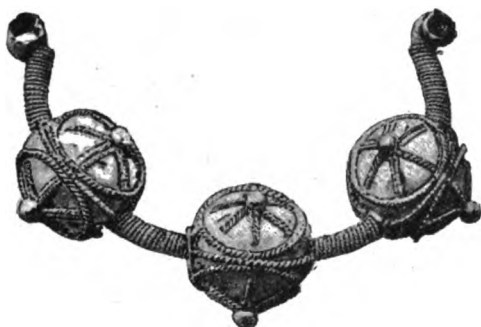
Наконецъ, кладъ, найденный въ усадьбѣ Лѣскова, представилъ 30 экземпляровъ золотыхъ скобочекъ (рис. 167), изъ нихъ четыре съ крышкой на ихъ поломъ боку, причемъ послѣднія составляютъ двѣ пары, т. е. если всѣ скобочки подѣлить на два ряда, то эти четыре помѣстятся по концамъ этихъ рядовъ. Такъ какъ крышка украшена эмалью и помѣщалась на лицо, то естественно думать, что подборъ скобочекъ назначался для парнаго украшенія, напр. плечъ, рукъ, окаймленія ворота, обшлага, разрѣзовъ.

168. Низка изъ криновъ и бусъ въ кіевскомъ кладѣ Лѣскова.

Въ 1876 году, въ усадьбѣ Чайковскаго въ Кіевѣ, въ Старомъ городѣ, найденъ былъ въ землѣ замѣчательный кладъ изъ серебряныхъ и золотыхъ предметовъ древности въ одномъ мѣстѣ усадьбы, а въ другомъ — разныя желѣзныя

вещи, не имѣвшія ничего общаго съ кладомъ древностей. Собственно кладъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ по богатству и можно пожалѣть, что и его постигла обычная судьба русскихъ древностей: изъ 17 номеровъ клада только 7 поступили, путемъ продажи, въ частныя руки, а отъ нихъ частію въ музеи, прочіе же сплавлены. Главную часть клада составляли золотыя и се-

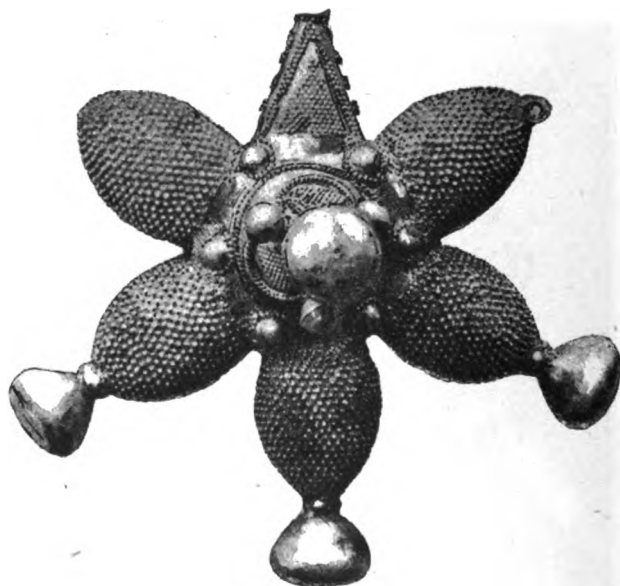
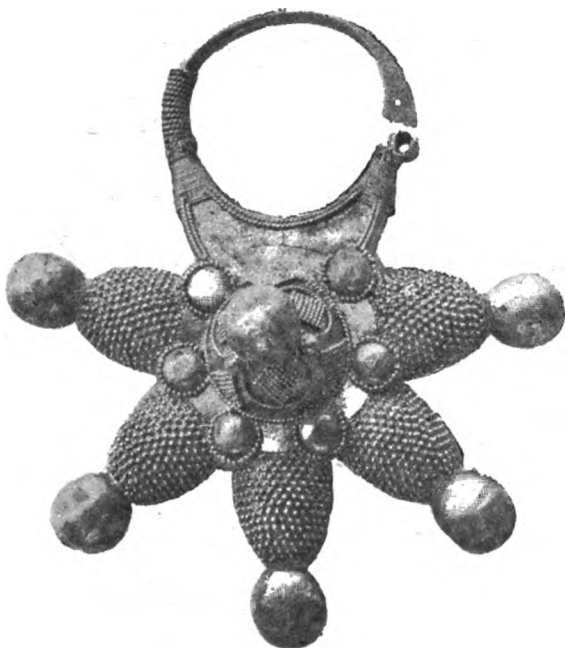

169. Серебряный аграфъ изъ Териховскаго клада.

170. Серьга изъ Териховскаго клада.

ребряныя серьги кievскаго типа, не составляющія вообще рѣдкости, однако, тамъ была и пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ въ формѣ выпуклыхъ

171. Серебряныя сережныя подвѣски Териховскаго клада.

лунницъ. Изъ уцѣлѣвшихъ вещей наиболѣе замѣчательны двѣ серебряныхъ чашки, на ножкахъ, одна съ латинскою надписью, двѣ пары браслетовъ изъ плетеныхъ жгутовъ, пара серебряныхъ выпуклыхъ лунницъ, съ изображеніями птицъ.

Въ 1876 г., въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ деревнѣ Териховѣ, найденъ замѣчательный по богатству предметовъ и ихъ орнаментации кладъ серебряныхъ вещей. Изъ нихъ заслуживаютъ бытъ упомянутыми нѣсколько ожерелій — изъ наборныхъ бляшекъ, представляющихъ въ серебрѣ подобіе палочекъ; по краямъ нижняго гладкаго лоточка палочекъ имѣются съ обѣихъ сторонъ по три отверстія для соединенія бляшекъ нитями въ одну низку (см. рис. 175). Найденные въ томъ-же кладѣ четырнадцать серебряныхъ аграфовъ (рис. 169), шесть

шейныхъ обручей и кievская гривна принадлежатъ къ обычнымъ находкамъ, но въ кладѣ оказались три пары сережныхъ подвѣсокъ (рис. 170) изъ серебра съ обнизью изъ дутыхъ бусинъ и съ превосходнымъ, стильнымъ рисункомъ двухъ грифоновъ, сплетшихся хвостами и клюющихъ свѣсившуюся лилію. Пара сережныхъ

172. Наручи Териховскаго клада.

подвѣсокъ въ видѣ звѣзды (рисунокъ 171), воспроизводящихъ матерчатая кисти или аграманты, того-же типа, какъ и маленькая серьга, приведенная выше, въ описаніи клада, найденнаго въ усадьбѣ Лѣскова, въ Кіевѣ, замѣчательны своими размѣрами. Наконецъ, пара большихъ серебряныхъ наручей или браслетовъ (рисунки 172 и 173) украшены по фону, наведенному вороненою чернью, фигурами василисковъ, птицъ и грифоновъ, въ орнаментальныхъ арочкахъ.

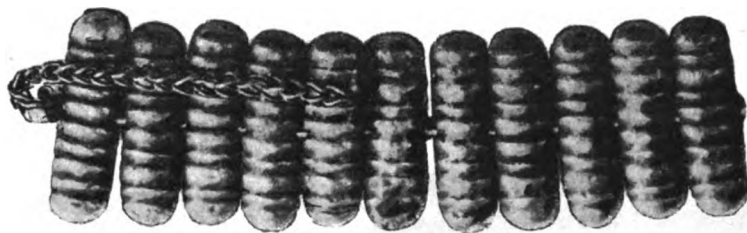
173. Териховскій кладъ.

Того-же характера — кладъ, открытый во Львовѣ, Черниговской губ., въ которомъ оказалась пара грубыхъ по величинѣ и рисунку сережныхъ подвѣсокъ, съ гравированнымъ на нихъ изображеніемъ грифоновъ и плетениемъ (рис. 174)

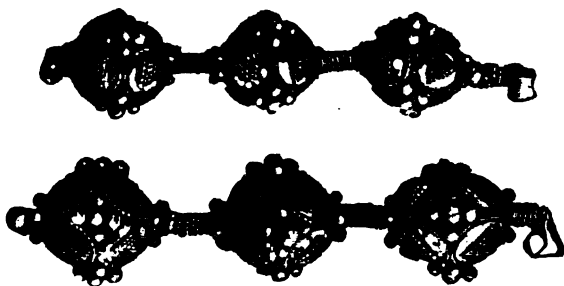
174. Серебряная подвѣска изъ Львовскаго клада 1879 г.

Въ кладѣ замѣчательнъ и церковный *водолей* или *рукомойникъ* изъ бронзы, въ формѣ барана, на спинѣ котораго вспрыгнувшій на него драконъ образуетъ ручку (см. рис. 20).

175. Низка серебряныхъ лоточковъ изъ Льгова.

Въ 1883 году въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ Мироновскомъ фольваркѣ, найденъ былъ большой кладъ: серебряныя подвѣски (рис. 177)

176. Аграфы изъ Льгова.

низка серебряныхъ лоточковъ (рис. 175) и серебряныя аграфы (рис. 176).

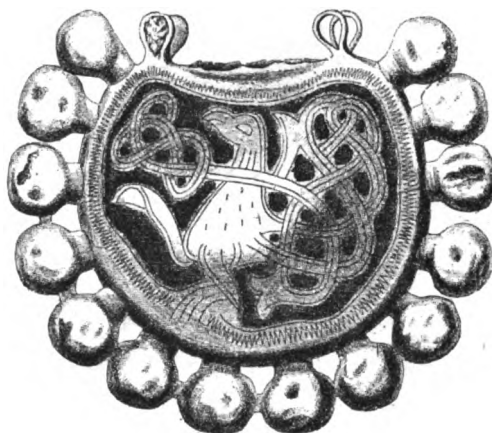
Въ замѣчательномъ кладѣ находки 1880 г. въ Кіевѣ, по Б. Житомирской ул., открытомъ при копани водопроводной канавы, оказалось, изъ золотыхъ вещей: три большихъ выпуклыхъ подвѣсныхъ медальона въ оправѣ и съ эмалевыми изображеніями ликовъ Деисуса (см. рис. 192—194), цѣпь изъ 20 выпуклыхъ бляшекъ съ эмалевыми фигурками птицъ, пара подвѣсныхъ серегъ съ эмалевыми изображеніями двухъ Сириновъ, три пуговицы съ эмалевыми-же птицами и серьги.

грубой работы съ грифонами, цѣпи (рис. 178) съ наглавниками въ видѣ конскихъ головокъ и другіе предметы. Вотолки съ кистями, изображенныя на рисункѣ 179, происходятъ изъ неизвестной мѣстности Кіевской губерніи; онѣ относятся по характеру скорѣе къ сѣверно-русскимъ находкамъ и должны быть

сближены съ изображенной на рисункѣ 162 вотолкой съ цѣпочками изъ Рязанскаго клада.

Кладъ, открытый въ 1883 г. на погостѣ собора въ Черниговѣ, дополняетъ кievскіе типы, такъ какъ принадлежащая къ кладу пара сережныхъ подвѣсокъ (рис. 180) составляетъ, вмѣстѣ съ другою Черниговскою-же парою, ближайшій вариантъ основнаго византійскаго типа.

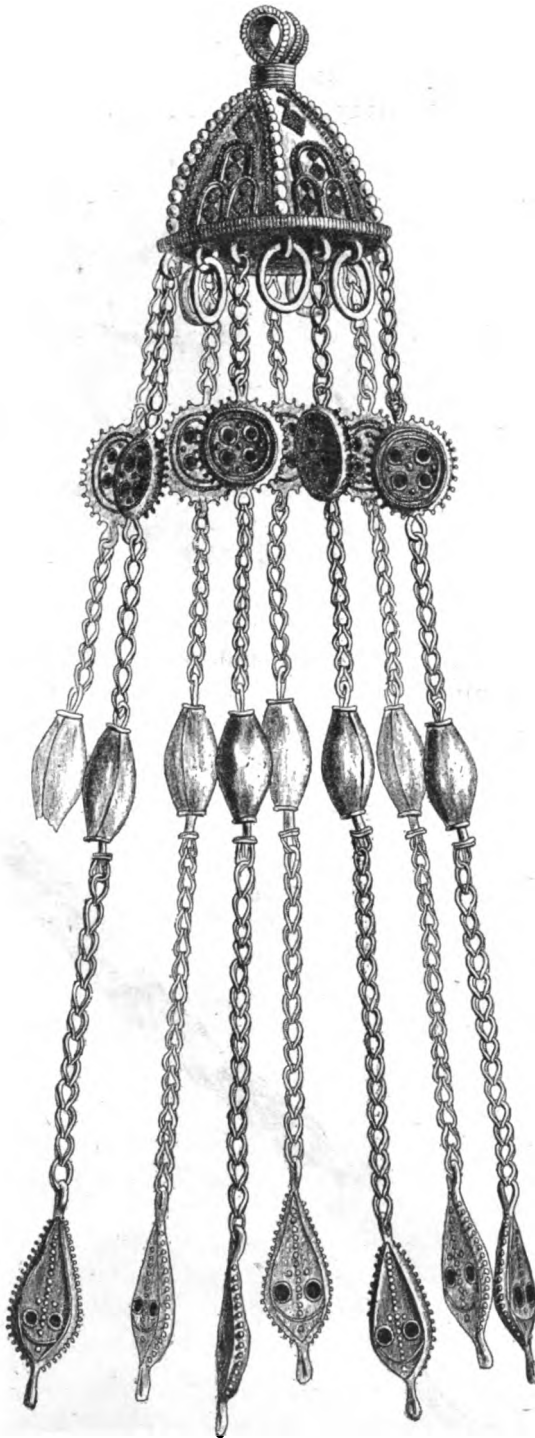
Серьга представляетъ по формѣ не раковинку, но нѣчто въ родѣ, скажемъ для наглядности, карманныхъ часовъ, причемъ вмѣсто обычной колодочки мы видимъ здѣсь внутренній кружокъ, украшенный эмалевую бляшкою. Эмаль на той и другой сторонѣ только декоративная: внутри краснаго бордюра—бирюзовая пальметка съ лилейною верхушкою. Кругомъ выпуклаго медальона широкая кайма предназначалась для низки жемчуга, которая и сохранилась въ дѣйствительности на одномъ экземплярѣ. Вторая кайма уже украшена подобіемъ жемчужной низки, выполненнымъ въ золотѣ чеканомъ. Наконецъ, внѣшній бордюръ представляетъ

177. Сережная подвѣска изъ Каневскаго уѣзда.

178. Серебряная цѣпь съ наглавниками въ видѣ конскихъ головокъ, изъ Каневскаго уѣзда.

179. Изъ находокъ Кіевской губ.

рядъ насаженныхъ вокругъ серьги жемчужныхъ маковокъ, но не на спенькахъ, а на самой зубчатой каймѣ.

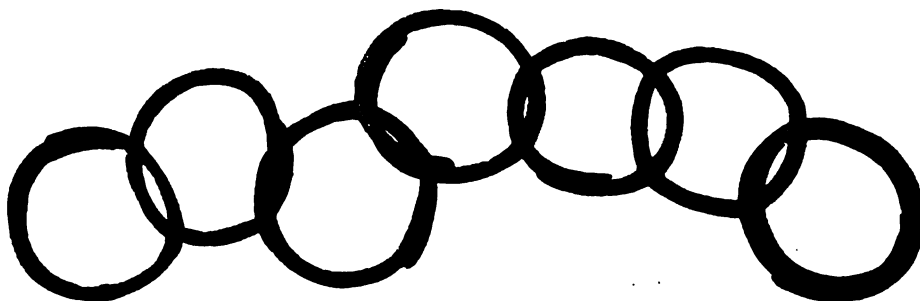
Въ этомъ - же кладѣ найдены 6 золотыхъ серегъ съ ажурными бусами изъ филиграни. Всѣ шесть серегъ разнятся другъ отъ друга орнаментациею бусъ и размѣрами.

Кладъ, открытый въ городѣ Черниговѣ, на Александровской пло-

180. Серьга изъ Чернигова.

щади, замѣчательнъ найденными въ немъ золотымъ ожерельемъ и парюю золотыхъ серегъ. На лицевой сторонѣ этихъ серегъ изображены двое святыхъ мучениковъ, оба въ юномъ возрастѣ, съ кудрявыми волосами, падающими на шею, и перевязанными у одного на макушкѣ золотымъ шнуромъ; оба мученика представлены въ патрицианскихъ одеждахъ и держащими въ правой рукѣ крестъ, тогда какъ лѣвая рука предполагается спрятанною подъ мантию; на обѣихъ серьгахъ разнятся по рисунку лишь кресты.

181. Колечки изъ золота и электра въ кладѣ Есикорскаго.

Въ 1885 году въ Кіевѣ, противъ соборнаго дома при Софійскомъ соборѣ, въ усадьбѣ Есикорскаго, при рытвѣ фундамента, найденъ былъ замѣчательный кладъ, въ глиняномъ горшкѣ.

Тревожными обстоятельствами, сопровождавшими, какъ можно предполагать зарытіе клада, объясняется находка въ горшкѣ обломковъ большого сосуда изъ тонкой бронзы и остатковъ льняной матеріи, сильно сожженной и принявшей бурый цвѣтъ, но съ сохранившимися еще золотыми нитями. Появленіе этого куска въ горшкѣ легко объясняется желаніемъ завернуть въ него драгоценныя вещи. Труднѣе объяснить присутствіе въ кладѣ двухъ, почти разрушенныхъ ржавчиною, желѣзныхъ висячихъ замочковъ. Повидимому, мы должны объяснить себѣ по-

182. Серьга изъ клада Есикорскаго.

явленіе ихъ въ кладѣ суевѣрною связью замка съ кладомъ, явившеюся въ народныхъ вѣрованіяхъ въ самую древнѣйшую пору ознакомленія съ этимъ снарядомъ.

Далѣе, въ видѣ обломковъ, въ кладѣ попали четыре куска серебряной оправы

183. Тоже.

черенка отъ ножика. Черенокъ былъ превосходно выполненъ тонкою орнаментовкою романскаго стиля: по лицевой сторонѣ — плетеніями и птицами, на исподѣ — рѣшетчатымъ рисункомъ.

Въ кладѣ оказалось девять (такъ наз. кіевскихъ) серебряныхъ гривень — восьми-угольныхъ слитковъ, опредѣленнаго вѣса (въ 36 золотниковъ, составлявшихъ половину византійскаго фунта), служившихъ денежными знаками. Сверхъ того, также вѣроятно въ качествѣ денежныхъ знаковъ (рис. 181), — 12 колечекъ изъ золота, вѣрнѣе кусковъ (опредѣленнаго вѣса) золотой проволоки, согнутыхъ, для удобства, кольцомъ, но не образующихъ кольца (и потому получившихъ въ археологіи неумѣстное и невѣрное названіе спиралей); одно колечко электровое и одно изъ серебряной проволоки.

Интересны золотой и семь серебряныхъ перстней съ печатками. На одной вырѣзанъ идущій левъ, на другихъ крестъ.

Встрѣченная въ кладѣ Есикорскаго каменная пряслица изъ краснаго шифера, очевидно потому показалась собственникамъ предметомъ драгоценнымъ, стоящимъ сохраненія, что на ней были начерчены слова, а вещи съ надписями были рѣдки. На лицевой сторонѣ написано уставными буквами: *твори нѣ прямо* — вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что веретено съ этою пряслицею надо держать наклонно и вертѣть, а на нижней сторонѣ — *слѣнь*, можетъ быть, вмѣсто: *по солонь*, т. е. вокругъ, по солнцу.

184. Серьга изъ клада Есикорскаго.

Кладъ, извѣстный подъ именемъ Есикорскаго, представляетъ замѣчательное собраніе серегъ кievскаго типа изъ золота: основной типъ кievской серьги съ тремя бусинами представленъ въ золотѣ съ такимъ разнообразіемъ, что на 28 экземпляровъ клада имѣется 12 вариантовъ. Напротивъ того, между 23 серебряными серьгами, оказывается 22 экземпляра тождественныхъ.

Серьга кievскаго типа состоитъ изъ проволочнаго кольца, настолько толстаго, что при сильномъ алляжѣ, проволока не гнется и не теряетъ формы круга. Одинъ кончикъ разбитъ въ видѣ шарнира, другой имѣетъ дырочку, въ которую проходилъ замыкавшій серьгу кусочекъ проволоки. На кольцо размѣщены въ одинаковыхъ промежуткахъ три шарика или три бусины (рис. 182—184).

Прежде на металлическое кольцо насаживались или стеклянныя бусы, или жемчужины, и основная орнаментация проистекаетъ изъ подражанія серьгамъ римскаго и варварскаго міра. Самый способъ украшенія помощью нанизанія жемчуга и бусъ принадлежитъ Востоку и явился въ южной Европѣ вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ Востока на Западъ.

185. Эмалевая серьга изъ клада Есикорскаго.

Варианты (рисунки 182, 183 и 184) формъ зависѣли отъ украшеній, *скани* и *филиграни*, которыми исполнялись бусы или покрывались шарики изъ листового золота и серебра. Эти прорѣзныя формочки сохраняютъ всегда характеръ жемчужинъ, которыя какъ-бы оплетаются сученою тонкою проволокою съ зернью, такъ что остается по 8 глазковъ или круглыхъ отверстій;

186. Обратная сторона той-же серьги.

Варианты (рисунки 182, 183 и 184) формъ зависѣли отъ украшеній, *скани* и *филиграни*, которыми исполнялись бусы или покрывались шарики изъ листового золота и серебра. Эти прорѣзныя формочки сохраняютъ всегда характеръ жемчужинъ, которыя какъ-бы оплетаются сученою тонкою проволокою съ зернью, такъ что остается по 8 глазковъ или круглыхъ отверстій;

глазокъ оплетается густою сѣтью нитей. Особая форма представляется бусами пупырчатыми.

Гораздо труднѣе рѣшить, откуда происходитъ форма бусъ, покрытыхъ сплошною зернью (рис. 183).

Въ бѣдныхъ могильникахъ Средней Россіи встрѣчаются преимущественно серебряныя серьги именно этого типа. Особенно большой подборъ ихъ извлеченъ изъ «мерянскихъ» могильниковъ, куда онѣ попали, очевидно, какъ привозный товаръ. Менѣе найдено ихъ въ Тверской, Московской и Ярославской губерніяхъ.

Пара золотыхъ подвѣсокъ съ эмальми изъ клада Есикорскаго (рис. 185 и 186) замѣчательно сохранилась: эмалевыя краски свѣжи и не окислены. Рисунокъ, однако, отличается неправильностями въ чертахъ лица, тяжелыми формами тѣла, непропорціональностью туловища и головы, крохотныхъ ножекъ и грузнаго корпуса и, наконецъ, орнаментальностью фигуры и хвоста: все это черты не византійскаго оригинала, а его туземной передачи.

На лицевой сторонѣ изображены два Сирина, обернувшіеся головами къ зрителю, по сторонамъ кружка съ лилейною пальметкою. Нимбы ихъ темнозеленаго цвѣта. Головы Сириновъ, съ распущенными каштановыми кудрями, покрыты не короною, а шапочкою, малиновая туля которой украшена вокругъ и накрестъ, черезъ голову, золотымъ галуномъ; надъ челомъ помѣщенъ синій камень.

Пара серебряныхъ подвѣсокъ (рис. 187 и 188) принадлежитъ къ предметамъ большой рѣдкости. Между тѣмъ, эти серьги наиболѣе близко передаютъ основной типъ этихъ украшеній.

Шейное женское украшеніе въ кладѣ Есикорскаго представляется наборною цѣпью изъ серебряныхъ бляшекъ, числомъ 48, связанныхъ между собою нитками, продѣтыми по три раза черезъ каждую бляшку. Бляшки, поляя внутри, составлены изъ выпуклаго полуцилиндрика, которому чеканомъ придана орнаментальная форма, и подпайного листочка снизу, съ тремя дырочками по обѣимъ сторонамъ полуцилиндрика, для продѣванія нитей, что доказываетъ, что эти бляшки не были нашиты на тесьму или ленту.

Въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ м. Мартыновкѣ, въ 1886 году найденъ (въ сосудѣ) значительный кладъ, поступившій цѣликомъ въ собраніе графа А. А. Бобринскаго. Въ кладѣ заключается, повидимому, одно полное женское убранство: въ немъ оказались три пары застежныхъ *аграфовъ* изъ серебряной проволоки и скани, съ насаженными ажурными бусинами; далѣе — пара

187. Серьга изъ серебра того-же клада.

188. Тоже.

серебряныхъ *подвѣсокъ*, въ видѣ полушарика (ворворки) съ шестью цѣпочками; пара *сережныхъ подвѣсокъ* колодкою съ изображеніемъ грифоновъ, серебряный шейный *обручъ* (гривна); 57 серебряныхъ наборныхъ отъ ожерелья *полуцилиндриковъ*; пара подвѣсокъ къ головной повязкѣ въ видѣ *милій*.

Въ Кіевѣ, въ 1887 году, найденъ былъ во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, на глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, въ глиняной кубышкѣ, замѣчательный кладъ: 1) пара золотыхъ сережныхъ колодочекъ съ эмальированнымъ изображеніемъ пары Сириновъ въ бѣлыхъ, какъ-бы сарацинскихъ, коронахъ или шапочкахъ, украшенныхъ драгоценными камнями; 2) цѣпь изъ 20 золотыхъ бляхъ съ эмалевыми изображеніями голубей и орнаментовъ, относящаяся къ предметамъ великокняжескаго церемоніальнаго убора; 3) двадцать двѣ золотыя скобочки, орнаментированныя по краямъ жгутиками и слегка выгнутыя; на одномъ, закругленномъ концѣ ихъ имѣется всегда дырочка для пришиванія, на другомъ ушко для проволоки, связывавшей между собою всѣ эти скобочки; 4) ожерелье или женское монисто изъ 41 золотой бусы, въ видѣ боченочковъ; 5) на этомъ ожерельи оказался подвѣшеннымъ крохотный *сіончикъ*, въ видѣ храмика, объ одной главѣ, съ четырьмя «комарами», или кокошниками, на шеѣ купола, и четырьмя кіотцами по стѣнамъ, окаймленными сканнымъ жгутикомъ. Внутри кіотцевъ находятся орнаментальныя эмалевыя украшенія на лоточкахъ, вырѣзанныхъ и вставленныхъ сюда взамѣнъ настоящихъ изображеній Евангелистовъ по 4 сторонамъ сіона.

Пара серегъ-колтовъ въ кладѣ изъ Михайловскаго монастыря — самые блестящіе экземпляры подобныхъ подвѣсокъ. На лицевой сторонѣ представлено два сирина по сторонамъ эмалеваго кружка, въ которомъ вписана лилія съ краснымъ бутонемъ. Сирины обычнаго типа, курчавые волосы ихъ имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ, черты лица представляютъ женскую красоту по византійскимъ понятіямъ. Оригинальностью Сириновъ является замѣна короны бѣлою (войлочною, сирок-каппадокійскою или сарацинскою) шапочкою съ сажеными по сукну камнями.

Въ 1887 году произведены раскопки городища въ Старой Рязани, причемъ найдено много любопытныхъ древностей какъ домонгольскаго періода, такъ и вещей позднѣйшихъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ и послѣ Батыевскаго разгрома жизнь не прекращалась. Здѣсь были найдены обломки гѣльныхъ крестиковъ изъ камня и металла, лишившихся оправы, серьги обычнаго типа, съ тремя ажурными бусинами, спирали и колечки, обломки стекляныхъ витыхъ браслетовъ, желѣзные замки, копья, дротики, грубыя мѣдныя подвѣски, блюдце, орнаментированное изображеніями оленя и растительными формами, поясные наборы изъ бляшекъ, литыя, съ плетениями, подвѣсныя бляшки съ бисерными украшеніями, образокъ Архангела, глиняныя куклы, сережки-колтки въ видѣ двухъ качающихся на колечкѣ палочекъ съ перемычкою, съ насаженнымъ жемчугомъ, и, наконецъ, пара цѣлыхъ звѣздчатыхъ серегъ изъ серебра. Изъ раскопокъ 1888 года внутри городища Старой-Рязани, на помостѣ древняго храма, вмѣстѣ съ византійскими монетами XII столѣтія, обращаютъ на себя вниманіе образцы крупныхъ серегъ изъ серебра съ тремя бусами, каменный крестикъ въ оправѣ съ зернью, ожерелье бусъ, лоскуты парчи, пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ колодкою, обнизанныхъ большими бусами и украшенныхъ двумя птицами.

Въ г. Каневѣ, Кіевской губ., къ сѣверу отъ города, есть Княжа гора, со слѣдами городища. Еще въ 1872 году, при обвалѣ горы, обнаружались могилы, въ которыхъ находились бронзовыя и желѣзныя вещи. Въ 1889 году крестьяне стали дѣлать раскопки на горѣ и нашли множество предметовъ княжескаго времени: много золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, золотыхъ колецъ, скобочекъ отъ женскаго головного убора, серебряныя витые браслеты, ожерелья изъ цилиндриковъ и цѣпи, обломки стеклянныхъ браслетовъ, пряслицы изъ красного шифера, замки, ножики, нѣсколько бронзовыхъ тѣльныхъ крестовъ, крупныя кресты изъ мрамора и зеленого порфира. Изъ этихъ находокъ замѣчательны корсунскіе кресты-складни, тождественныя съ найденными въ Херсонесѣ.

Въ 1889 году, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ дворянина Раковскаго, найдены вещи изъ серебра. Важнѣйшимъ предметомъ находки является большой пластинчатый браслетъ, изъ двухъ створокъ, съ шарнирами, настолько большой, что, вѣроятно, надѣвался, на одежду, а не на голую руку. Браслетъ украшенъ грубою рѣзбою: въ верхнемъ полѣ изображены сирины въ арочкахъ и лилейныя пальметты.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго, въ Старомъ городѣ, былъ открытъ рабочими, во дворѣ дома, драгоцѣнный кладъ, прославленный своею золотою княжескою женскою діадемою, съ эмальированными изображеніями Деисуса, ниже подробно описываемою (рис. 191). вмѣстѣ съ діадемою найдены были: семь серебряныхъ слитковъ или такъ называемыхъ кіевскихъ гривенъ, глад-

189. Перстень изъ Кіевскаго клада 1889 года.

кій, скрученный легкою спиралью шейный обручъ или гривна, такой-же обручъ, плетеный и перетянутый сканною нитью, и золотой массивный гладкій браслетъ; одинъ, скрученный изъ двухъ дрововъ, серебряный браслетъ, со сбитыми наглавниками, въ видѣ змѣиныхъ головокъ, золотой перстень съ печатью, на которой въ срединѣ вырѣзанъ Архангелъ, а по вѣнцу византійскіе орнаменты (рис. 189 и 190), наведенные чернью, остатки ожерелья

190. Тоже.

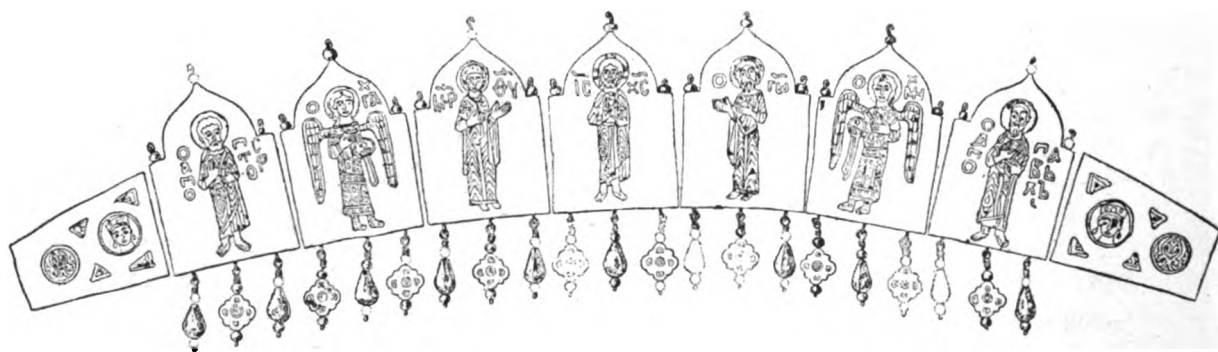
изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ и, наконецъ, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты: солиды византійскихъ императоровъ Алексѣя I Комнина (1081—1118 г.) и Иоанна Комнина (1118—1143 г.).

Въ 1893 году въ Кіевѣ, на скрещеніи Срѣтенской и Мало-Владимірской улицъ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ, найденъ былъ кладъ мелкихъ серебряныхъ вещей XII столѣтія, вложенный въ глиняный горшокъ съ ушкомъ. Въ горшкѣ оказались: 1) три пары серебряныхъ серегъ обычнаго, кіевскаго типа; 2) пара серебряныхъ серегъ византійскаго типа, въ видѣ обоюдовыпуклыхъ щитковъ, съ ажурнымъ ободкомъ изъ скани, свитой восьмерками; дужекъ не сохранилось; на лицевой сторонѣ рѣзбою награвировано вглубь изображеніе лиліи и 3) главную находку клада составляетъ серебряный браслетъ, изъ двухъ выпуклыхъ полосъ, съ шарнирами по обѣимъ сторонамъ каждой створки. Створки окаймлены бордюромъ изъ зерни и раздѣланы каждая тремя кіотцами или арочками въ такихъ-же зерневыхъ багетахъ; въ промежуткахъ арокъ, въ верхнихъ углахъ,

вырѣзаны символическіе узлы, имѣющіе форму трехчастнаго листа. Внутри арокъ по серебру награвированы высокія, геральдическаго типа птицы, наведенныя въ контурахъ чернью, а въ средней арокѣ — василискъ, и въ этой арокѣ фонъ наведенъ чернью, а фигура выполнена наколомъ. Фигурки птиц и василиска отличаются характернымъ стилемъ второй половины XII и XIII вѣковъ: непомерно маленькая головка и узкая шея, тѣло, уже принявшее геометрическую форму, хвостъ въ видѣ лиліи, и отдѣльныя перья, расходящіяся по сторонамъ и загибающіяся вверхъ также въ формѣ остроконечной лилейной распуковки — таковы типы птиц, которыя позже, въ XIV вѣкѣ, выработались въ причудливый инициаль, весь разнятый на завитки, плетенія, ремни. Этотъ звѣриный стиль выработался исключительно въ рукописяхъ, но его подготовка происходила въ XII и XIII вѣкахъ на ювелирныхъ издѣліяхъ и работахъ въ металлѣ.

Въ томъ-же году найденъ былъ въ Кіевѣ по Хоровой улицѣ любопытный мѣдный крестъ-складень, исполненный рѣзбою и инкрустаціею серебромъ: на лицевой сторонѣ — Распятіе (въ препоясаніи), по сторонамъ — погрудныя изображенія скорбящихъ Маріи и Іоанна, а сверху Евангелиста (Луки); на оборотѣ — Богоматерь съ воздѣтыми руками, по сторонамъ Петръ и Павелъ, наверху и внизу Матѣей и Маркъ съ надписями именъ. Что самое важное въ этомъ крестѣ, это его туземное происхожденіе, засвидѣтельствованное столько-же чернью, сколько и одною надписью: а именно, тогда какъ всѣ надписи здѣсь греческія, хотя искаженныя, имя Петра передано по славянски ПЕТРЪ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, важнѣйшія находки, которыми мы обязаны до настоящаго времени открытымъ въ Россіи кладамъ. Имѣя въ виду описанный выше матеріалъ, доставленный какъ могильниками и курганами, такъ и кладами, мы можемъ уже теперь сдѣлать нѣкоторыя обобщенія.

191. Золотая эмальрованная діадема изъ Кіевскаго клада 1889 года; $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Анализъ различныхъ формъ украшеній въ русскихъ древностяхъ мы можемъ по праву начать съ разсмотрѣнія золотой діадемы Кіевскаго клада 1889 г. (рис. 191). Золотая діадема служила, по всей вѣроятности, женскимъ головнымъ украшеніемъ: она состоитъ изъ девяти створокъ, образующихъ снаружи легкую выпуклость, а внутри пустые лоточки, боковые края которыхъ по бордюру проткнуты

пятью отверстиями, для того, чтобы въ нихъ пропускать связующія металлическія нити. Будь она вѣнцомъ иконы, діадема состояла бы изъ сплошнаго листа. По концамъ діадемы исполнены эмалью въ кружкахъ двѣ женскія головки въ коронахъ, какъ указаніе на назначеніе предмета. Къ створкамъ подвѣшены, по три къ каждой, цѣпочки съ мелкимъ жемчугомъ и эмалевыми бляшками, или же золотыми подобіями жемчужинъ; рядъ этихъ бляшекъ образуетъ то, что называлось издревле *ряснами*, заимствовано было изъ Византіи и въ позднѣйшее время почиталось даже необходимымъ, ради приличія, прикрытіемъ женскаго лба. Цѣпочки, однако, сдѣланы здѣсь изъ свитой тонкой проволоки и, очевидно безпокоили бы кожу, если бы лежали прямо на ней; нельзя предположить, чтобы и вся полоса діадемы изъ створокъ могла быть надѣваема прямо на голову, такъ какъ внутренніе ея края или рамки, вышиною $\frac{1}{2}$ сантим., должны были бы рѣзать лобъ, и потому необходимо думать, что діадема была нашиваема на матерчатую подкладку, на высокую кичу или кокошникъ.

Девять створокъ составлены изъ 7 кіотцевъ, имѣющихъ наверху луковичеобразную арочку съ крючкомъ, на который посажено зерно жемчуга, и эти кіотцы ясно указываютъ, во-первыхъ, на значеніе набора, какъ вѣнца, короны, только не царской, а княжеской, а во вторыхъ, на священный характеръ этого вѣнца. Между тѣмъ, двѣ боковыя пластинки или створки ($4\frac{1}{2}$ сантим. длины) сдѣланы въ видѣ суживающейся полосы или ленты, и это придаетъ всему украшенію форму повязки или діадемы. Если діадема и была первоначально формою царскаго вѣнца, то въ данномъ случаѣ такой архаической типъ могъ быть легко видомъ церковнаго, брачнаго вѣнца. Всѣ кіотцы украшены византійскою перегородчатою эмалью и только двѣ боковыя—декоративными сюжетами: кружочкомъ съ женскою головкою въ коронѣ, кружочкомъ съ пальметтою на изумрудномъ фонѣ и четырьмя сегментами вокругъ перваго кружка, наполненными разводомъ аканѳа; такая форма эмалевыхъ украшеній можетъ происходить отъ подражанія цвѣтной лентѣ, продернутой черезъ ажурную золотую пластинку.

Соотвѣтствующія фигурамъ греческія надписи исполнены крупными уставными буквами, красной эмалью, но заключаютъ характерныя особенности: въ имени апостола Павла русскій эмальеръ составилъ имя по древне-русски: О АПО ПАВЪЛЪ, не забывъ, однако, сдѣлать ковычку для обозначенія сокращаемой сигмы въ греческихъ словахъ. Эта ошибка ясно выдаетъ работу русскаго мастера, и въ этомъ отношеніи является, по истинѣ, драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера въ XI и XII вѣкахъ производили эмаль, и что многочисленныя ея произведенія, добываемыя нынѣ изъ земли, даютъ намъ понятіе о высотѣ этого наиболѣе тонкаго художественнаго мастерства на югѣ Россіи въ древнѣйшемъ періодѣ. Оказывается, что русскіе эмальеры умѣли работать въ эмали не хуже самихъ Грековъ, если принять во вниманіе, что вещь принадлежитъ срединѣ или даже концу XII вѣка, когда эмалевая техника уже значительно упала, и то, что діадема извлечена изъ земли и пострадала отъ сильнаго окисленія. Эмаль сохранила вполне свои цвѣта только въ фигурахъ апостола Петра и архангела Гавріила, во всѣхъ прочихъ сильно поблекла. Византійскіе типы значительно измѣнились и переданы съ сокращеніями деталей. Рисунокъ одеждъ —

хитона и гиматія, часто не различимъ, или сбитъ, или исполненъ безъ различія верхней и нижней одежды, чего никогда не бываетъ въ греческой работѣ; спутанъ рисунокъ лорона, а въ лоронѣ архангела Михаила изображенъ собственно оранъ.

Въ древней Руси діадемы назывались *челомъ*, и извѣстно, что Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своей дочери, между другими нарядами, такое чело; челомъ-же называлась и передняя часть кики, въ отличіе отъ высокаго кокошника.

Между курганными древностями Россіи мы не находимъ головныхъ уборовъ, подобныхъ Кіевской діадемѣ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда въ видѣ отдаленнаго воспоминанія о древнемъ обычаѣ, попадаются на головахъ женскихъ остововъ вѣнчики въ видѣ тонкой пластинки изъ низкопробнаго серебра, съуживающіеся къ концамъ и снабженные крючками или петлями для связыванія назади головы. Эти пластинки встрѣчены были въ Петербургской, Тверской и Ярославской губ. Въ Люцинскомъ могильникѣ найдено два типа женскихъ головныхъ повязокъ: одинъ имѣетъ видъ широкой тесьмы изъ бронзовыхъ спиралей, перехваченной поперечными пластинками; форма напоминаетъ мелкія косы, уложенныя надо лбомъ и перевязанныя лентами. Семь кіотцевъ діадемы представляютъ композицію, извѣстную въ русской иконописи подъ именемъ *Деисуса* (моленіе). Ея составъ ограниченъ Богоматерью и Иоанномъ Предтечею, Архангелами Гаврииломъ и Михаиломъ и Апостолами Петромъ и Павломъ; средоточіе «моленія» образуютъ три фигуры, т. е. Спаситель съ Богородицею и Предтечею; для иконы этихъ фигуръ достаточно, чтобы было представленіе Небесной Церкви, приносящей моленіе Спасу. Два верховныхъ Апостола слѣдуютъ за Архангелами, ибо они представляютъ собою уже церковь земную, установленную при Вознесеніи на небеса Господа.

Иисусъ Христосъ представленъ въ гиматіи и хитонѣ, въ сандаляхъ, съ крещатымъ нимбомъ вокругъ головы и съ Евангелиемъ въ рукахъ. Онъ благословляетъ сложеніемъ трехъ перстовъ, какъ Спасъ-Вседержитель, и смотритъ прямо предъ собою; поза выставленной слегка впередъ правой ноги, не понята рисовальщикомъ. Волосы Спаса темнокаштановые, обильные и волнистые; борода полная и округлая, но раздвоенная по срединѣ. Словомъ, типъ Христа близокъ къ древнехристіанскому типу лицевой Псалтири, и ясно отличается отъ новаго типа, представляемаго сицилійскими мозаиками. Иоаннъ Предтеча стоитъ предъ Спасителемъ, слегка склонивъ голову, съ жестомъ моленія, воздѣвая обѣ руки; онъ, однако, не смотритъ на него, какъ и Богородица, но глядитъ предъ собою, молясь внутренно, съ сокрушеніемъ. Предтеча одѣтъ въ голубой хитонъ. Поверхъ хитона надѣта милоть—верхняя одежда пророка изъ верблюжьяго волоса, темнокаштановаго цвѣта, съ бахромою. Отлично сохранившаяся фигура Архангела Гавриила представляетъ краски эмалей съ такою рѣзкою пестротою, такое паденіе техники въ кіевскихъ работахъ, что ничего подобного мы не могли бы найти въ византійской эмали: на примѣръ, цвѣтъ нимба Архангела имѣетъ яркій голубо-бирюзовый цвѣтъ. Въ рисунокѣ одежды Архангеловъ Гавриила и Михаила допущена крайняя несообразность: лоронъ въ видѣ пояса проходитъ на бокъ, но не представлено, какъ онъ отсюда переброшенъ на лѣвую руку. Апостолы Петръ и Павелъ могутъ считаться наиболѣе удачными фигурами: причина этого въ характерности типовъ, допускающей и непра-

вильности, которыя не могут исказить типа. Оба Апостола стоятъ въ классической позѣ ритора, но ей недостаетъ полноты въ рисунокѣ: гиматій, не переброшенъ черезъ лѣвую руку и оканчивается, неизвѣстно какъ и гдѣ; въ именованномъ благословеніи у Петра неправильно изображены пальцы правой руки.

Мы имѣемъ доселѣ *гривны* (гривнами назывались шейныя украшенія вообще) или золотыя медальоны (такъ называемыхъ *бармъ*) въ слѣдующихъ кладахъ:

1) Кіево-Михайловскаго монастыря 1824 года: два золотыхъ медальона съ эмалевыми изображеніями Спасителя и Св. Бориса; 2) Кіевскомъ, съ Большой Житомирской ул. 1880 г. съ 3 медальонами, на которыхъ финифтью изображены три лица Деисуса — (рис. 192—194)

и 3) въ знаменитомъ Рязанскомъ кладѣ, находки 1822 года; здѣсь медальоны или гривны, благодаря составу клада, получили названіе «Рязанскихъ бармъ» (рис. 140—145).

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе многочисленныя серебряныя гривны: 1) въ Черниговскомъ кладѣ 1850 года серебряный медальонъ съ крестомъ; 2) во Владимірскомъ 1865 года — два медальона, полуразрушенныхъ, изъ нихъ — одинъ съ изображеніемъ

192—194. Эмалевыя «гривны» или образки «Деисуса» изъ Кіевского клада съ Б. Житомирской улицы.

Архангела чернью и рѣзьбою; 3) въ Старо-Рязанскомъ кладѣ 1868 г. три медальона съ крестами; 4) въ Старой Рязани въ томъ-же году въ другомъ кладѣ два медальона: на одномъ изображенъ Спаситель, на другомъ Богородица; 5) изъ Спасскаго уѣзда, Казанской губ., мѣстности Вел. Болгаръ, великолѣпная находка девяти медальоновъ съ крестами; 6) Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, деревни Сельцы — кладъ съ пятью медальонами и 7) замѣчательное «Суздальское оплечье», изъ 6 медальоновъ и 12 бусинъ, найденное въ окрестностяхъ Суздаля.

По времени изготовленія на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены медальоны Житомирской ул., а послѣ нихъ — знаменитая находка Старой Рязани или «Рязанскія бармы».

Эмалевыя иконки Деисуса на гривнахъ Кіевскаго клада съ Б. Житомирской улицы (рис. 192—194) представляютъ чисторусскую, кіевскую работу и потому должны быть возможно точно описаны. Композиція фигуръ принадлежитъ византійскому оригиналу, но уже не передана съ тою строгостью типа, какую мы привыкли находить въ византійскихъ эмаляхъ; всего болѣе измѣнились краски, ихъ блескъ, прочность и прозрачность. Спаситель представленъ, на первый взглядъ, какъ-будто стоящимъ, — согласно композиціи Деисуса въ византійскомъ искусствѣ; голова и вся фигура повернуты слегка слѣва направо, какъ-бы обращаясь къ Богородицѣ, заступничеству которой является преимущественно угоднымъ. Лѣвая рука придерживаетъ Евангеліе съ боку, а не снизу, какъ было бы при изображеніи Спасителя стоящимъ, и потому надо думать, что рисовальщикъ предполагалъ изображеніе Спаса на престолѣ съ предстоящими, стало быть, уже по схемѣ поклоненія Спасу, какъ Верховному Архіерею. Гиматій, окутывающей лѣвое плечо, появляется только своимъ краемъ на правомъ и, пройдя за рукою, проведенъ по тѣлу и переброшенъ концомъ на лѣвую руку. Здѣсь въ рисунокѣ явныя ошибки по изображенію одежды: и хитонъ не имѣетъ рукавовъ, и латиклавій проведенъ въ видѣ каймы, — какъ-разъ ошибки, наблюдаемыя нами на русскихъ эмалевыхъ издѣліяхъ оклада Мстиславова Евангелія. Образъ Богоматери (рис. 193) выполненъ болѣе тщательно и лучше сохранился. Въ немъ можно прослѣдить съ большею ясностью, что именно затрудняло русскаго эмальера въ его стремленіи приблизиться къ оригиналу настолько, чтобы не было видно русской работы. Но русскаго мастера выдаетъ рисунокъ фигуры и особенно рукъ: онѣ уродливо тонки, малы, пальцы переданы съ крайнимъ преувеличеніемъ, всѣ ленточки перегородокъ порваны; рисунокъ лица грубый. Еще болѣе выдаетъ мастера драпировка пенулы, на груди окончательно спутанная. Гораздо лучше, по краскамъ и по характеристикѣ лика, медальонъ Предтечи (рис. 194). Мы видимъ здѣсь лучшій византійскій типъ: черные, какъ смоль, косматые волосы, свалывшіеся и торчащіе, спускаются по плечамъ; черная борода тоже виситъ отдѣльными прядями.

Такъ называемое «суздальское оплечье» найдено было въ боку кургана въ сел. Исадъ, Суздальскаго уѣзда; вещи лежали въ кучѣ, едва прикрытыя землею, и видимо, въ торопяхъ скрыты на время въ тревожную пору. Кладъ состоитъ изъ шести серебряныхъ медальоновъ, пять изъ коихъ украшены крестами рѣзьбою, наведены чернью и позолочены, и двѣнадцати серебряныхъ, также позолоченныхъ, бусъ большого размѣра.

На одномъ медальонѣ изображенъ мученикъ; изображеніе выбрано не даромъ: это, вѣроятно, образъ патрона владѣльца ожерелья, вѣрнѣе всего — Св. Борисъ или Глѣбъ.

Бармы, въ числѣ девяти медальоновъ изъ серебра (рис. 195), составляющихъ наборъ, также постепенно увеличивающійся въ размѣрѣ къ срединѣ, найдены въ мѣстности Великихъ Болгаръ въ 1888 году. Медальоны слегка выпуклы, позо-

195. Нагрудное украшеніе — *Гривна цетава* изъ В. Болгаръ.

лочены и снабжены ушкомъ въ видѣ бусины или боченочка для нанизыванія. Они украшены орнаментальными крестами, типа креста «процвѣтшаго», т. е. съ листовными или растительными (аканѳовыми и виноградными) разводами или побѣгами отъ нижняго рукава. Фонъ обыкновенно guilloché или сѣтчатый, исполненный на-коломъ, на одномъ лишь медальонѣ былъ наведенъ чернью. Форма креста византійская, съ удлиненнымъ низомъ, безъ украшеній, но въ одномъ случаѣ крестъ, вмѣсто перекрестій, представляетъ вѣтки лиліи, въ другомъ — крестъ утвер-жденъ на шарѣ.

Первое опредѣленіе подобнаго рода предметамъ было дано по поводу Рязанскаго клада 1822 года, который принято было называть *бармами*, по догадкѣ Оленина и Калайдовича, повторенной Снегиревымъ. Предметы были отнесены къ

числу церемониальных великокняжеских украшений, которые под именем «святых бармъ — еже есть діадима», были известны древней Руси, и под этим именем впервые упомянуты в грамоте Ивана Даниловича Калиты (1328 года).

Матерчатые оплечья, бармы или «діадимы», появились к нам из Византии, по вѣрной догадке графа А. С. Уварова, уже сравнительно в позднюю эпоху, т. е. не ранее XIV вѣка, и упоминаются в старых духовных под именем «пристежного» ожерелья, «саженного» на четыре жемчужные пуговицы; ожерелья имѣлись у рубашекъ, зипуновъ, а также у священниковъ ризъ и стихарей. Матерчатое оплечье, перешедшее из Персии в Византию, на родине своей было принадлежностью военной формы, в Византии же стало деталью облачения, видимо, придворного. Украшения таких оплечий состояли из шитых жемчужных полос и крутовъ, обычных разводовъ и орнаментовъ, даже фигурныхъ, какъ на всяких шелковыхъ, парчевыхъ и золотыхъ тканяхъ, или изъ драгоценныхъ камней, саженныхъ рядами, но не имѣютъ ничего общаго съ металлическими подвѣсками, о которыхъ мы теперь разсуждаемъ. Невѣрно также и то, что византийскія оплечья-маніакіи были достояніемъ только императорской фамилии: списки одеждъ, снабженныхъ маніакіями, для чиновъ двора, правда, высокихъ, опровергаютъ это предположеніе. А потому и у насъ бармы не были, видимо, выше общаго княжескаго достоинства, къ какому на первыхъ порахъ были причислены Византиею варварскіе владѣтельные князья, производившіеся императорами, сообразно политикѣ, изъ достоинства патрициевъ в достоинство нобилисмовъ, кесарей и королей.

Тождество русской *гривны*, в видѣ обруча, съ византийскимъ *маніакіемъ* не подлежитъ сомнѣнію. По обыкновению, византийская древность является первоисточникомъ, но в то же время глубоко скрытымъ.

Маніакій уже для самихъ византийцевъ былъ своего рода стариною, былъ заимствованъ ими у персовъ, у которыхъ былъ неизмѣннымъ украшеніемъ война и отъ которыхъ перешелъ къ варварамъ Европы. Но у тѣхъ-же персовъ были въ употребленіи не только витые обручи, какъ украшения шеи, но и богатые *оплечья* на одеждахъ. Маніакій былъ металлическимъ уборомъ, нашей гривною. И маніакій (= гривна) былъ издревле в Византии *praemium virtutis*, наградой за мужество, общимъ знакомъ военного отличья, затѣмъ почетнымъ знакомъ высшей гвардіи, приближенныхъ тѣлохранителей, судя по ихъ изображеніямъ на памятникахъ IV—VI столѣтій. Именно в этомъ значеніи *torques* долгое время служилъ эмблемою «императора», т. е. полководца, когда его провозглашали в преторіанскомъ лагерѣ, или же в ипподромѣ воины гвардіи; тогда «кампидукторъ» надѣвалъ на голову «императора» маніакій, чаще всего свой собственный.

Слово *барма* происходитъ отъ сокращенія слова *баврома*, а это слово, которымъ называлась пурпурная тесьма, плетенка, вязанка съ мохрами, висячими прядками, обязательно по краю одежды, борту, подолу, вороту, в свою очередь происходитъ отъ *баюръ*, *баировый*, *баиряный*. В известной повѣсти о присылкѣ къ Владиміру Мономаху Константиномъ Мономахомъ Царскихъ утварей, отъ 1551 года, выписанной при изображеніяхъ на дверяхъ Царскаго мѣста в Москов-

скомъ Успенскомъ соборѣ, сказано, что Константинъ повелѣваетъ принести «ожерелии, сирѣчь святяга *бахромы*, иже на плещу своею ношаше». Въ свою очередь, слово *бахромы* и есть, какъ можно догадываться, первоначальная форма, происходящая отъ *багоръ*, *базровый*, *базрянный*, что значитъ, какъ извѣстно, *червленый*, *пурпуровый*, т. е., какъ объяснялъ еще В. И. Даль, не съ огненнымъ (алымъ) отливомъ, а съ едва замѣтною просинью, съ синевою, слѣдовательно, древній византійскій пурпуръ, лиловаго или темно-фіолетоваго оттѣнка (не античный, который былъ коричневымъ). Между тѣмъ, мы знаемъ, что именно пурпуровыми полосами или же вязлами, пурпурною бахромою, отдѣлывали на Востоцѣ каймы одежды, а далѣе, коптскія одежды, въ безчисленныхъ издѣліяхъ, до насъ дошедшихъ, представляютъ какъ разъ всѣ *вошвы* и каймы опять-же изъ пурпура. Поэтому, нѣтъ никакой нужды доказывать, что у насъ въ древней Руси словомъ *бахромы* должны были называть всѣ нашивки и украшенія и особенно коймы пурпураго цвѣта (согласно переѣнѣ въ украшеніяхъ одежды, точнѣе, византійской модѣ, сосредоточившей для цѣлаго ряда «чиновъ» эти украшенія въ коймахъ или обшивкахъ). Какъ обыкновенно бываетъ, сокращенная форма послужила техническимъ наименованіемъ шитаго оплечья, а слово *бахромы* осталось за всякою каймою, притомъ изъ пурпуровыхъ прядей. Такимъ образомъ, «коцъ великій съ бармами», «скорлатное портище сажено съ бармами» имѣетъ уже исключительное значеніе *оплечья* или ожерелья. Но такъ какъ, несмотря на затемнѣніе смысла слова *бармы*, совершавшееся, благодаря сокращенію, все-же чувствовалось, что оно не даетъ настоящаго названія «священному оплечью» — собственно маніацію, то въ позднѣйшихъ документахъ, согласно съ византійскимъ обычаемъ (см. соч. Кодина), прибавляли къ слову барма: «еже есть «діадима», хотя также и отдѣляли: «вѣнецъ, діадиму, бармы» и т. д. А именно, есть одинъ хронографъ, въ которомъ сказано, что Константинъ Великій папѣ Сильвестру «саны царскія даде, еже есть посохъ златъ и вѣнецъ и *фригонъ*, рекше св. бармы». Фригонъ вмѣсто *фригонъ* = *opus phrygium* вышиваніе, затѣмъ главнѣйшія вышивки или *ornatus ex ore Phrygio* — коймы, подола, воротники, также головныя повязки и капюшоны, тюрбаны, башлыки и колпаки, затѣмъ пристежныя оплечья и т. п.

Бахрома (греч. *кроссы*, *коримбы*, лат. *fimbriae*) восходитъ, по своему употребленію, къ глубокой древности и происходитъ съ азіатскаго Востока; бахрома, въ своемъ исходномъ типѣ, подражаетъ прядямъ мѣховой одежды, носимой мѣхомъ внутрь и, вѣроятно, имѣла назначеніемъ первоначально служить для сохраненія тепла, составляя своего рода подбой, теплую мохнатую изнанку для матерій, преимущественно верхнихъ и, потому, плотныхъ или даже двойныхъ. Повсюду на всѣхъ рельефахъ ассиро-халдейскихъ, на памятникахъ Финикіи и Кипра мы видимъ верхнія одежды, окаймленныя тяжелою и густою бахромою, но уже, видимо, служащею только для бордюра одежды, сдѣланной изъ тонкихъ, нерѣдко льняныхъ тканей. У Грековъ бахромы долгое время служили лишь для жреческихъ одеждъ, какъ въ Финикіи и во времена Христа для фарисеевъ, заботливо умножавшихъ «воскрылія (собственно бахрому, каймы, мохры) своихъ одеждъ». Бахрома въ это время уже составляла украшеніе пышныхъ матерій, и пряди или

мохры ея смѣшивались съ мелкими подвѣсками, кисточками, вотолками, цѣпками съ драгоценными камнями, колечками и пр. Такого рода матеріи употреблялись для покрываль, поясовъ, на что находимъ указанія на многихъ памятникахъ древняго искусства, что, въ свою очередь, важно для пониманія варварскихъ украшеній.

Напротивъ того, прототипъ металлическихъ цѣпей съ круглыми медальонами представляется въ позднеримскихъ воинскихъ *фаларахъ*, уздечныхъ бляхахъ, изъ которыхъ вкусъ римской солдатчины сдѣлалъ военный орденъ. Это было знакомъ отличія первоначально для конницы, а затѣмъ долгое время украшеніемъ возницъ, цирковыхъ предводителей. Фалары чаще носились на перевязяхъ, портупяхъ и ремняхъ, такъ или иначе напоминающихъ перевязи конюховъ и возницъ. Наиболее близкій для насъ образецъ представляютъ извѣстныя изображенія трехъ геніоховъ Константинопольскаго цирка, во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора.

Затѣмъ, въ позднѣйшую пору Римской Имперіи устанавливается и типъ шейнаго украшенія изъ круглыхъ бляхъ, носимыхъ на шнурѣ или цѣпи, сначала въ видѣ воинскаго знака отличія, впослѣдствіи вообще знака достоинства, и въ качествѣ такихъ бляхъ употребляются *медальоны* въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. большія вычеканенныя медали, обдѣлываемыя въ золотой или серебряный ободъ, украшаемый филигранью, жемчугомъ, камнями. Арабы усвоили рано тѣже украшенія, замѣнивъ христіанскія эмблемы своими, и разнесли, въ видѣ готовыхъ металлическихъ издѣлій, всюду, куда шла восточная торговля, до Скандинавіи и сѣвера Россіи и крайнихъ предѣловъ мавританскихъ; такимъ образомъ, мы въ народныхъ уборахъ самихъ арабовъ въ Сиріи и Аравіи находимъ цѣпи съ подвѣсными бляхами, и даже подобіями византійской лиліи (крини), двухглавыми птицами, словомъ, все тѣ-же рисунки, какіе находимъ на персидскихъ и византійскихъ подвѣскахъ.

Въ то-же время, около X—XI столѣтій, въ подвѣскахъ происходитъ извѣстный подборъ, а именно, мелкія бляшки болѣе и болѣе теряютъ значеніе амулетовъ, а большіе медальоны перестаютъ играть роль брактеатовъ, но остаются въ видѣ шейнаго украшенія, ожерелій, цѣпей и цѣпочекъ.

Что древнерусскіе конскіе уборы происходили съ Востока,—дѣло понятное само собою. Кисть подъ шею, у переносья, у ремней называлась *морхи*, откуда слово *мохры*, *махровый* и пр.; металлическія подвѣски къ конской уздѣ назывались у насъ въ старину татарскимъ словомъ *решма*, попона въ богатомъ видѣ называлась *чапракъ*, принадлежности сѣдла — *арчакъ*, *тебенекъ*, налучей и колчана — *бенди* и пр. Однако, тутъ-же есть и русскія слова, какъ-то: *лысины* въ значеніи налобника; разнаго рода подвѣски рано стали зваться *наузами*, *наузолъниками*, съ *чекмами* (чеканныя бляшки), *плящинами* и *вотолками*. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что слово *ворворка*, особенно часто употребительное, идетъ, повидимому, изъ Византіи, и оттуда-же *поталы*. Наши конскіе уборы у князей должны были, весьма естественно, подражать пышнымъ византійскимъ церемоніальнымъ сбруямъ, и мы съ особеннымъ интересомъ узнаемъ, что выраженіе *червленая челма* есть только дословный переводъ съ греческаго.

Древняя Россія знала брактеаты и даже употребляла для этого предмета особое слово — *цаты*. Русское *цата*, церковносл. **ЦАТА**, старослав. *сента*, по Миклошичу, зна-

чило: монета; чешское *seta* — золотая монета, польск. *setka* блестя, золотой листъ (т. е. поталь или брактя), малорус. *чатка* — крапина, первоначально — монета, динарий, подвѣсная бляшка, прикладъ къ вѣнцу и пр.; литов. *seta* — пряжка на поясѣ, готское *Kintus*. По древнимъ азбуковникамъ, *цата* = златница, серебряникъ, а въ Тамбовской губ. этимъ именемъ доселѣ называютъ узоры на плечахъ и подолѣ (круглыя нашивки мордовскихъ рубахъ, идущія отъ восточно-сирийскихъ образцовъ VIII—X стол., сохранившихся въ коптскихъ могилахъ), золотыя блестя и пр. По лѣтописи, вел. князь Андрей устроилъ «церковь различными цятами и аспидными цятами» — т. е. облицевалъ стѣны яшмовыми плитами и т. д. Въ Шестодневѣ Иоанна, экзарха Болгарскаго, рукописи 1263 года, такъ описываются знаки княжескаго достоинства и приближенныхъ князя: «кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромъ покладанѣ, *гривну цетаву* на выи носяща и обручи на руку, поясомъ въ лѣрмитомъ поясана и мечь златъ при бедрѣ висещъ; и оба полы его болѣры сѣдеще въ златыхъ гривнахъ и поясахъ». Графъ А. С. Уваровъ, указавъ на ясное отличіе княжеской гривны отъ обыкновенныхъ золотыхъ гривенъ, имѣвшихъ форму обруча, свитаго изъ металлическихъ дровотъ, полагаетъ, что это отличіе заключалось не въ одномъ только богатствѣ украшеній, но и въ особой формѣ этой гривны, и, въ видѣ предположенія, замѣчаетъ, что цатою доселѣ называютъ лунообразную подвѣску на иконахъ, прикрѣпляемую къ оконечностямъ вѣнчиковъ, а что такія подвѣски уже были, видно изъ лѣтописнаго текста подъ 1288 годомъ: «икону списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну златую възложи нань съ женчюгомъ». Словомъ, графъ Уваровъ предполагалъ подъ цатою то, что въ старину называлось *мѣсяца гривенная*, а Греки называли *менискомъ*.

То, что называлось у насъ въ древности *мѣсячными гривнами*, было, очевидно, плоскимъ украшеніемъ шеи изъ листового золота и серебра, съ штампованными рисунками или же гнѣздами камней, сообразно строенію шеи и груди, принявшимъ форму луннаго серпа, обращеннаго къ верху концами, и подвѣшеннымъ или на цѣпочкѣ вокругъ шеи, или на крючкахъ по обѣ стороны груди.

Металлическіе оклады иконъ не только украшались эмалью, финифтью и сканью, чернью, жемчугомъ и камнями, или наложенными золотыми и серебряными дробницами, но и всякаго рода *подвѣсными* уборами: ожерельями или монистами, гривнами, «лунницами» или «мѣсяцами гривенными», цатами, крестами, панагіями, бляхами, цѣпями (золотыми — вклады царей), рясами и пр. Прежде всего въ описяхъ упоминаются, конечно, вѣнцы (нимбы, оглавія), иногда съ «карунами», затѣмъ, послѣ вѣнца, въ описяхъ XVI вѣка, слѣдуетъ *цата*, изрѣдка называемая гривною или гривенкою; это, очевидно, подвѣсная лунница изъ золота, серебра, басменная, съ камнями. У цаты въ «привѣскѣ» упоминается «панагія», панагія съ мощами, иконки рѣзныя. Но цата бываетъ всегда на образѣ одна, а гривенъ много — три, четыре, пять; на 20 иконахъ Деисуса насчитано 84 гривны; гривны часто называются «витыми». Въ «привѣскѣ» упоминаются цѣпи, золотыя, серебряныя, гнутыя, а на нихъ кресты разные или тоже панагіи, если вмѣсто этого не упоминаются «подниси» и «ожерелейца», рясы и пр. Независимо отъ того — серьги, иногда по одной, и по парѣ, съ камнями и «трясочками», «запонки» на плечахъ (фибулы), нарукавники или запястья съ камнями, перстни и кольца.

Поэтому, если мы напр. находимъ на иконѣ подвѣсную (въ видѣ полумѣсяца) металлическую пату и на ней три штампованныхъ кружка съ изображеніемъ Деисуса, то должны эти кружки называть «гривнами».

Въ собственномъ смыслѣ слова, *цѣпь* была всегда служебнымъ предметомъ, приспособленіемъ для связи орнаментальныхъ звеньевъ или для ношенія разныхъ видовъ убранства. Русское слово *цѣпь* выражало собою, издревле, опредѣленное понятіе церемоніальныхъ уборовъ средневѣковой дружины, хотя и замѣнялось также особыми названіями, преимущественно технического значенія. Такъ напр., цѣпь изъ плоскихъ золотыхъ колець, нашитыхъ на атласъ, называлась въ старину «*перевязью*» — «перевязь золота кольчата», или же *окладнемъ* — «окладень золотъ кольцами», но такіе окладни были и сами по себѣ украшеніемъ, такъ какъ въ этихъ золотыхъ цѣпяхъ были звенья, литыя изъ золота, и чеканныя гнѣзда съ алмазами и яхонтами, стало быть, онѣ уже не были простыми служебными цѣпями, но имѣли сами по себѣ декоративное значеніе.

Въ русскихъ кладахъ X—XIII столѣтій встрѣчаются цѣпи служебнаго характера, своею простотою нерѣдко не отвѣчающія драгоцѣнному составу клада, какъ напр. обрывокъ толстой серебряной цѣпи изъ клада, найденнаго въ гор. Черниговѣ, или цѣпь Каневского клада Кіевской губерніи.

Наглавники цѣпей представляютъ обычную форму отлитыхъ въ серебрѣ звѣриныхъ головъ: узенькая головка, съ прижатыми къ ней ушами, съ узкими глазами, оканчивается небольшимъ ртомъ, съ характерно оттопыренной верхней губою; во рту продѣлано круглое отверстіе для продѣванія толстаго дрота (см. рис. 178).

Употребленіе кольчатыхъ цѣпей и цѣпочекъ прослѣдить гораздо труднѣе, чѣмъ орнаментальное развитіе церемоніальныхъ цѣпей: предметы служебнаго характера не удостоиваются ни изображенія въ рисунокѣ, ни названія. Но, согласно съ общимъ убранствомъ шеи и груди у византійцевъ и вообще на христіанскомъ востоцѣ, мы находимъ обильное примѣненіе цѣпи къ личному убору именно у славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ соприкосновеніе съ Византією и греческимъ востокомъ. Мы находимъ далѣе подвѣшивавшіяся къ поясу кольчатая цѣпи, съ бубенцами, и притомъ изъ серебра, въ народныхъ уборахъ Кандіи, Родоса и др.

Массивность нашихъ цѣпей, независимо отъ общаго характера кладовъ, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ личныхъ уборовъ, а предметами, на нихъ носимыми, были, по всей вѣроятности, большіе наперсные кресты и даже большіе «тѣльники корсунскіе», складные, литые изъ массивной бронзы и заключавшіе внутри складня мощи, частицы артоса.

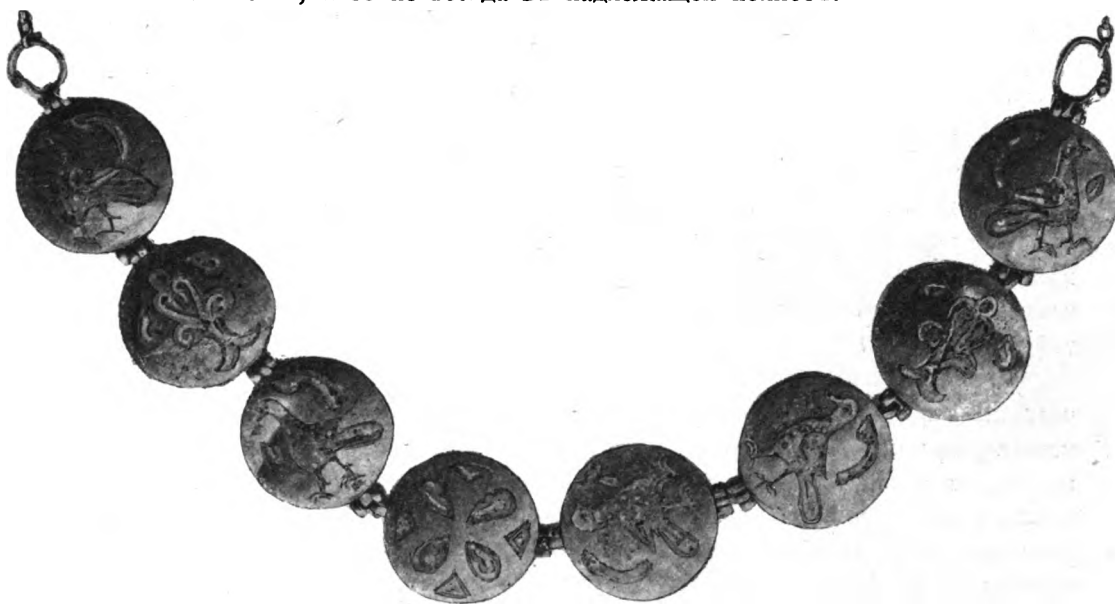
Изъ уваженія къ нему самому и къ святынь, въ немъ заключенной, крестъ не зарывали въ кладѣ съ прочими драгоцѣнностями, а сохраняли при себѣ. О наперсныхъ крестахъ говорятъ и лѣтописи: въ 1147 году народъ «бьоче Михаила (князя), отторгоша Крестъ на немъ и съ чепми, а въ немъ гривна золота». В. К. Иоаннъ Иоанновичъ отказалъ сыну «чепь колчату великую съ крестомъ, враную, огнивчатую съ кресты». Въ 1213 г. убили Михаила Скулу: «главу его сусѣкоша, трои чеи сняше золоты».

Отсюда, затѣмъ, мы получаемъ и прямое объясненіе того, почему извѣстные «корсунскіе кресты» изъ золота, серебра и бронзы, не будучи церковною утварью

и исключительно принадлежностью духовнаго сословія, были такъ распростра-
нены въ Греціи и у насъ (повидимому, не позже XIV вѣка) и дошли до насъ
въ такомъ сравнительно большомъ числѣ, являясь весьма обычнымъ предметомъ
личнаго убора.

Въ царскую эпоху (которая, замѣтимъ въ скобкахъ, по своимъ обычаямъ
представляетъ уже сліяніе поздневизантійскихъ церемоній съ обрядами велико-
княжескаго двора) цѣпи съ крестами, какъ бы ни были онѣ художественно укра-
шены, «вранья», т. е. плетенныя, «кольчатыя», «сканныя аравійскаго злата», по-
добная той, которая и понынѣ хранится въ Оружейной Палатѣ, продолжали оста-
ваться служебными, а не самостоятельными украшениями.

Церемониальныя цѣпи встрѣчены доселѣ въ четырехъ, пяти кладахъ, исклю-
чительно Кіевскихъ, и то не всегда въ надлежащей полнотѣ.

196. Цѣпь изъ эмальированныхъ бляшекъ въ кладѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ.

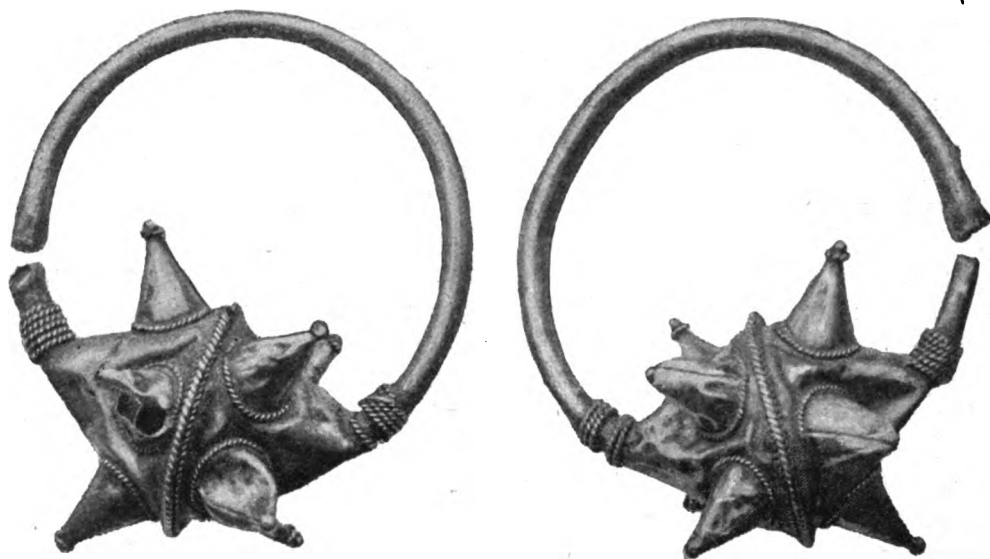
Цѣпь Михайловскаго клада (рис. 196), состоитъ изъ 20 медальоновъ,
соединенныхъ на плечахъ двумя цѣпочками: судя по величинѣ, это явно цѣпь
женская. Цѣпь превосходно сохранилась, такъ что уцѣлѣли инныя заклепки шар-
нировъ и колечки цѣпочекъ, которыми онѣ застегивались. Рисунки эмалевыхъ
фигуръ этой цѣпи могутъ считаться наиболѣе типичными для издѣлій южно-
русскихъ эмальеровъ. Сравнительно съ византійскими оригиналами, здѣсь много
недостатковъ: и въ фигурахъ, слишкомъ крупныхъ и тяжелыхъ, и въ краскахъ,
слишкомъ рѣзкихъ. Рисунки бляшекъ представляютъ или птицъ, или орнамен-
тальные щитки. Птицы — голуби, идутъ или справа налѣво или обратно, смотря
по тому, на какой сторонѣ груди эти бляшки приходятся, а смотрятъ птицы всегда
внутри, т. е. по направленію къ лицу, носящему цѣпь. Имѣетъ-ли это особое сим-
волическое значеніе, сказать трудно, хотя и вѣроятно, такъ какъ близость и взглядъ
птицъ по направленію къ человѣку почитался знакомъ здоровья и благополучія.

Цѣпь кіевскаго клада, происходящаго съ Большой Житомирской улицы, также великолѣпна и хорошо сохранилась, какъ и цѣпь Михайловскаго клада. Она состоитъ изъ 20 медальоновъ или бляшекъ, каждая бляшка устроена изъ двухъ пластинокъ, и будучи спаяна по краямъ при помощи ленты или полосы, остается внутри полою. Бляшки сцѣпляются между собою помощью подвижныхъ шарнировъ, но въ двухъ мѣстахъ онѣ соединяются посредствомъ золотыхъ цѣпочекъ, укрѣпленныхъ за маленькое сережное колечко. Очевидно, эти два мѣста сцѣпленія приходятся на обоихъ плечахъ, такъ какъ именно здѣсь цѣпь изъ бляшекъ перегибается, и не будь этихъ цѣпочекъ — бляшки лежали бы здѣсь горбомъ, подымая всю остальную цѣпь.

Въ Московской Руси, при вѣнчаніи, было въ обычаѣ возлагать на царя цѣпь *посль Херувимской пѣсни*, и у насъ давно сопоставляли этотъ обычай съ возложеніемъ въ алтарѣ на греческаго императора, съ наступленіемъ херувимской пѣсни, священной фелони. Но фелонь явно замѣнила въ поздней Византіи *оплечье* или *маніакій*, а шитое оплечье, въ свою очередь, заступило мѣсто древняго металлическаго *маніака*, или гривны (*torques*), которую варварскія дружины возлагали на своего «императора», иногда даже въ циркѣ, подымая его надъ войсками, на щитѣ. Самое любопытное соотвѣтствіе церковной пѣсни и древняго народнаго акта выражено было именно воинскими эмблемами—гривною, цѣпью, оплечьемъ и фелонью или пенулою, т. е. колоколообразною одеждою съ капюшономъ. И потому, и русскій, и западный обрядъ ведутъ свое начало отъ той-же Византіи.

Церемониальныя или почетныя шейныя цѣпи древней Руси ведутъ свое начало отъ тѣхъ ожерелій, которыя были нѣкогда неизмѣннымъ уборомъ воинственнаго варвара и составлялись не изъ бусъ или зеренъ жемчуга и драгоценныхъ камней, какъ ожерелья женскія, но изъ разнообразныхъ по величинѣ и формѣ бляхъ, медальоновъ, подвѣсокъ и талисмановъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода бляшки и подвѣски носились на матерчатомъ шнурѣ, который безслѣдно истлѣваетъ въ могилѣ, вслѣдствіе чего часто является вопросомъ, какимъ образомъ устраивались иные уборы и предметы украшенія. Очевидно также, что подобнаго рода украшенія часто могли имѣть временный характеръ, т. е. надѣваться въ опредѣленныхъ случаяхъ, тогда какъ другія, какъ, напр., кресты у христіанъ и талисманы у мусульманъ, на металлическихъ цѣпочкахъ, носились постоянно. Цѣпи, браслеты и ожерелья были обычными подарками варварамъ отъ византійскаго правительства въ V—VI вѣкахъ. Длиныя гремящія цѣпи были, вообще, главнымъ украшеніемъ варварскихъ костюмовъ, выработывавшихся въ періодъ отъ III по V столѣтіе послѣ Р. Х. и перенимавшихся пестрымъ составомъ византійскихъ армій. Многія цѣпи и цѣпочки были только деталью общихъ атрибутовъ одежды — фибулъ, аграфовъ, діадемъ, портупей, поясовъ и пр., но отъ нихъ слѣдуетъ отличать цѣпи, ставшія рано принадлежностью воинскихъ костюмовъ; эти цѣпи или, вѣрнѣе, шнуры, составлялись прежде изъ раковинъ, кружковъ, зубовъ вепря, шариковъ горнаго хрусталя, наконецъ, изъ монетъ, а со времени знакомства варваровъ съ греко-романскимъ міромъ, украшались таковаго-же рода варварски-причудливыми наборами, но уже изъ дорогихъ металловъ.

Русскія серьи древнѣйшаго періода сводятся къ немногимъ основнымъ типамъ, но, по крайнему разнообразію вариантовъ, по богатству, художественному достоинству и общему историческому интересу орнаментаціи, отъ грубо-варварской до высшей и утонченной, отъ простого проволочнаго кольца до рос-

197. Изъ с. Воздвиженскаго, Ставропольской губ., на р. Манычѣ.

писи тончайшими перегородчатыми эмальями, представляютъ, конечно, интереснѣйшій образецъ народнаго украшенія изъ всѣхъ европейскихъ древностей. Наша эмалевая серьга въ формѣ колодочки или колта не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ народныхъ украшеніяхъ средневѣковой Европы и можетъ быть сопоставлена только съ народными греческими уборами: необыкновенно простая и изящная форма этой серьги, цѣлесообразность и красота эмалевыхъ рисунковъ, ее покрывающихъ, внутреннее содержаніе самыхъ изображеній, — все дѣлаетъ изъ предмета варварской роскоши замѣчательный памятникъ искусства. Не даромъ этотъ уборъ происходитъ изъ среды греко-восточнаго искусства, сохранявшаго долгое время свою жизнь въ восточномъ углу Средиземнаго моря.

Большинство серегъ, по своей величинѣ и тяжести, не могли быть носимы въ ухѣ: толстая дужка ихъ не назначалась для продѣванія въ мочку уха, и была снабжаема на концѣ колечкомъ для закрѣпленія въ шарнирѣ. Большинство ушныхъ подвѣсокъ въ курганныхъ древностяхъ находятъ или возлѣ головы или на головахъ покойниковъ, продѣтыми въ остатки кожи отъ головныхъ покрывалъ, мѣховыхъ шапочекъ и пр.; встрѣчаются онѣ также продѣтыми въ ткани, или въ волосы, почему и можно инья серьги называть старымъ русскимъ терминомъ *заушницъ*, инья же *наушницами*, такъ какъ онѣ должны были прикрывать собою уши, свѣшиваясь съ кики, или же, наконецъ, *височными кольцами*, которыя нацѣплялись на ухо, такъ что дужка огибала ушную раковину (подобно нѣкоторымъ серьгамъ Кавказа и Индіи).

Такъ наз. височныя кольца представляютъ тонкое, гладкое кольцо, согнутое иногда спиралью, изъ проволоки, обыкновенно бронзовой, въ поперечникѣ отъ 5 до 10 сантим.; оно прицѣплялось на ухѣ или чаще надъ ухомъ. Въ могильникѣ Корчевскаго у., Тверской губ., у с. Заборья, кольца встрѣчались по три разомъ, иногда даже съ обычною серьгою о трехъ бусахъ. Въ могильникѣ Рузскаго уѣзда, Московской губ., кольца были большія и на нихъ были надѣты куски серебра. Обыкновенно височное кольцо расплющивается въ трехъ-пяти мѣстахъ, и такіе ромбическіе щитки, украшенные наколомъ, представляютъ подобія бусъ, мѣсто которыхъ они заступаютъ, въ такой плоской формѣ, которая позволяетъ прижимать головной покровъ на вискахъ. Такія кольца находятъ во множествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, Петербургской, Новгородской (с. Косицкое), Тверской, Ярославской, Калужской и Смоленской губерніяхъ (см. рис. 42 и 43). Конечный ромбикъ прикрываетъ острый конецъ кольца, продѣвавшася въ ткань; но такъ какъ найдена пара колець, соединенныхъ цѣпочкою изъ пяти звеньевъ, то можно думать, что эта пара носилась по обѣ стороны уха. Въ кольцо, найденное въ Мосальскомъ у., Калужской губ., продѣты двѣ серьги о 7 лопастяхъ, висѣвшія, стало быть, тоже по обѣ стороны уха.

Прототипъ височнаго кольца найденъ въ Венгріи и придунайскихъ древностяхъ, гдѣ встрѣчаются большія ушныя кольца съ ромбическимъ щиткомъ по срединѣ, который, приходясь противъ ушной раковины, очевидно, составляетъ лицевую сторону серьги: этотъ ромбикъ происходитъ отъ варварской утровки позднеримскихъ серегъ съ накладною лицевой бляшкою. Любопытно сравнить съ височными кольцами, настойчиво украшаемыми или бусою, или подвѣскою, или даже серьгою, индійскія ушныя кольца, охватывающія ухо, всегда также снабженныя серьгою, подвѣшенною на нихъ внизу, подъ ухомъ.

Серьги въ видѣ проволочнаго колечка съ насаженными металлическими бусами (рис. 198) составляютъ обычную форму: онѣ носились въ Южной Россіи—

198. Серьга изъ В. Болгаръ.

издревле, въ Средней — не ранѣе второй половины XI вѣка, въ Восточной — еще позднѣе. Источники типа могутъ быть пока указаны въ Херсонесѣ, въ могильникахъ Кавказа, древностяхъ Венгріи, но даже среди древностей мавританской Испаніи можно встрѣтить серьгу съ тремя бусами, которую мы можемъ сблизить съ кievскимъ типомъ: въ Мадридскомъ музеѣ сохраняются серьги Изабеллы Католической о трехъ бусахъ; только, здѣсь двѣ боковыя бусы боченочкомъ, и потому отличаются отъ кievской серьги, на которой бусы всегда круглыя и одинаковыя. Восточныя серьги имѣютъ бусы гладкія — каточ-

комъ или бубенчиками, а кievскія — или ажурныя, или украшены сканью. Металлическія бусы заступили мѣсто жемчужинъ, затѣмъ стеклянныхъ бусъ; употребленіе стеклянныхъ бусъ было прервано незадолго до Арабовъ. Бусы укрѣпляются на мѣстѣ помощью скани, навитой на золотую или серебряную проволоку. Золотыя серьги

найлены въ значительномъ количествѣ въ кладахъ, но также и въ городищѣ Княжья Гора, Черкаскаго у., Кіевской губ. Серебряныя найлены во множествѣ въ кладахъ. Рисунокъ сканей и прорѣзныхъ бусинъ весьма разнообразенъ, но сводится къ основному типу, подражающему въ металлѣ гнѣздамъ драгоценныхъ камней, или саженому жемчугу, или ячейкамъ, но безъ зерни; украшенія крохотными напаянными зернами и бисеринками въ серебряныхъ серьгахъ не встрѣчаются. Серебряныя серьги изъ курганныхъ древностей встрѣчены въ мерянскихъ могильникахъ, въ Тверской, Ярославской и др. губерніяхъ.

Оригинальный типъ серегъ представляютъ серьги, которыя можно называть и считать *половецкими* (рис. 197): толстый серебряный или золотой (съ сильнымъ алляжемъ и съ цвѣтомъ бѣлаго золота) пруть или дротъ согнутъ въ широкое кольцо, а иногда это даже тонкая листовая трубочка, полая внутри, или съ желѣзнымъ дротомъ, покрытымъ золотомъ; кольцо не сомкнуто, и на нижней части его насажена большая бусина, покрытая острыми колпачками, коническими рогами, отъ восьми и болѣе, съ бисеринками на верху и веревочкою вокругъ основанія; буса дутая, гладкая, боченкомъ, и только по концамъ укрѣплена на дротѣ сканью. Серьга носилась или надъ ухомъ, вдѣтою въ кику, или въ косѣ внизу подъ ушами, или закладывалась за уши. По своей тяжести, это также характерное украшеніе женщины кочеваго племени. Прототипъ этихъ серегъ находимъ въ Херсонесѣ, гдѣ среди находокъ уже встрѣчена пара серебряныхъ золоченыхъ серегъ, изъ дрота, съ одною бусою, украшенною конусами, но тамъ эти конусы ясно воспроизводятъ форму жемчужины, сидящей въ гнѣздѣ, въ ячѣйкѣ, и укрѣпленной продѣтымъ насквозь шпенькомъ съ насаженнымъ бисеромъ сверху. Таково собственно простое основаніе неуклюже громоздкой и тяжелой серьги, кажущейся на первый взглядъ совсѣмъ непонятною со своими коническими колпачками. Между крупными серебряными серьгами изъ Черновицъ и Звенигорода въ Австріи, а также изъ Старцова (въ Вѣнскомъ Истор. Музеѣ, залъ 14, витр. 2), кромѣ обыкновеннаго кольца съ бусою, находимъ также бусу съ колпачками и парю мелкихъ бусъ по сторонамъ большой.

Половецкія серьги, судя по находкамъ, относятся къ XII—XIII стол. и найлены доселѣ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Подольской губерніи, Ямпольскомъ уѣздѣ, въ Кіевѣ, Черкасахъ, ст. Юзовѣ, Бахмачскаго у., Роднѣ, с. Павловкѣ, Аккерманскаго у., и Ставропольской губ. въ с. Воздвиженьѣ, на р. Манычѣ.

Замѣчательную разновидность представляютъ серьги Вятско-Пермскаго края и западныхъ губерній (Волынской, Калишской и др.), съ одною большою бусиною, богато украшенною сканными орнаментами и снабженною подвѣсками. Изъ Вятской губ. извѣстна уже пара прекрасныхъ золотыхъ серегъ въ собраніи Первухина, съ подвѣсными бубенцами; еще лучше золотая серьга изъ Билярска и Спасска, Казанской губ., съ подвѣшенными бусинами къ средней бусѣ: но внутри кольца, на этотъ разъ особенно большого, помѣщена сканная фигура птички (см. рис. 124). Птица на серьгѣ, какъ-бы поющая возлѣ уха, встрѣчается и въ античныхъ древностяхъ, въ могильникахъ Кавказа, на русско-византійскихъ серьгахъ, на сережныхъ лунницахъ изъ коптскихъ могилъ, изъ Тарса, Сиріи, Венгріи, Пермскихъ древностей и пр.

Типъ серьги западныхъ губерній представляется всего лучше Волынскимъ кладомъ 1884 г. (Имп. Эрмитажъ): нижняя треть большого проволочнаго кольца этихъ серегъ, густо покрытая сканью и зернью, представляетъ подобіе большой жемчужины въ богатой оправѣ, какъ-бы подвижной, качающейся на коромыслѣ.

Особый типъ составляютъ серьги съ бусою, насаженною на отогнутый внизъ конецъ кольца, находимыя въ обилии въ могильникахъ сѣвернаго Кавказа болѣе старой эпохи (ср. рис. 45). Именно этого рода простѣйшую серьгу имѣлъ въ ухѣ Святославъ, по словамъ Льва Діакона, когда явился на свиданіе съ І. Цимисхіемъ. Въ В. Болгарахъ найдена такая золотая серьга, безъ отвалившейся отъ нея жемчужины; серебряныя серьги этого рода находятъ въ Петербургской, Московской, Рязанской губ.; бусы бывають каменные, стекляныя, горнаго хрустала; есть и металлическія имитаціи такихъ бусъ; золотыя серьги этого рода, VI—VII вѣка, найдены въ Чми, на Кавказѣ.

Убогое подражаніе отдаленнымъ золотымъ образцамъ представляютъ разокнутыя бронзовыя кольца съ многограннымъ наглавникомъ на концѣ, въ Минскихъ находкахъ и въ Уфимской губ.; иногда конецъ бываетъ просто расплющенъ въ видѣ полумѣсяца, но часто эта форма переходитъ въ типъ обычной лунницы; украшеніемъ служатъ разныя подвѣски, какъ напр. на серьгахъ Смоленской губ., Муромскаго у., Касимовскаго и др.

Въ одномъ пока образцѣ пары золотыхъ серегъ, найденныхъ въ Новоросіи, воспроизведена древняя форма лунницы, обращенной рогами серпа вверхъ и

199. Золотая эмальированная пара серегъ византійской работы въ собраніи И. П. Балашова.

украшенной прорѣзнымъ рисункомъ двухъ птицъ по сторонамъ пальметки или сосуда, но эта историческая форма участвовала, какъ увидимъ, въ образованіи эмалевыхъ подвѣсныхъ колтовъ; извѣстно грубое подражаніе этой формѣ въ одной серьгѣ изъ В. Болгарь.

Характерный типъ русскихъ золотыхъ серегъ имѣетъ видъ колодочекъ съ эмалевыми украшеніями и фигурными изображеніями, употреблявшихся почти исключительно на югѣ въ періодъ XI—XIII вѣковъ, но затѣмъ вызвавшихъ подражанія въ серебрѣ въ южной и сѣверной Россіи въ XIII—XV вѣкахъ.

Серьги-колодочки состояются изъ двухъ выпуклыхъ, спаянныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; широкая кайма на мѣстѣ спайки снабжалась скобочками, черезъ которыя продѣвалась проволока съ жемчужною нитью; подъ верхнею дужкою всегда дѣлается въ обоихъ щиткахъ желобчатая выемка, а въ ней узкая щель, имѣющая очертаніе чечевицы, позволяющая вкладывать внутрь что-либо мягкое, напр. кусокъ хлопка; щель всегда была открытая и никогда надъ нею не было крышки, ни въ золотыхъ оригиналахъ, ни въ серебряныхъ подражаніяхъ; внутрь серегъ запихивался кусокъ хлопка, напитаннаго душистымъ масломъ, и такъ какъ серьга не продѣвалась въ ухо, но носилась около уха, у волосъ, то постоянно передавала имъ запахъ духовъ.

200. Серьга изъ клада Лѣскова.

Нагляднымъ доказательствомъ такого назначенія серегъ колодочкою является ихъ византійскій вариантъ изъ собранія И. П. Балашова въ С.-Петербургѣ, приобретенный имъ въ Константинополь (рис. 199). Византійскій оригиналъ происходитъ отъ образцовъ культурныхъ,

201. Серьга изъ Анапы.

а русскій—отъ варварскихъ. Средина византійскихъ серегъ представляетъ собою мѣшочекъ, похожій на выдолбленную жемчужину въ оправѣ изъ золотого ободка. Съ лицевой стороны колодочка имѣетъ щитокъ, съ эмальрованными орнаментами, причѣмъ щитокъ имѣетъ видъ лунницы. Съ оборотной стороны видимъ прорѣзную рѣшеточку изъ плетения филигранью, съ золотымъ зерномъ въ каждой петелькѣ. Именно эта рѣшеточка, прикрывающая душистый хлопокъ, и назначена была для того, чтобы духи испарялись въ волосахъ, передавая имъ свой ароматъ.

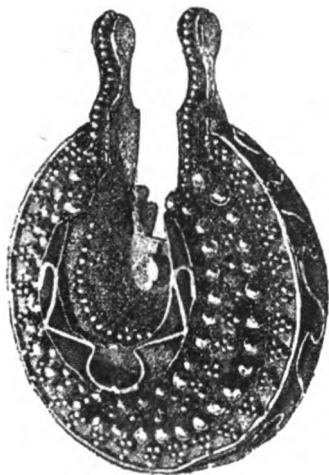
Общій прототипъ такихъ серегъ принадлежитъ Сиріи и представляетъ серьгу въ видѣ калачика, съ утолщеною нижнею частью: эта форма натуральна въ издѣліяхъ изъ стекла, если не прямо отъ нихъ получила свое существованіе, но разъ напавъ на эту

столь простую форму, мастера всячески стали разнообразить ее. Серьга приняла видъ полулунія, или лунницы, виннаго мѣха, мѣшочка, съ разными имитированными способами закупориванія его отверстій по концамъ.

Русскій типъ происходитъ не отъ античнаго (= византійскаго) образца, но уже отъ восточно-варварскаго его варианта: прежде мы имѣли одну та-

кую восточную пару серегъ изъ Кайбалы, а въ послѣдніе годы найдено еще нѣсколько паръ.

Пара подвѣсокъ крупнаго размѣра изъ бѣловатаго золота, происходящая изъ колоніи Михаэльсфельдъ (рис. 201), близъ Анапы, Кубанской области, должна быть названа на первомъ мѣстѣ, потому что она всѣхъ ближе къ древнему типу. Впрочемъ, и здѣсь мы не находимъ въ формѣ подвѣски ея назначенія служить мѣшечкомъ для душистаго клочка хлопчатой бумаги: на это назначеніе указываетъ, но его уже явно не выполняетъ средняя выемка, или углубленный лоточекъ, украшенный, какъ будто застежною пуговкою, гнѣздомъ для драгоценнаго камня.

202. Серьга изъ Симбирской губерніи.

Большая (рис. 202) серьга — колтъ, изъ Симбирской губ., представляетъ дружку извѣстной серьги изъ Кабайлы по типу и деталямъ. Ея оригинальный видъ нѣкогда усложнялся жемчужинами, сидѣвшими внутри поддужной выемки, какъ видно изъ дырочки, чрезъ которую пропущенъ былъ шпенецъ; довольно небрежно припаянная зернь, въ видѣ жемчужныхъ пронизокъ и бисерныхъ треугольничковъ, придаетъ ей характеръ погребальнаго убора, исполненнаго спѣшно, для случая.

Примѣромъ позднѣйшаго типа серебряныхъ колтовъ можетъ служить также пара серегъ изъ Курской губ.: здѣсь грубое, условное изображеніе наколомъ животнаго едва отдѣляется отъ фона, заполненнаго чернью; рисунокъ не понятъ, особенно хвостъ, завернутый вокругъ ноги звѣря. Несравненно выше по исполненію пара колтовъ изъ окрестностей Смѣлы, въ собраніи графа А. А. Бобринскаго и другая находка въ Курскомъ кладѣ.

Въ Румянцовскомъ Музеѣ, въ собраніи графа Румянцова, есть три бронзовые пластинки, съ оборота плоскія, а съ лицевой стороны выпуклыя, съ вырѣзаннымъ на нихъ изображеніемъ звѣря и птицы; рисунокъ выполненъ посредствомъ углубленія фона, и видно, что эти пластинки должны были служить формою для чеканки или отливки серебряныхъ кружковъ, составлявшихъ лицевую часть колта. Однако, пока колтовъ съ такимъ именно рисункомъ не найдено.

Серебряная серьга, найденная въ Болгарахъ (Оруж. Палата, № 3547), представляетъ грубое подражаніе древнему (VI—VII в.) типу колта, еще уцѣлѣвшему до X—XII стол. на Волгѣ. Наконецъ, сюда-же примыкаетъ типъ плоскихъ сережекъ, имѣющихъ видъ калачика, изъ расплющенной серебряной проволоки, находимыхъ во множествѣ въ приволжскихъ могильникахъ.

Рядомъ разнообразныхъ варіацій, которыя даже прослѣдить пока невозможно, сережная подвѣска достигла и того типа, который принято нынѣ называть «Московскою серьгою» въ курганныхъ древностяхъ (см. рис. 134, 181 и др.). Это — серьга, въ видѣ лунницы, или плоскаго щитка, имѣющаго общую форму

подвѣсной лунницы съ рогами, обращенными вверхъ и превращающимися въ плоскую дужку; но самая лунница развивается по окружности рядъ плоскихъ лопастей, числомъ до семи, которыя, видимо, заступаютъ мѣсто подвѣсныхъ петаловъ, колокольцовъ или даже тѣхъ жемчужинъ, подобія которыхъ на короткихъ шпенькахъ встрѣчаются на колтѣ. Наибольшее число этихъ серегъ найдено въ Московскихъ могильникахъ, напр. у с. Боброва, Звенигородскаго у., въ самомъ Московскомъ Кремлѣ при постройкѣ Большого Дворца, но также и въ мерянскихъ мѣстностяхъ, въ Ярославской губ., Углицкомъ у., у дер. Василѣвой, Мосальскаго уѣзда, Калужской губ., въ Смоленской губ., близъ Юхнова, и у г. Бѣлева, Тульской губ. Судя по инымъ находкамъ, эти украшенія носились на головѣ продѣтыми въ кожаная части матерчатыхъ головныхъ уборовъ, и такія серьги небольшого размѣра носились по нѣскольку разомъ.

Если мы взглянемъ на орнаментацию простѣйшаго, собственно «московскаго» типа серьги, взявъ за образецъ экземпляръ изъ с. Боброва, Звенигородскаго у. (рис. 110), то увидимъ, что это тотъ-же щитокъ колта, имѣющій форму лунницы, съ дужкою, у которой даже, по традиціи, воспроизведенъ (только сбоку) замочный шарниръ въ видѣ колечка; зубчики и декоративный бордюръ, исполнявшійся прежде сканью, представляетъ теперь насѣчку; семь лепестковъ въ сущности замѣняютъ крупныя жемчужины, саженыя на спняхъ вокругъ щитка, но походятъ скорѣе на матерчатая кисти, которымъ, очевидно, подражалъ мастеръ. Въмѣсто семи лопастей другая пара серегъ изъ с. Богдановки представляетъ только пять, а въ г. Бѣлевѣ найдено тринадцать серегъ съ тремя лопастями; верхъ у нихъ состоитъ изъ ряда прорѣзныхъ колечекъ, которыя такъ очевидно соотвѣтствуютъ чешуйчатымъ имбрикаціямъ золотого колта, византійской работы X—XI вѣка въ собраніи И. П. Балашова въ Петербургѣ (рис. 199), что могутъ служить указаніемъ принадлежности «московскаго» типа къ XII вѣку или второй половинѣ XI вѣка. Лунница здѣсь сѣзвилась до узенькаго полулунія, обозначеннаго насѣченнымъ бордюромъ; но любопытно, что орнаментация каймы сохранилась въ видѣ ряда прорѣзныхъ колечекъ. Разница сравнительно съ исходнымъ типомъ заключается лишь въ орнаментальномъ придаткѣ подъ дужкою двухъ кониковъ или какихъ-либо другихъ двухъ звѣрей.

Подобныя серьги, отлитыя изъ бронзы или металлическаго бѣлаго сплава, всегда малаго размѣра, толще, и болѣе подходятъ уже не къ золотымъ колтамъ, а къ маленькимъ золотымъ серьгамъ-лунницамъ сирійскаго типа: таковы сережки изъ Мосальскаго у., Калужской губ., или Бѣльскаго у., Смоленской губ. Часто серьга принимаетъ почти звѣздчатую форму, какъ напр. въ мерянскихъ могилахъ, въ Зарайскомъ у., Рязанской губ. и др.

Перстни встрѣчены во многихъ кіевскихъ кладахъ, какъ-то: въ кладѣ Лѣскова перстень со львомъ, въ кладѣ Есикорскаго шесть серебряныхъ перстней съ рѣзными крестиками, одинъ также со львомъ, и одно кольцо съ камнемъ; въ усадьбѣ Гребеновскаго — золотой перстень съ изображеніемъ архангела и пр.; на русскомъ сѣверѣ перстни встрѣчаются *очень рѣдко*, только въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года перстень имѣетъ особенную форму. На Востокѣ, въ частности на Волгѣ и Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ обильны кольца съ камнями,

кораллами, но отсутствуют перстни съ печатками. Рядъ серебряныхъ перстней съ печатками, скорѣе печатей, долженъ былъ появиться въ древней Руси, вмѣстѣ съ грамотностью, торговыми договорами и документами, словомъ съ греческою культурою, и въ Кіевской Руси, конечно, по преимуществу.

203. Перстень
изъ Кіевскихъ
находокъ.

Большинство перстней представляетъ гладкое кольцо, съ напаянной плоскою печаткою: круглой, квадратной, крестообразной и ромбоидальной формы; внутри щитка исполненъ рѣзбою крестъ, монограмма, или оставлено поле, чтобы вырѣзать на немъ какое либо изображеніе.

Золотые перстни очень рѣдки въ могильникахъ Россіи. Золотой перстень изъ Черниговскаго уѣзда, села Сѣднева, изъ полоски, образецъ базарныхъ подражаній дорогого перстня: полоска разбита въ видѣ лиліи, ея листья охватываютъ цвѣтокъ. Соотвѣтственно малой грамотности древней Руси, чѣмъ выше на сѣверъ отъ Кіева, тѣмъ чаще находимъ серебряные перстни съ орнаментальными печатками, исполненными уже не рѣзбою, вглубь, а чернью, на дутыхъ щиткахъ: одинъ перстень Калужской губ. представляетъ птицу, другой — фантастическаго звѣря.

Изъ Болгаръ добыто много перстней изъ бронзы, нерѣдко изъ золота; эти перстни легко узнать по ихъ орнаментациіи или арабскими надписями, или разводами арабскаго характера, но выполненными посредствомъ золотыхъ перегородочекъ, положенныхъ на ребро и припаянныхъ ко дну.

Одною изъ любопытнѣйшихъ формъ древне-русскаго *головного и шейнаго убора* являются *низки* изъ серебряныхъ подвѣсныхъ рясенъ въ формѣ лиліи; эти бляшки нанизываются на шнуръ, раздѣляются серебряными бусами и образуютъ повязку, налагаемую на лобъ. Форма происходитъ отъ византійскихъ вѣнцовъ и повязокъ, набравшихся изъ лилій или криновъ (см. рис. 168).

Полевая лилія (кринъ — дикая красная лилія, въ отличіе отъ бѣлой, садовой лиліи, носившей у грековъ названіе *лиріонъ*) въ извѣстномъ евангельскомъ текстѣ (Матѣ. VI, 28—9) является образомъ естественной красоты, стоящей выше всякихъ искусственныхъ украшеній: «и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». Кринъ покрываетъ пустыри, придорожья, руины въ Сиріи и Палестинѣ, наряду съ сорною травою, и цвѣтетъ послѣ періода дождей, разомъ покрывая яркою зеленью и красными пятнами самую безплодную мѣста; если только въ нихъ простояла нѣкоторое время влага, онъ развертываетъ быстро два крупныхъ отвислыхъ листа, а затѣмъ двѣ пары листьевъ по сторонамъ краснаго бутона, поднимающагося изъ середины. Согласно съ этимъ, кринъ въ искусствѣ началъ играть роль на древнемъ востокѣ, и въ римскую эпоху въ памятникахъ восточнаго происхожденія, почти исключительно при пластическомъ изображеніи поля, пустыря, тогда какъ бѣлая лилія являлась, на примѣръ, эмблемою чистой Аѳины и получила весьма важное значеніе въ христіанскомъ западномъ искусствѣ позднѣйшаго времени по своимъ отношеніямъ символическаго характера къ Благовѣщенію и Дѣвѣ Маріи. Кринъ господствуетъ въ греко-восточномъ искусствѣ и становится вмѣстѣ съ его формами достояніемъ варвар-

скихъ уборовъ. Такъ, въ Люцинѣ мы встрѣчаемъ кринъ въ поясномъ уборѣ; изъ той-же схемы составлены подвѣски народныхъ уборовъ востока.

Въ русскихъкладахъ мы встрѣчаемъ кринъ: въ орнаментациі крестовъ и крестиковъ, въ украшеніяхъ эмалевыхъ бляшекъ, и наконецъ въ видѣ ряда низокъ изъ позолоченаго серебра, составлявшихъ ожерелье или украшеніе головного убора (рис. 168) и найденныхъ въ Кіевѣ.

Но важнѣйшее для насъ употребленіе крина представляется вѣнцами, головными повязками, которыя легли въ основу всякаго рода *вѣнечныхъ* украшеній, верхнихъ фризовъ, уборовъ на вѣнцахъ русскихъ иконъ и пр.

204. Фибула изъ южнаго Приладожья.

Фибула или застежка, прикрѣпляемая при помощи иглы, пропущенной въ ткань одежды, обыкновенно верхней, далеко не играетъ той роли въ русскихъ древностяхъ, какую съ древнѣйшихъ временъ эта вещь имѣла на германо-римскомъ западѣ. Причину этого слѣдуетъ искать, прежде всего, въ характерѣ восточныхъ верхнихъ одеждъ, кафтановъ, шубъ, опашней изъ тяжелыхъ, толстыхъ, непроницаемыхъ для иглы матерій, а затѣмъ въ установившемся обычаѣ. Фибулъ не было вовсе на древнемъ Востокѣ, до Грековъ; ихъ вовсе не найдено въ Микенахъ, въ восточной половинѣ Европейской Россіи, а гдѣ фибула встрѣчается, въ остальной половинѣ, тамъ она постоянно носитъ опредѣленный характеръ вещи чуждой, заносной, по которой можно заключать о существованіи сношеній съ Западомъ. На Западѣ фибула постоянно сопровождаетъ всѣ находки и послѣдовательно мѣняетъ свои формы, типы, даже моды, такъ что служитъ, наравнѣ съ монетами, главнымъ указателемъ эпохи, торговыхъ сношеній, народныхъ передвиженій; появленіе нѣсколькихъ экземпляровъ римской провинціальной или готской фибулы среди вещей, относящихся иногда къ гораздо позднѣйшему времени, въ древностяхъ Россіи не имѣетъ вовсе такого значенія. Не даромъ русскій языкъ не имѣлъ для фибулы никакого собственнаго названія.

Фибулою застегивалась на плечѣ верхняя одежда и притомъ изъ сравнительно тонкой матеріи, льняной или шерстяной, преимущественно длинная мантия, накидка, или короткій плащъ, но въ средней Россіи иногда находятъ фибулы у пояса; фибула чаще оказывается скороненной при мужскомъ прахѣ, чѣмъ при женскомъ; далѣе, вмѣстѣ съ плащемъ, она является принадлежностью воинскаго сословія и поэтому у Римлянъ была военной наградою, по нашему— знакомъ отличія, орденомъ (*donna militaria*) для солдатъ. Фибулы надо отличать отъ брошей (буллъ), круглыхъ щитковъ или колечекъ, служившихъ застежками и для того снабженныхъ сзади иглою, и отъ пряжекъ, всегда прикрѣпляемыхъ къ ремню, тесьмѣ, борту одежды и снабженныхъ язычкомъ. Но съ теченіемъ времени и, главное, съ переходомъ украшеній отъ высшихъ классовъ къ нисшимъ, фибулы превращаются въ подвѣски, которыя, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, не прикрѣпляются къ ожерелью или поясу, но тою-же иглою укрѣпляются въ ткани одежды, приблизительно на томъ-же мѣстѣ, напр. у плеча, на груди, у шеи, или даже на бокахъ, но явно не съ цѣлю укрѣпить или соединить борты одежды, а только для того, чтобы служить декоративнымъ подобіемъ обыкновенной фибулы. Такова значительная часть тяжелыхъ, массивныхъ подвѣсокъ съ длинными цѣпями, перенятыхъ финскими племенами и сохранныхъ могильниками сѣверозападной и сѣверовосточной Россіи.

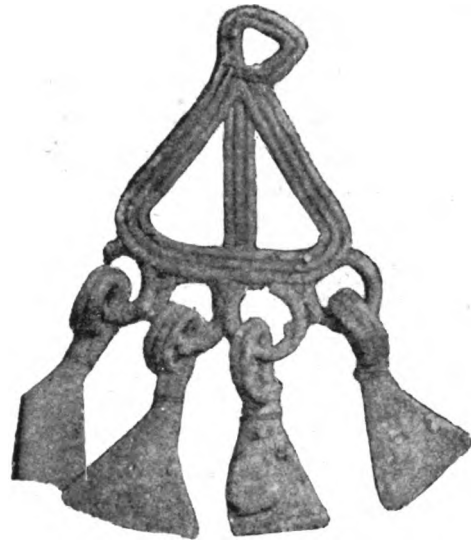
Въ могильникахъ средней Россіи уже не встрѣчается совсѣмъ древнѣйшихъ типовъ фибулъ: иглы съ лучкомъ на верху, фибулы въ видѣ лодочки (*Kahnfibel*), змѣи, двухъ спиралей (*Brillenfibel*, à spires, à lunettes) или закручивающихся усиковъ растенія; не встрѣчается также многихъ формъ фибулы эпохи переселенія народовъ: якорной фибулы, колѣнчатой, въ видѣ лука, налучія, съ шарниромъ, въ видѣ свастики и проч. Но одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ фибулы, въ видѣ подвѣсной лунницы, съ висящими отъ нея цѣпочками (*Halbmondfibel*), извѣстной въ могильникѣ Галльштадта, сохранился въ подвѣскахъ Тамбовскихъ могильниковъ, отдѣленныхъ отъ него періодомъ болѣе, чѣмъ въ тысячу лѣтъ, и на двухъ предѣлахъ Запада и Востока. Въ древнѣйшихъ могильникахъ встрѣчаются: фибула «римская провинціальная» — крестообразной формы, съ наглавниками на верху и на крыжѣ, варварскія фибулы въ видѣ самострѣла, фибулы съ пластинчатою головкою и хвостомъ (такъ наз. меровингскаго типа) и въ формѣ диска или щитка (*Scheibenfibel*

205. Изъ Городища, у Переяславскаго озера.

и *Fussscheibenfibel*). Провинціальная фибула найдена въ Остерскомъ у., Черниговской губ., готская или меровингская—въ Курманскомъ могильникѣ Рязанской губ.; подобіе римской провинціальной фибулы встрѣчено въ одномъ экземплярѣ въ с. Максимовкѣ, Муромскаго уѣзда; это немногіе экземпляры, пришедшіе съ юга. Несомнѣнно сѣвернаго, въ частности скандинавскаго типа большія брон-

зовья фибулы въ видѣ овальной чашки, внутри которой укрѣплена игла, тогда какъ выпуклая поверхность составляетъ лицевую сторону фибулы и украшается чеканнымъ орнаментомъ и рѣзбою такъ наз. романскаго стиля, изъ плетеній, оживленныхъ звѣринными и человѣческими формами. Эти фибулы многочисленны въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи, на Западной Двинѣ, откуда онѣ заходятъ въ Гнѣздовскій могильникъ Смоленской губ., черезъ Ладогу; по Волгѣ эти фибулы достигаютъ, но также въ немногихъ отрывочныхъ экземплярахъ, какъ своего рода рѣдкость, мерянскихъ могильниковъ и встрѣчены въ Василькахъ, Веськовѣ, Бремболѣ. И здѣсь орнаментация чашки представляетъ тонкую, листовую, золоченую крышечку, на которой выбито или, уже послѣ отливки, вырѣзано плетеніе; стало быть, и здѣсь главною задачею было сдѣлать подобіе золотого листового украшения, со вставленными жемчужинами, принявшими уже

206. Изъ Тверской губ., Корчевскаго уѣзда.

207. Изъ Мурома.

видъ пуговокъ; впрочемъ, исторія этой орнаментации весьма сложная. Отъ чашечныхъ фибулъ, особенно парныхъ, укрѣпившихся у плечъ, шли внизъ цѣпи, и потому описанныя въ Гнѣздовскомъ кладѣ круглыя подвѣски изъ серебра съ цѣпями также относятся къ фибуламъ, вѣрнѣе, брошамъ: византійскія чудныя броши изъ золота X вѣка, съ жемчугомъ, найдены были у Майнца; любопытно, что именно эти круглыя фибулы украшены животными (обыкновенно козлами, баранами, также лошадьми), стоящими у фонтана или яслей (древняго типа), и можно думать, что эти фибулы, встрѣченныя на сѣверѣ, заимствованы изъ древняго наряда возницъ и конныхъ отрядовъ.

Самый обыкновенный типъ застежки является въ видѣ кольца съ иглою — форма, всегда и вездѣ существовавшая, коль скоро не было въ модѣ другой, болѣе оригинальной; но по тому, какъ концы этого кольца, по необходимости всегда разомкнутого, отогнуты въ сторону, или расплющены и скру-

чены въ видѣ трубки или пары трубочекъ, для закрѣпленія иглы, различаются могильники разныхъ мѣстностей запада и сѣвера. Самый кружокъ или кольцо подражаетъ шейной гривнѣ, бываетъ граненымъ съ наколами, или витымъ изъ дрововъ, въ видѣ жгута, или насѣченъ, на подобіе скани; такія застежки часто бываютъ изъ серебра и встрѣчаются въ западныхъ губерніяхъ, Тверской, Ярославской и др. Въ Скандинавіи, въ могилахъ викинговъ, найдено было нѣсколько

208. Имп. Θεодосій на дискѣ 394 года.

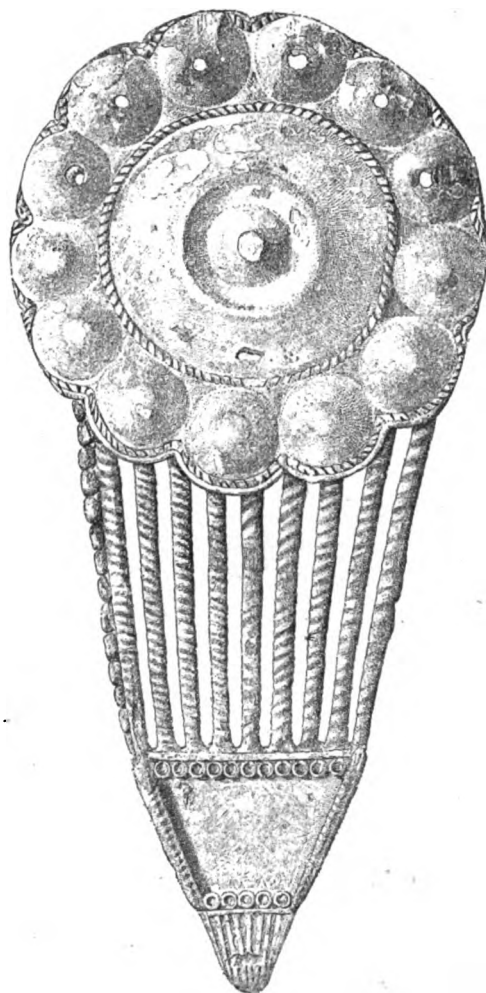
бы подумать, что родоначальникомъ этихъ грубыхъ подвѣсокъ была изящная фибула (см. рис. 208), въ видѣ круглой броши съ гнѣздомъ внутри, жемчужною обнизью на мѣстѣ тычинокъ и лепестками цвѣточной чашечки, отъ которой затѣмъ протянуты какъ-бы треугольникомъ (тоже двойнымъ, но линіи идутъ въ обратномъ порядкѣ) сканные жгутики или палочки, а къ нимъ уже прицѣплены жемчужины или камни снизу; такая фибула представлена очень точно на плащѣ Θεодосія Великаго, изображеннаго на знаменитомъ современномъ ему блюдѣ, найденномъ въ Испаніи и нынѣ хранимомъ въ Мадридѣ; о такихъ

фибулъ этого типа, устроенныхъ изъ обыкновеннаго серебрянаго шейнаго обруча или гривны, причемъ поперекъ обруча прикрѣплялась серебряная длинная игла: очевидно, обручь былъ военною добычею, а положенъ, какъ застежка, уже для покойника, въ качествѣ особенно пышнаго украшенія. Особо любопытный типъ представляютъ бронзовыя фибулы съ эмалевыми гнѣздами по концамъ, найденныя въ Люцинѣ, въ Эстляндіи и (на поясѣ) въ могильникѣ Углицкаго уѣзда, Ярославской губ.; имъ подражаютъ иныя пряжки Дьяковского городища Московскаго у.; одна большая фибула съ красною и бирюзовою эмалью найдена въ Муромскомъ уѣздѣ.

Переходя къ тѣмъ видоизмѣненіямъ фибулъ, которыя составляютъ собственно подвѣсныя украшенія, находимъ на первомъ мѣстѣ замѣчательный остатокъ древней плечевой фибулы въ видѣ треугольника: а именно въ Мосальскомъ уѣздѣ, Калужской губ., Тверской губ., у Мерянъ въ Городищѣ и въ Муромѣ встрѣчаются бронзовыя подвѣски изъ тяжелой проволоки, образующія вверху родъ треугольника (иногда двойного), изъ плетеныхъ жгутиковъ, съ крючкомъ или даже подобіемъ конскихъ головокъ (см. рис. 205 — 207), а внизу, на цѣпочкахъ, бубенчики и поталы. Кто могъ

фибулахъ говорили въ свое время поэты панегиристы (Кориннъ въ *панегирику* Юстину Мл., кн. II, 118), и онѣ составляли долгое время инсигнію императоровъ, тѣсно связанную съ ихъ полководческою мантиею. Треугольная форма этого украшенія произошла отъ необходимости помощью золотыхъ плетеныхъ палочекъ фибулы, пришивавшихся, вѣроятно, къ нижней или лѣвой полѣ плаща, расправить его складки, причемъ форма треугольника была для этого единственно пригодною и давала красивыя складки, о чемъ въ то время опять стали заботиться, какъ заботились у Персовъ и Грековъ во времена до персидскихъ войнъ; къ верхней или правой полѣ плаща прикрѣплялась розетка или круглая брошь и обѣ части смыкались затѣмъ на плечѣ. Въ Византійской Имперіи такими плащами и фибулами завѣдывалъ особый чинъ, хранившій ихъ въ специальномъ ларцѣ, а знаменитость и высокое значеніе этого украшенія было причиною, что его стали давать потомъ, какъ орденъ, и наконецъ онъ распространился до предѣловъ финнскихъ. Отсюда же происходитъ и другая весьма обычная форма нагрудныхъ цѣпей, укрѣплявшаяся на одномъ или обоихъ плечахъ помощью треугольной ажурной бляшки (см. рис. древностей Люцинскаго могильника и Муромскихъ находокъ). Ближайшею копіею являются плечевыя (повидимому) фибулы изъ Пьяноборскаго могильника Вятскаго края (рис. 209).

Обычныя круглыя подвѣски съ застежкой часто встрѣчаются въ могильникахъ приволжскихъ, Ярославской, Владимірской, Тамбовской губ. и вообще восточныхъ частей средней Россіи: круглое кольцо съ иглою окаймлено широкимъ плетенымъ бордюромъ изъ проволочныхъ, спаянныхъ между собою плетений; по низу идетъ рядъ цѣпочекъ съ шумящими лапками, бубенцами, поталами: это — тоже бывшіе плечевыя аграфы патрицевъ Рима и Византіи. Плетенія представляютъ рядами уложенныя жгуты, зигзаги, рѣже подобія конскихъ головокъ наверху: число подвѣсныхъ колечекъ — семь, девять, десять; въ Курманскомъ могильникѣ подобная подвѣска найдена была на поясъ; особыми, глухими петлями всѣ десять подвѣсныхъ бубенцовъ или

209. Изъ Пьяноборскаго могильника, Вятской губ.

колокольцовъ размѣщены такъ, что висятъ отдѣльно, не закрывая другъ друга. Любопытны и мерянскія подвѣски, хотя грубыхъ формъ (рис. 210—212).

Оригинальное украшеніе груди въ видѣ плоскаго, чаще серебрянаго, круглаго щитка изъ листового серебра или бронзы, съ подвижной на шарнирѣ вырѣзанной крышечкою, у которой плоскій язычекъ назначенъ для укрѣпленія этой

210. Изъ мерянскихъ могилъ Городища, у Переславскаго озера.

подвѣсной фибулы на тонкой матеріи покрывала или фаты, находимъ въ восточныхъ могильникахъ: Тамбовской губерніи, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи и въ Муромѣ.

Простѣйшій видъ пряжки состоитъ изъ проволочнаго колечка, съ расплюснутыми концами и иглою поперекъ кольца; иногда колечко это дѣлается изъ листового серебра, а концы его образуютъ двѣ поперечныя трубочки, для прочности завернутыя на деревянныя втулки, причемъ на плоскость кольца припаяна игла; эти пряжки встрѣчаются въ Нижегородской и Владимірской губерніяхъ. У другого вида, носящаго современное названіе съюльгамовъ, пряжки имѣютъ концы, разбитые на два треугольных листика, — форма пряжки, обыкновенно изъ листового серебра, употребляемой тоже для восточнаго покрывала; она встрѣчается исключительно въ восточныхъ губерніяхъ и въ позднѣйшихъ могильникахъ Муранки Симбирской губерніи.

Особымъ видомъ подвѣсныхъ украшеній являются *наплечныя цѣпи*, всегда парныя, т. е. укрѣпленныя на обоихъ плечахъ (тогда какъ въ Германіи цѣпныя подвѣски бывають одиночными) при помощи особыхъ бляшекъ, какъ-бы фибуль,

съ иглами и ушками, или пришиваемыхъ къ одеждѣ; они состоятъ изъ ряда цѣпочекъ, тонкихъ, декоративныхъ, ничего не поддерживающихъ, кромѣ развѣ поталовъ и промежуточныхъ бляшекъ, удерживающихъ этотъ рядъ цѣпочекъ въ порядкѣ. На цѣпи, найденной въ Венденѣ, Лифляндской губерніи, были бубен-

211. Мерянская подвѣска изъ Шелебева.

212. Изъ Кабанскаго.

чики и птицы, на другой изъ Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губерніи, лунница; на цѣпи, укрѣпленной на плечахъ треугольными фибулами, изъ Рѣжицъ, Витебской губерніи, подвѣшенъ былъ гребень. Въ мерянскихъ древностяхъ, и вообще въ финнскихъ, напр. Вотскихъ и пр., эти цѣпи прикрѣплялись къ чашечнымъ фибуламъ; въ Муромѣ — къ двумъ треугольнымъ ажурнымъ бляшкамъ.

Обычнымъ шейнымъ украшеніемъ, какъ мужскимъ, такъ и женскимъ, въ русскомъ быту великокняжескаго періода, до XIV вѣка включительно, служила *гривна* — шейный обручъ изъ золота, серебра, бронзы и даже желѣза: извѣстно, что это украшеніе существовало на русской почвѣ издревле. Гривна, въ видѣ свитаго изъ двухъ или трехъ дрововъ шейнаго обруча, была принадлежностью воинскаго чина въ Персіи, и съ этимъ характеромъ, уже во времена Кира, перешла къ многочисленнымъ племенамъ Средней Азіи, Сибири и Южной Россіи. Золотыя гривны, нерѣдко изящной работы, отличали, повидимому, предводителей воинскихъ отрядовъ у скинскихъ кочевниковъ, а въ Византіи долгое время было въ обычаѣ возлагать, при подыманіи на щитѣ новаго императора, на него гривну, тутъ-же снятую съ какого-

213. Изъ Ворогова.

либо война, и привѣтствовать въ лицѣ этого императора своего «Кесаря». Витой обручъ былъ одно время почти отличительнымъ знакомъ стратига, но затѣмъ спустился до значенія почетнаго солдатскаго знака и былъ особенно употребителенъ въ числѣ римскихъ *donâ militaria*. Очевидно, римскіе и византійскіе императоры должны были рано начать раздачу этого знака варварамъ, но скиѣскія и славянскія племена въ предѣлахъ Россіи приняли гривну не этимъ путемъ, а черезъ восточную торговлю изъ Персіи и Средней Азіи; отъ древнихъ Персовъ гривна перешла къ различнымъ ихъ преемникамъ, напр. Парянамъ, и мы находимъ гривну какъ на шеѣ царя Дарія въ извѣстной римской мозаикѣ, такъ и на сассанидскомъ царѣ, изображенномъ на саркофагѣ изъ Афросіаба (Самарканда). Любопытно, что именно здѣсь, на Востокѣ начинается и убранство гривны нацѣпляемыми на нее кольцами, бусами, амулетами: въ 1868 г. въ глыбѣ, отмытой прибоемъ отъ берега, въ Сухумѣ найденъ былъ золотой обручъ съ навѣшенными на него бляшками — брактеатами; варвары-тѣлохранители византійскихъ царей получали въ V—VI вѣкахъ почетныя гривны съ драгоценными камнями въ гнѣздѣ, замыкавшемъ концы обруча.

Еще большее распространеніе гривна получила, благодаря тому, что это была издревле принятая форма для денежнаго знака, т. е. металлическаго слитка съ опредѣленнымъ вѣсомъ: на персеполитанскихъ барельефахъ скиѣскіе народы несутъ царю Персовъ дань въ видѣ металлическихъ обручей, въ Индіи *нишка* = ожерелье = монета, древнѣмецкое *Vaugar, boge, bosa* означало и гривну, и деньги. У насъ были гривенные слитки, по тексту житія Антонія Римлянина: «ліяша слитки, ово въ гривну, ово въ полтину, ово въ рубль». Самое слово «гривна» происходитъ отъ санскритскаго корня «грив», имѣющаго значеніе шеи и сохранившагося у насъ въ словахъ «грива, загривокъ», а также въ польскомъ и чешскомъ языкѣ. Около IX вѣка, передъ общимъ употребленіемъ монеты, денежные знаки размножились до-нельзя, благодаря условно принятой вездѣ цѣнности серебра: все брали на вѣсъ, даже самую монету, и, конечно, это было обстоятельство, значительно облегчавшее начавшіяся тогда торговля сношенія между европейскими государствами и Востокомъ; за это время не рѣдкость находить счетъ капитала въ унціяхъ ломанаго серебра, чашахъ извѣстнаго вѣса, обручахъ (*torques* = гривна) вѣсомъ 3 унціи, и читать, что для облегченія вѣса, блюда, чаши, утварь сплавляли въ кольца, большія и малыя, которыя теперь попали въ музеи подъ именемъ гривенъ, браслетовъ и спиралей. Гривна получила опредѣленный вѣсъ, что видно по множеству ея образцовъ изъ находокъ Вятской, Пермской и Витебской губерній, вѣсящихъ обыкновенно отъ 36 до 38 зол., т. е. половину византійскаго фунта въ 72 зол., или около 48 золотниковъ, т. е. половину новгородскаго фунта, а такъ какъ въ періодъ IX—XII вѣковъ алтайское золото уходило, повидимому, все на югъ, уральское же серебро шло на западъ, въ зависимости отъ торговыхъ путей, а уральскія золотыя росыпи могли оставаться неизвѣстными, то «гривна серебра» была главнымъ денежнымъ знакомъ. Серебро вмѣсто золота въ украшеніяхъ стало столь обычнымъ, что выраженіе «емлюче серебро изъ ушью и съ шиі, сливаюче же серебро даяхуть Владиміру» ясно говоритъ о полномъ отсутствіи золота, и если лѣтопись подъ 1209 годомъ

упоминаетъ, что Кіевляне «не кладаху на своя жены златыхъ обручей, но жожаху жены ихъ въ серебрѣ», то дѣлалось это, конечно, не ради простоты нравовъ.

Обиліе бронзовыхъ издѣлій въ эту эпоху зависѣло отъ того, что бронза въ неокисленномъ видѣ подражала золоту, и этого не надо забывать при разсмотрѣніи русскихъ древностей, какъ и въ древностяхъ Кавказа (вып. III, стр. 113): эмали кирпичнокраснаго и бирюзоваго цвѣта въ бронзовыхъ вещахъ ясно указываютъ на подражаніе готскимъ гранатамъ и бирюзовымъ сибирскимъ накладкамъ. Такъ, въ Трубчевскомъ у., Орловской губ., найдена была *золотая* шейная гривна, согнутая изъ гладкаго дрота такимъ образомъ, что на концѣ онъ сложенъ вдвое и образуетъ петли: и такія-же гривны *изъ бронзы* найдены въ Дьяковскомъ городищѣ Московской губ. и Курмановскомъ могильникѣ. Бронзовая гривна Петербургской губ. въ видѣ широкой пластины, густо позолоченная, близка къ античной гривнѣ изъ Тамани (*Русскія Древности*, вып. I, рис. 81).

Простѣйшій типъ гривны въ видѣ гладкаго или четырехграннаго кольца встрѣчается обыкновенно въ бронзѣ и желѣзѣ, съ подвѣсками, напр. изъ Гнѣздова и Курманова; несравненно чаще гривны дѣлаются витыми изъ двухъ, трехъ дровъ или даже позднѣе плетеными. Концы соединяются по разнымъ способамъ, коими различаются мѣстности: или одинъ конецъ плющится, въ немъ сверлятъ отверстіе, а другой конецъ образуетъ крючекъ (Дьяково Городище Московской губ.); или же оба конца плющатся пластинками, украшенными наколомъ (с. Чернева Московскаго у.), и тогда концы заходятъ другъ за друга и ихъ скрѣпляютъ зажимками. Скрѣпы плоскихъ концовъ иногда прикрываются выпуклыми бляхами, замѣнившими, въ бронзовыхъ подражаніяхъ, гнѣздо съ камнемъ золотыхъ гривенъ (с. Троицкаго Московскаго у.); такія бляхи квадратной формы также встрѣчаются отдѣльными экземплярами (Русскаго у., Московской губ., Весьегонскаго у., Тверской губ.). Въ тамбовскихъ и муромскихъ могильникахъ гривны снабжены колокольцами, въ Люцинскомъ—треугольными бляшками, въ Курмановскомъ—концы гривны прикрыты круглою коробочкою, подобно тому подвижному шатону, который видимъ на гривнахъ тѣлохранителей Юстиніана въ мозаикахъ Равенны. Въ Муромѣ вздѣты на гривну спирали, въ Касимовскомъ уѣздѣ—раковины.

Большинство бронзовыхъ гривенъ обыкновенно повторяетъ типы серебряныхъ гривенъ, находимыхъ чаще не у праха покойниковъ, но въ кладахъ, въ значеніи денежныхъ капиталовъ; отъ Вятки и Перми—особенно обильны находки при выпаживаніи, до самой Вислы, гдѣ также выпаживаютъ гривны десятками разомъ. Иногда свитой обручъ украшается еще по спиралямъ сканью, которая замѣняетъ жемчужную обнизъ, украшавшую золотыя гривны. Красивыя наглавники, какъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, очень рѣдки; чаще украшается середина обруча по гранямъ наколами или же нарубками. Гривна Курской губ., скрученная изъ узкой серебряной пластинки, составляетъ исключеніе. Весьма любопытна гривна, изъ золоченаго серебра, со сканью, попавшая въ развалинахъ церкви XV вѣка въ Старой Ладогѣ, и, судя по гвоздикамъ, нѣкогда подвѣшенная къ иконѣ.

Серебряныя *бусы ожерелій* столько-же разнообразны въ формахъ, какъ и бусы серегъ, аграфовъ; различны также ихъ размѣры, отъ крупныхъ бусъ Вла-

димірскаго клада, сплошь покрытыхъ тонкою сканью и продолговатыхъ, до крохотныхъ круглыхъ кіевскихъ бусъ. Большія исполнены, очевидно, въ подражаніе золотымъ, обрашкѣ которыхъ находимъ въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года (рис. 148): посреди бусы идетъ желобчатый поясокъ, по которому въ золотыхъ шла жемчужная обнизь, и вдоль бусы, вокругъ ея обходить другой; поля въ промежуткахъ заполнены сканью, зернью. Выпуклыми подобіями саженихъ жемчужинъ украшены бусы на сергѣ изъ Ярославскаго клада и изъ Лихвинскаго у., Калужской губ. Наборъ мелкихъ бусъ найденъ въ мерянскихъ могильникахъ, поштучно: здѣсь есть и бусы со сканью и зернью, и совершенно гладкія съ Востока, вѣроятно изъ В. Болгарь, также и городчатая, съ поясками и безъ нихъ, со спиралями и зернами. Особую группу образуютъ ажурныя бусины въ видѣ пупырчатаго боченочка или съ напайкою сплошной серебряной зерни; особенное обиліе такихъ бусъ принадлежитъ Бѣлоруссіи, Минской и Витебской губ.

Бусы изъ бронзы, отлитыя въ формѣ боченочка съ ячейками и завитками, грубо подражаютъ отдаленному золотому образцу: извѣстны преимущественно изъ сѣверныхъ губерній; въ Ярославской губ. бусы встрѣчаются изъ низкопробнаго серебра. Рѣже бронзовыя бусы, орнаментированныя розетками, а между тѣмъ въ Болгарахъ и въ Звенигородскомъ у., Московской губ., найдены каменные формы для отливки подобныхъ бусъ.

Въ могильникахъ Тамбовской губ. по преимуществу встрѣчаются ожерелья изъ бронзовыхъ пронизей въ видѣ продолговатыхъ трубочекъ, обмотанныхъ сканью, и плоскихъ подвѣсокъ, прицѣпляемыхъ къ кольцамъ подъ этими трубочками; муромскія подвѣски также снабжены бубенцами, поталами и пр.

Наиболѣе общимъ типомъ ожерелья является низка стеклянныхъ и каменныхъ бусъ, бывшая обычнымъ украшеніемъ и въ древности, и въ эпоху Великаго переселенія; могильники Кавказа доставляютъ почти тѣ-же формы, что и могильники Средней Россіи за періодъ IX—XII стол., съ тою лишь разницею, что на Кавказѣ среди круглыхъ, овальныхъ бусъ мы встрѣчаемъ также пронизки въ видѣ фигурокъ и эмблемъ сиро-египетскаго типа (двѣ фигурки Озириса изъ пасты найдены на Уралѣ, одинъ амулетъ въ мерянской могилѣ), но около IX вѣка выдѣлка такихъ амулетовъ, весьма распространенныхъ въ IV—VI вѣкахъ, уже прекратилась. Однако, такъ какъ Сирія попрежнему продолжала поставлять стекло и стекляныя украшенія на всю, по крайней мѣрѣ, восточную Европу, то и основные типы бусъ оставались прежними. Насколько важный торгъ этимъ дешевымъ, но всюду шедшимъ товаромъ, вели Арабы, извѣстно изъ свидѣтельства Ибнъ-Фодлана, хотя выраженіе его текста о *зеленыхъ* бусахъ, особенно дорого цѣнившихся, еще подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ такихъ именно бусъ почти вовсе не найдено; можетъ быть, переводъ арабскаго термина словомъ «зеленый» не точенъ. Наболѣе любопытны бусы изъ прозрачнаго стекла (не цвѣтной пасты), съ золотымъ или серебрянымъ листикомъ, также залитымъ въ стеклѣ: извѣстно, что уже около X столѣтія золотые стекляныя кубики, употреблявшіеся въ византійскихъ мозаикахъ, дѣлаются на красной пастѣ или смальтѣ кирпично-краснаго цвѣта и непрозрачной, тогда какъ древняя мозаика пользуется кубиками изъ прозрачнаго, слегка желтоватаго стекла. Въ нашихъ

бусахъ удержался древній типъ и сохраненъ, поэтому, свѣтлый цвѣтъ золота, тогда какъ позднѣе предпочитается такъ наз. червонное золото.

Обычный типъ *подвесокъ*, носимыхъ на ожерельяхъ, или просто на шнуркѣ на груди, составляютъ круглыя штампованныя бляшки, очевидно, заступившія мѣсто монетъ, медалей, брактеатовъ, почему ожерелье и звалось монистомъ; въ средней Россіи вовсе не встрѣчено собственныхъ брактеатовъ, т. е. медалей и ихъ имитацій въ особой оправѣ для ношенія на груди, но встрѣчаются въ этой роли монеты: арабскія, рѣже византійскія и западныя; въ Невельскомъ у., Витебской губ., найдена каменная форма для отливки имитацій, но безъ оправы.

214. Бляшки изъ Мерянскихъ могилъ.

Повидимому, основной источникъ обычая заключался въ почетныхъ медальонахъ, носившихся въ эпоху Римской имперіи; отъ этихъ медальоновъ идетъ привычка носить медали и монеты, а также орнаментальныя бляшки, и потому на нихъ можно смотрѣть лишь какъ на декоративную форму, а не какъ на амулеты. Различные

215. Бляшка оттуда-же.

сканнныя разводы, разнообразная орнаментація бляшекъ, хитрыя плетенія на ихъ поверхности, маски, звѣринныя фигуры, орлы, все это должно было прежде всего напоминать декоративныя цѣпи изъ медальоновъ на груди вождей, старшинъ, почетныхъ иноземцевъ и гостей. Особого вниманія, съ этой точки зрѣнія, заслуживаетъ бляшка изъ «мерянскихъ» древностей съ условнымъ изображеніемъ орла, искусно выложеннымъ сканью и зернью (рис. 100): такія бляшки найдены въ Борисовскомъ у., Минской губ., у с. Сѣднева, Черниговскаго уѣзда. На парѣ бляхъ изъ кургановъ у с. Посадъ, Корчевскаго у., Тверской губ., и пяти бляхахъ съ р. Жиздры изъ Калужской губ. грубо выбитъ чеканомъ идущій левъ. Но обыкновенные рисунки серебряныхъ бляшекъ — исключительно декоративнаго содержанія, т. е. рисунокъ ихъ воспроизводитъ

216. Тоже.

розетки разныхъ типовъ, разводы, плетенія и т. д., какъ мы видѣли на Гнѣздовскихъ бляшкахъ. Одна бляшка изъ Пюхтицкихъ могилъ по Балтійской жел. дорогѣ украшена подобіемъ византійской монограммы съ лилейными концами. Гораздо проще многочисленныя литыя бляшки, бронзовыя и низкопробнаго серебра, подражающія сканнымъ разводамъ, но часто представляющія грубо, въ общихъ

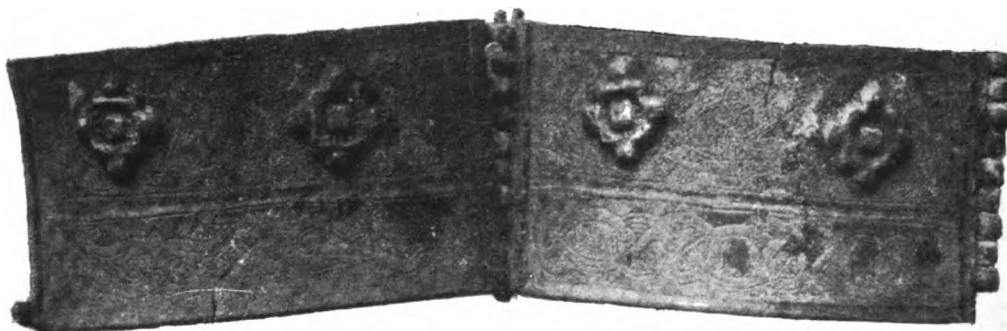
217. Тоже

чертахъ, птицу, звѣря; изъ нихъ лучше другихъ нѣсколько бляшекъ съ звѣринными сплетеніями изъ мерянскихъ могилъ, одна бляшка изъ Сѣднева Черниговской губ. Литыя бляшки часто бываютъ ажурными, даже просто въ видѣ колечка изъ плетеной проволоки, но и въ этой простѣйшей формѣ вмѣщается иногда фигура скорчившагося звѣря. Особый отдѣлъ составляютъ

подвѣски въ родѣ тигровыхъ зубовъ и ихъ подобій въ мерянскихъ могилахъ и др. (рис. 213).

Для центральной подвѣски на ожерельи въ русскихъ древностяхъ великокняжескаго періода излюбленною формою является *лунница*, или форма опущеннаго внизъ рогами луннаго серпа (см. рис. 56—58, 64, 135 и др.). Эта форма восходитъ въ своемъ происхожденіи къ классической древности, которая, въ свою очередь, приняла ее отъ древняго Востока; извѣстно, что эта форма въ личныхъ и конскихъ уборахъ играла издревле большую роль у всѣхъ кочевыхъ племенъ и народовъ пастушескаго быта. Но лунница рано получила и общее значеніе амулета, и въ могильникахъ Кавказа часто попадаются крохотныя лунницы изъ синяго стекла; можно полагать, что Арабы вновь доставили въ среднюю и южную Россію украшенія этого типа, распространившіяся повсюду. Большія лунницы изъ серебра, составлявшія ожерелье, найдены въ Полтавской губ., въ Гнѣздовѣ, Невельскомъ кладѣ; въ Ярославскомъ кладѣ, поменьше, но орнаментированныя точно также; малая серебряная лунница найдена въ могильникѣ с. Губина Сызранскаго у., бронзовыя въ Муромскомъ у., Богородскомъ у. Московской губ., Верейскомъ и въ мерянскихъ могильникахъ; на конскихъ уборахъ, съ красною эмалью, — въ Кіевской губ. и въ с. Вишенкахъ, Остерскаго у., Черниговской губ.

Тѣльные образки Божіей Матери, Успенія Богородицы, Распятія встрѣчены въ курганахъ Петербургской, Тверской, Московской и Ярославской губерній, но — что замѣчательно — почти не встрѣчаются южнѣе, т. е., повидимому, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе было принято христіанство, а потому измѣнилось и погребеніе, — обстоятельство, косвенно доказывающее, что указанные образцы составляли лишь декоративную принадлежность языческаго погребенія. Тѣльные крестики изъ различныхъ видовъ камня встрѣчены пока только въкладахъ; серебряныя крестики, орнаментированныя филигранью, наколомъ, жемчужными шариками и т. д., и бронзовыя, иногда съ эмалью, найденныя въ Лифляндіи, Рузскомъ у., Московской губ., Петербургской губ., Муромскомъ у. и пр., или вовсе не имѣютъ никакого отношенія къ христіанскому кресту, или бывали носимы даже и язычниками на монистахъ вмѣстѣ съ другими подвѣсками.

218. Серебряное запястье изъ Кіева.

Обычное украшеніе рукъ составляютъ *браслеты* или *запястья*; на сѣверѣ, въ прибалтійскихъ могильникахъ встрѣчается иногда до девяти браслетовъ на одной

рукъ. Формы браслета весьма разнообразны, ни одна изъ нихъ не возобладала и не развилась, а потому всѣ онѣ мало оригинальны въ средѣ курганныхъ древностей: обыкновенно браслетомъ служитъ сомкнутое проволочное кольцо, или скрученный, свитый шнуръ изъ проволоки или дрота, имѣющаго четыре грани, или же плоская, согнутая полоска. Проволочный браслетъ, вѣроятно, заступилъ мѣсто привознаго стеклянаго, дѣйствительно составлявшаго украшеніе по своей иногда разноцвѣтной смальтѣ и по своей рѣдкости. Свитый шнуръ соотвѣтствуетъ витому шейному обручу, и такъ какъ часто онъ бывалъ изъ серебра, то, не имѣя художественнаго достоинства, сохранялъ значеніе денежнаго знака. Браслетъ изъ граненаго металлическаго дрота представлялъ арабскую временную моду, такъ какъ въ современныхъ издѣліяхъ Аравіи употребительны массивныя серебряныя браслеты съ четырехъгранными наглавниками, украшенными точно такъ-же, какъ обручи Гнѣздовскаго могильника; эти браслеты имѣютъ не менѣе 8 сант. въ поперечникѣ и носились уже у плечей, а не какъ запястья. Гораздо рѣже тѣ преемственныя формы браслета, которыя происходятъ отъ античныхъ украшеній изъ золота и серебра, но въ древней Руси уже отливались для народа изъ бронзы: таковы округлыя снаружи, литыя изъ бронзы браслеты съ ушастью конскою головою на концахъ, грубо переданною, въ Углицкомъ у., Ярославской губ. и въ Люцинскомъ могильникѣ, гдѣ эта голова отличается характернымъ заворотомъ верхней губы, что составляетъ неизмѣнный признакъ этихъ головъ въ древностяхъ Сибири и южной Россіи. Характерный образецъ того-же Люцинскаго могильника представляютъ браслеты изъ бронзы, очень массивныя, широкіе въ срединѣ и суживающіеся къ концамъ, съ глубокими нарѣзками по всему лицевому кольцу: только сравненіе можетъ объяснить намъ эти нарѣзки, которыя, будучи нѣкогда наполняемы красною эмалью, придавали браслету ясную и осмысленную форму вѣнка, притомъ лавроваго, дававшагося въ Византіи уже не поэтамъ, а побѣдителямъ, и потому такіе браслеты имѣли значеніе *donna militaria*, подарка, точнѣе, орденскаго знака, который носился какъ отличіе, но имѣлъ и опредѣленную цѣнность. Извѣстно, что и другая форма браслетовъ въ видѣ большихъ спиралей, охватывавшихъ руку выше локтя, болѣе древняя, также принадлежала къ разряду воинскихъ почетныхъ знаковъ.

Плоскіе пластинчатые браслеты составляютъ въ русскихъ древностяхъ наиболѣе обычную форму этого украшенія, часто бываютъ серебряныя, нерѣдко изъ дурнаго серебра. Браслеты этого рода изъ приволжскихъ могильниковъ, изъ В. Болгаръ, также изъ Семирѣченской области, еще украшаются преемственнымъ рисункомъ изъ классической древности—львиными головами (*Русскія древности*, вып. II, рис. 141), хотя уже въ персидской передѣлкѣ этого типа.

Особый видъ пластинчатыхъ браслетовъ встрѣчаемъ въ кладахъ преимущественно южнаго происхожденія: это широкіе, изящныя двустворчатые браслеты изъ листоваго серебра, съ чеканными и рѣзными рисунками, наведенными чернью, оказавшіеся въ слѣдующихъ кладахъ и находкахъ: Кіевскомъ кладѣ изъ усадьбы Раковскаго, изъ кіевскихъ находокъ 1880-хъ годовъ, въ Черниговскомъ кладѣ, кладѣ Орловской губ. 1853 г. и Териховскомъ—Орловской-же губ., въ кладѣ

Владимірскомъ 1865 г. и находкахъ въ городищѣ м. Романова, Могилевской губ. Эти браслеты, судя по ихъ ширинѣ отъ 4 до 7 сант., очевидно, назначались для того, чтобы охватывать не руку у кисти подъ рукавомъ, но самый рукавъ, и потому, скорѣе всего, должны называться *поручами* или нарукавниками, въ отличіе отъ собственныхъ браслетовъ, какъ и у грековъ были широкіе золотые металлическіе *клавы*, въ отличіе отъ обычныхъ *пселий*. Что эти поручи происходятъ отъ византійскаго церемоніальнаго убора, о томъ свидѣтельствуя самыя ихъ украшенія, ихъ позолота, ихъ исключительная находка въ кладахъ и отсутствіе въ курганныхъ древностяхъ. Насколько точно эти серебряные браслеты имитируютъ византійскій образецъ, можно видѣть изъ устройства створокъ и каемокъ въ видѣ жгутиковъ и широкаго желобка, по которому въ золотыхъ оригиналахъ протягивалась жемчужная обнизъ, но который для этого не имѣетъ уже обычныхъ скобочекъ, чтобы удерживать ея шнурокъ. На Орловскомъ экземплярѣ имѣются даже колечки на одной створкѣ, для подвѣсокъ, которыхъ въ дѣйствительности не было. Каждая створка подѣлена на двѣ неравныхъ продольныхъ полосы, причѣмъ верхняя больше и содержитъ изображенія животныхъ, гравированныхъ во фризѣ, а нижняя уже обыкновенно заполнена орнаментомъ. Затѣмъ фризъ дѣлится мавританскими арочками изъ заплетеной тесьмы, и въ парусахъ между арокъ неизмѣнно — или трилистникъ, или тройной узелъ, или трехчастный бутонъ аканѳа; внутри арочекъ помѣщены стоящія птички, или же драконы и василиски, поднявшіеся на переднія лапы, рѣже сфинксы, львы и грифы; въ нижнемъ отдѣленіи орнаментальныя плетенія, иногда тѣ-же птички и драконы съ хвостами, свившимися въ орнаментальный узелъ. Такимъ образомъ, ясно, что вся общая декорация поручей, устройство ихъ створокъ, фигуры птицъ и эмблематическихъ животныхъ, соотвѣтствуютъ шитымъ нарукавникамъ; съ этимъ согласуется какъ то, что фонъ обыкновенно наведенъ чернью, такъ и самая манера исполненія фигуръ. Изъ птицъ всего чаще изображаются здѣсь орлы, которые, въ соединеніи съ фантастическими звѣрями, составляли главное украшеніе патриціанскихъ (даже деспота и севастократора) одеждъ, перчатокъ, башмаковъ и пр.

219. Браслетъ Могилевской губ., найден. на полѣ Городища близъ м. Романова.

Ременные *пояса*, носимые мужчинами и украшавшіеся *наборными бляшками*, бронзовыми, или чаще изъ бѣловатаго сплава, или даже изъ серебра, принадлежали по преимуществу кочевымъ племенамъ южной и юго-восточной Россіи и встрѣчаются постоянно въ могильникахъ приволжскихъ, придонскихъ и

приднѣпровскихъ. На сѣверѣ эта принадлежность убора распространяется уже позднѣе, составляетъ особенность воинскаго, какъ-бы дружиннаго быта. Отсюда понятенъ и восточный, сначала персидскій, позднѣе арабскій стиль рисунковъ, штампованныхъ въ этихъ наборахъ. Бляшки чаще круглыя, или же въ видѣ плюшеваго листа, обернутаго въ одномъ направленіи, иногда бываютъ снабжены петельками или колечками для подвѣсокъ, чаще всего для кистей, которыми было принято убирать поясъ. Много бляшекъ найдено въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, украшенныхъ растительнымъ орнаментомъ. Бляшка изъ Зарайска, Рязанской губ., представляетъ восточный рисунокъ льва, настигшаго лань; на бляшкахъ Терюшева, Нижегородской губ., грубо изображены олени; орнаментация бляшекъ изъ Елецкаго монастыря въ Черниговѣ подражаетъ древностямъ кавказскихъ могильниковъ. Серебряныя бляшки изъ с. Губина, Сызранскаго у., удачно передаютъ фигуру лежащаго оленя. Но главную роль эти наборы играютъ въ могильникахъ Тамбовской губерніи. Рѣже встрѣчаемая четырехугольная бляшка, напр. въ Черниговскомъ курганѣ «Черная Могила», принадлежатъ, повидимому, португелямъ, какъ и въ древностяхъ Германіи и Венгріи.

Одною изъ наиболѣе любопытныхъ принадлежностей древняго убора являются *капторги*, коробочки изъ серебра, рѣже изъ посеребренной бронзы. Одна коробочка происходитъ, какъ мы видѣли (см. рис. 122), изъ В. Болгаръ (г. Спасска, Казанской губ., находки 1863 г.), имѣетъ 0,06 м. длины и 0,05 м. ширины, украшена подобіемъ арабской надписи въ срединѣ и арабскими гаммами по бордюру, наведенными чернью; внутри коробочки должны были заключаться обычные свертки бумаги съ изреченіями Корана; коробочка снабжена шейною цѣпочкою. Другая коробочка найдена въ Гнѣздовскомъ кладѣ и представляетъ трубочку изъ разряда обыкновенныхъ (часто золотыхъ) трубочекъ для вкладыванія внутрь свертка бумаги съ изреченіями или сурами Корана (въ Средней Азіи наз. *тумурханы*), но здѣсь (см. рис. 53) трубочка представляетъ какъ-бы развернутый свитокъ, съ тремя лентами для крѣпости свитка и второю трубочкою (которая обыкновенно заключаетъ въ себѣ палку, для наворачиванія свитка), уже служащею шарниромъ для проволочнаго кольца, укрѣпленнаго въ пояскомъ ремнѣ. Затѣмъ, эта верхняя трубочка украшена какъ-бы тремя застѣжными бычьими головками—весьма любопытная черта перехода древневосточной звѣриной орнаментики въ сѣверную, и, наконецъ, все щедро покрыто зерновыми пирамидками и по низу снабжено множествомъ подвѣсныхъ цѣпокъ съ поталами. Третья арабская коробочка изъ Екатеринославскихъ находокъ — въ собраніи А. П. Поля.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ объ этихъ украшеніяхъ, что онъ видѣлъ ихъ у Русовъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по рѣкѣ Итиль: «Каждая ихъ женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза-ли, или мѣди, изъ серебра, либо изъ золота, смотря по состоянію мужа и по его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ, также на груди». Графъ А. С. Уваровъ приводилъ это указаніе въ доказательство того, что Русы Ибнъ-Фодлана были Финны, и, дѣйствительно, капторги по существу финнское и приволжское, ставшее особенно мусульманскимъ, украшеніе. Однако, простое сравненіе коробочки съ восточнымъ талисма-

номъ, имѣющимъ форму трубочки, длиною въ 4—5 сантим., показываетъ, что древній восточный предметъ только приспособился къ мусульманскому талисману, но имѣетъ свое особое происхожденіе. Важнѣе всего для насъ то, что у калмыковъ капторга доселѣ всегда носится у пояса и имѣетъ значеніе металлическаго футляра съ разными мелкими вещами, нужными въ дорогѣ, и деньгами; у насъ въ старину также упоминаются въ описяхъ *пояса съ капторами*. Въ большинствѣ финскихъ могильниковъ Востока и Сѣвера, а также и въ Тамбовскихъ, встрѣчаются почти постоянно указанные нами украшенія въ видѣ ажурной квадратной, или продолговатой четырехугольной, отлитой изъ бронзы бляхи, съ подвѣсными къ ней цѣпочками, на которыхъ висятъ или бубенцы или лапки; по верхнимъ краямъ такихъ бляхъ часто бывають отлиты также бронзовыя конскія головки, обращенныя наружу и иногда принимающія форму завитка (рис. 83, 137 и др.). Этого рода украшенія всегда находятъ на груди и ихъ постоянно считали въ числѣ непонятныхъ украшеній. Между тѣмъ, эти вещицы, по своему употребленію, соотвѣтствовали прежнимъ коробочкамъ у поясовъ и представляютъ вполне точное воспроизведеніе матерчатого, плетенаго и украшеннаго шитьемъ кошельа у пояса. Такого рода кошельа высѣчены иногда на груди такъ наз. *каменныхъ бабъ* (въ собраніи Поля, *каталогъ*, табл. 13), и знаменитый Рубруквисъ рассказываетъ о Татарахъ, что они, «бывая въ гостяхъ и получивъ отъ хозяина кусокъ мяса, который не могутъ тутъ-же съѣсть, прячутъ его въ свой *саптаргатъ* или *четыреугольный кошель*, который носятъ на себѣ ради этой цѣли». Вотъ именно такого рода кошель, но имитированный уже какъ украшеніе, притомъ женское, и потому малыхъ размѣровъ, въ бронзѣ, сохраняетъ, по возможности, всѣ детали, по обычному приему варварскаго искусства, какъ напр. ажурнаго плетенія, то продольными шнурами, то зигзагами, а также *завязокъ* по концамъ; они бывають съ металлическими ушками въ видѣ конскихъ головокъ, затѣмъ съ подвѣсной бахромою, переданною здѣсь цѣпочками и пр.

Относительно древности происхожденія самыхъ коробочекъ укажемъ кратко на нагрудныя украшенія Египтянъ въ видѣ храмика, молитвенные тефиллины, носимые на лбу и у сердца у Евреевъ, на кипрскія женскія статуэттки, на филактерій на груди императрицы Феодоры въ равеннской мозаикѣ. Константинъ Порфирородный, въ соч. *Объ управленіи Имперіею*, гл. 25, рассказываетъ объ эмирѣ Хорасана, что онъ, не имѣя знаковъ отличія и въ частности маниакія—оплечья съ украшеніями, сталъ носить на себѣ коранъ въ коробочкѣ; весьма возможно, что Грекъ не понялъ арабскаго обычая, а можетъ быть, и дѣйствительно коробочка была такъ велика, что вызывала подобное предположеніе.

Всякаго рода *подвѣсныя украшенія*, балаболки, побрякушки, цѣпочки, низки, рясны, какъ и самая бахрома, представляютъ восточный родъ уборовъ; ихъ бряцанію, или гармоническому звону, шуршанію, на Востокѣ всегда придавали значеніе силы, прогоняющей злаго духа, а затѣмъ уже, по дальнѣйшему ходу мыслей, самое лицо, носившее эти украшенія въ изобиліи, иногда имѣвшее на нихъ особыя привилегіи, становилось священною особою; такъ, персидскіе цари, по словамъ арабскаго историка, имѣли исключительное право носить на своихъ коронахъ подвѣски, которыя потомъ стали также особымъ украшеніемъ

царя-василевса въ Византіи. Каждый видъ подвѣсокъ въ русскихъ древностяхъ несомнѣнно, такимъ образомъ, имѣетъ свою исторію и долженъ восходить къ древнимъ образцамъ.

Теперь уже становится понятнымъ, почему подвѣски съ бубенцами и колокольчиками особенно обильны въ могильникахъ юго-восточной Россіи: ближайшая къ нимъ стадія представляется древностями Кавказа. Интересны въ томъ-же отношеніи въ могильникахъ Тамбовской губерніи продолговатыя пластинки съ двумя завитками наверху и рядомъ подвѣсныхъ погремушекъ внизу въ видѣ трубочекъ; доселѣ это украшеніе носится у Туркменъ на спинѣ и называется *тлыкъ*, составляя собственно подвѣску къ дѣвической косѣ. Но затѣмъ

220. Черниговскій звѣзвикъ (въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

и во Владимірской губ., и на сѣверѣ, въ Новгородѣ и въ Петербургской губ. встрѣчаемъ треугольныя подвѣски съ погремушками, плетеныя изъ проволоки. Сюда-же относятся многочисленныя подвѣски муромскихъ и тверскихъ могильниковъ, мерянскихъ могилъ, Курмановскаго могильника; многія изъ такихъ подвѣсокъ происходятъ отъ прежнихъ фибулъ и пряжекъ, которыя мало-по-малу потеряли значеніе застежекъ и даже лишились иглы, а стали прикрѣпляться ушкомъ къ ожерелью, къ поясу или даже пришиваться на одежду. Таковы разнообразныя плетеныя изъ бронзовой проволоки бляхи съ цѣпочками изъ Мурома, Ярославской губ., изъ мерянскихъ могилъ; такія бляхи находятъ и въ Сибири. Еще многочисленнѣе продолговатыя ажурныя пластинки изъ юговосточной Россіи: въ Гнѣздовѣ найдены три на одномъ остовѣ, пара для плечъ, одна пошире для груди. Подвѣска изъ Моршанска украшена коньками; лучшіе образцы звѣринныхъ

типовъ находятся въ мерянскихъ могилахъ: конь представляется здѣсь иногда даже осѣдланымъ, но чаще является странная орнаментальная форма одного туловища о двухъ конскихъ головахъ (см. рис. 103, 137, 210; сравн. вып. III, рис. 136). Сравнительно рѣже примѣняются здѣсь фигуры иныхъ звѣрей или птицы; изъ Борисовскаго уѣзда, Минской губ., есть подвѣска, близко напоминающая керченскаго золотого барашка, употребленнаго для фигуры замочнаго звена въ ожерельи (вып. II, рис. 140). Подвѣски въ видѣ птичекъ ведутъ свое начало отъ древнихъ фибулъ: онѣ встрѣчаются въ Прибалтійскомъ краѣ, Ярославской и Петербургской губ. Лучшіе образцы серебряныхъ золоченыхъ фигурокъ птицъ происходятъ изъ могильника у Россавы, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ.

Къ разряду подвѣсныхъ бляшекъ могутъ быть относимы такъ называемые «змѣвѣики» — металлическіе медальоны съ изображеніями священными и вмѣстѣ съ тѣмъ — головы со змѣями. На рис. 220 изображенъ великолѣпный золотой образчикъ такого медальона, найденный въ 1821 г. близъ Чернигова. На лицевой сторонѣ изображенъ архангелъ Михаилъ съ лабаромъ и сферою въ рукахъ; круговая надпись на греческомъ языкѣ, окруженная узорчатой каймою, гласитъ въ переводѣ: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля»; на оборотной сторонѣ изображена женская голова, окруженная сплетшимися змѣями; вокругъ двѣ концентрическія надписи: внутренняя, русская — «Г(оспод)и помози рабуо своіему Василию амин»; внѣшняя, греческая — заключаетъ въ себѣ мистическую заклинательную формулу противъ злой болѣзни. Медальонъ, снабженный узорчатымъ двойнымъ ушкомъ для ношенія, замѣчательно тонко отлитъ изъ отличнаго золота и затѣмъ тщательно пройденъ рѣзцомъ; работа его несомнѣнно

221. Бѣлгородскій амѣвѣикъ.

русская и относится къ XI—XII вѣку. Что подобныя медали не только изготовлялись въ Россіи, но были и предметомъ ввоза изъ Византіи — доказывается другимъ золотымъ экземпляромъ съ иконою Богородицы, чисто-греческой работы и съ греческими

надписями (рис. 221), найденнымъ въ 1877 году въ Бѣлгородѣ Кіевской губ. Любопытно, что точная, но грубая, очевидно русская копія съ такого медальона, съ перепутанными греческими надписями, найдена въ 1887 году въ Смоленской губерніи (рис. 222). Оба медальона относятся къ тому-же времени, какъ и первый, или нѣсколько старше его. Змѣвѣики — продуктъ византійскаго суевѣрія,

проникшаго въ Россію одновременно съ христіанскою вѣрою или вскорѣ послѣ ея введенія. Употреблялись они, даже до послѣдняго времени (что доказывается существованіемъ очень позднихъ экземпляровъ, XVIII и даже, можетъ быть, XIX столѣтій), въ качествѣ филактерій или амулетовъ противъ болѣзней. Это документально доказывается, между прочимъ, кромѣ заклинательной молитвы, начертанной на многихъ змѣвикахъ, однимъ позднимъ, но копирующимъ старый образецъ, мѣднымъ экземпляромъ, изображеннымъ на рис. 223. Здѣсь голова, окруженная змѣями, помещена на узорчатомъ щиткѣ и снабжена четырьмя русскими буквами, дающими слово ДѢНА,

222. Смоленскій змѣвикъ.

какъ нынѣ доказано, а не имя «Данъ», какъ полагали прежде. «Дѣна» — это то «нутро» всякаго человѣка, которое, не только по южно-славянскимъ, но и по русскимъ повѣріямъ, является причиною всякихъ недомоганій и болѣзней и отъ спокойнаго состоянія котораго зависитъ здоровье. Такимъ образомъ, змѣвики являлись суевѣрнымъ средствомъ не только противъ женскихъ болѣзней, какъ полагали и старались доказать присутствіемъ женскихъ именъ на нѣкоторыхъ змѣвикахъ, но и противъ всякой немочи, безразлично у женщины или у мужчины, что объясняетъ присутствіе мужскихъ именъ на иныхъ экземплярахъ.

223. Половинка бронзоваго створчатого змѣвика.

224. Крестъ-гѣльникъ въ серебряной оправѣ,
изъ Старой Рязани, находки 1888 года.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Аграфы — стр. 60, 110, 115, 121; рис. 158, 169, 176.
- Александръ, возносимый на небо — стр. 18, 100; рис. 16, 17.
- Амулеты — стр. 51, 59, 64, 72, 88, 94.
- Арабески — стр. 62.
- Арабское искусство — стр. 13, 19, 25, 29, 90.
- Барковскій могильникъ — стр. 71.
- Бармы — стр. 41, 101, 127, 129 — 132.
- Бахрома — стр. 49, 50, 72, 131.
- Бирюченскій кладъ — стр. 16.
- Блюдо изъ Херсонеса — стр. 28; рис. 18.
- Бляшки — стр. 39, 61, 70, 72, 75, 155; рис. 48, 51, 55, 58 — 62, 92 — 101, 214 — 217, 225.
- Болгары Великіе — стр. 8, 23, 24, 94 — 98; рис. 120 — 134.
- Браслеты — стр. 28, 52 — 56, 59, 62, 66, 67, 84, 87, 90, 94, 96, 97, 99, 105, 108, 123, 156 — 158; рис. 36, 79, 127, 128, 149, 172, 173, 218, 219.
- Булавка — стр. 53, 77; рис. 39.
- Бусы — стр. 51, 56, 58, 62, 68, 69, 77, 83, 87, 88, 100, 105, 120, 153; рис. 50, 148.
- Височныя кольца — стр. 54, 56 — 58, 60, 67, 69, 70, 72, 82, 88, 92, 93, 138; рис. 42 — 44.
- Владимірскій кладъ 1865 г. — стр. 37, 109; рис. 156 — 159.
- Вольтскій кладъ — стр. 64; рис. 64 — 67.
- Вотолки — стр. 116.
- Вотской пятины древности — стр. 57; рис. 42 — 47.
- Вѣнцы царскіе — стр. 42 — 43.
- Вятскія древности — стр. 100; рис. 137, 138.
- Гнѣздовскій могильникъ — стр. 5, 6, 14, 19, 26, 28, 31, 55; рис. 48 — 63.
- Головные уборы — стр. 49, 50, 54, 77, 124, рис. 28, 29, 79.
- Готскій орнаментъ — стр. 13.
- Гривны — стр. 51, 53, 56, 59, 60, 62, 64, 69, 72, 73, 77, 81, 83, 88, 92, 99, 127, 133, 151 — 153; рис. 34, 48, 50, 51, 52, 79, 81, 82, 86, 87; 192 — 194, 195.
- Грифы — стр. 29, 62, 107, 115.
- Діадема Кіевского клада 1889г. — стр. 124 — 126; рис. 191.
- Діадемы — стр. 50; рис. 28, 57, 69, 94.
- Драконы — стр. 31, 59.
- Древлянскія могилы — стр. 68.
- Замочки — стр. 100, 119.
- Звѣздчатыя подвѣски — стр. 115.
- Звѣриный стиль — стр. 13, 17 — 22, 124.
- Зеркала — стр. 100.
- Змѣевки — стр. 162; рис. 220 — 223.
- Кадилла — стр. 31.
- Калиты — рис. 56, 61, 79, 84, 90, 99; см. капторги.
- Каменные бабы — стр. 6.

- Капторги — стр. 39, 64, 79, 81, 99, 100, 159; рис. 53, 83, 86, 88, 106, 122.
- Кентавры — стр. 31.
- Кіевскіе клады: 1824 г. — стр. 105 — 107; рис. 150 — 152; 1826 г. — стр. 107; 1827 г. — стр. 107; рис. 153 — 154; 1876 г. (Льскова) — стр. 111; рис. 164 — 168; 1876 г. (Чайковского) — стр. 113; 1880 г. (Житомирской улицы) — стр. 116, рис. 192 — 194; 1885 г. (Есикорского) — стр. 119; рис. 181 — 188; 1887 г. (Михайловского монастыря) — стр. 122; 1889 г. (Раковского) — стр. 123; 1889 г. (Гребеновского) — стр. 123; рис. 189 — 191; 1893 г. — стр. 123.
- Колтки — стр. 58.
- Колты — стр. 101, 141; рис. 139, 141, 156.
- Корона желѣзная — рис. 121.
- Корсунскія врата — стр. 33, рис. 24.
- Корсунское дѣло — стр. 27.
- Кресты — стр. 31, 123, 124, 156; рис. 21 — 23, 159, 224; Корсунскій — стр. 40; Вл. Мономаха — стр. 40; тѣльники — стр. 32, 59, 87, 124.
- Кринь — стр. 144.
- Кузьминскій могильникъ — стр. 71.
- Курманскій могильникъ — стр. 7, 73.
- Лампочка (Гнѣздовская) — стр. 61; рис. 49.
- Лошадина головка — стр. 54, 61, 67, 79, 82, 83, 116.
- Лунницы — стр. 39, 54, 59, 62, 66, 73, 83, 92, 93, 99, 115, 156; рис. 54, 56 — 58, 64, 135.
- Лядинскій могильникъ — стр. 7, 74, 80; рис. 72 — 83.
- Люцинскій могильникъ — стр. 5, 12, 49 — 53; рис. 28 — 40.
- Львовскій кладъ — стр. 115; рис. 174 — 176.
- Медальоны — стр. 101, 103 — 105, 106 — 108, 110, 116, 132; рис. 139 — 145, 147, 157, 160, 161.
- Мерянскія могилы — стр. 8, 12, 85 — 91; рис. 92 — 108.
- Мироновскій кладъ — стр. 116; рис. 177 — 178.
- Монеты — рис. 2 — 10; въ курганахъ — стр. 55, 62, 64, 68, 69, 70, 82, 92, 94.
- Мошаста — стр. 58, 62, 69, 93, 98; рис. 129 — 130.
- Мономахова шапка — стр. 40 — 48; рис. 1.
- Московскіе курганы — стр. 82.
- Мошинскій городецъ — стр. 7.
- Мстиславова евангеліе — стр. 32, 46; рис. 27.
- Муромскія древности — стр. 91, рис. 109, 112 — 116.
- Налокотники — стр. 90; рис. 37.
- Наручи — стр. 53, рис. 38.
- Невельскій кладъ — стр. 6, 60.
- Низки — стр. 52; рис. 175.
- Обрааки — стр. 59, 87, 89, 104; рис. 146, 152, 155.
- Обручи золотыя — стр. 95, рис. 120.
- Одежда — стр. 11, 49, 69, 71, 87.
- Ожерелья — стр. 56, 58, 60, 111, 115, 136, 153; рис. 114, 163, 168.
- Пермскія древности — стр. 99.
- Перстни — стр. 53, 59, 66, 69, 71, 84, 112, 143; рис. 68, 123, 150, 203.
- Погремушки — стр. 50, 51, 53, 82, 90.
- Подвѣски — стр. 50, 51, 53, 56, 58, 66, 70, 72, 82, 88, 89, 91, 93, 99, 107, 148, 160; рис. 69, 103 — 105, 109, 111 — 117, 162, 171, 179, 205 — 207, 210, 213, 225.
- Подливная посуда — стр. 28 — 30, 61.
- Потиръ Кіевскаго клада — рис. 151.
- Поясъ — стр. 51, 158; рис. 35.
- Приладожья древности — стр. 55 — 56; рис. 204.
- Пряжки — стр. 51, 54, 56, 58, 69, 73, 76, 90, 91; рис. 33, 40, 46, 71, 72, 74 — 78, 89, 90.
- Пряслица — стр. 67, 69, 88, 120.
- Пуговицы — стр. 70.
- Ременные наборы — стр. 51, 56, 59, 73, 75, 80, 90, 92, 99; рис. 84, 85.
- Рогъ турій, Черниговскій — стр. 14, 19; рис. 10 — 15.
- Рукомойникъ Кіевскаго клада — стр. 31, рис. 20.
- Рязанскіе клады: 1822 г. — стр. 37 — 38, 101 — 105; рис. 139 — 150; 1856 г. — стр. 110; рис. 160 — 168; 1887 г. — стр. 122.
- Серьги — стр. 54, 56, 57, 58, 59, 64, 65, 68, 70, 71, 88, 97, 113, 118, 120, 137 — 143; рис. 45, 65 — 67, 70, 91, 107, 108, 110, 119, 124, 126, 131 — 134, 153, 154, 156, 164 — 166, 170, 171, 174, 177, 180, 182 — 188, 197 — 202.
- Сигтунскія врата — стр. 33; рис. 25.
- Сиринь — стр. 29, 116, 121, 122, 123.
- Сирийское искусство — стр. 13, 21, 27, 39.
- Сіонцы — стр. 122.
- Скандинавы и ихъ искусство — стр. 12, 17, 25, 55.
- Скань — стр. 37 — 39, 44, 102, 103, 120.
- Скобочки — стр. 113; рис. 167.
- Сковороды — стр. 56.
- Сосудъ изъ Θεодосіи — рис. 19.
- Сосудъ оловянный — стр. 82.
- Спиральныя кольца — стр. 53, 58, 67, 72, 119.

- Статуэтки — стр. 87, 88.
 Стекляные браслеты — стр. 28, 67.
 Сюльгамъ — стр. 94, 98, 99; рис. 136.
 Тамбовскій могильникъ — стр. 5, 7, 12, 73.
 Тверскія древности — стр. 93, рис. 117.
 Териховскій кладъ — стр. 115, рис. 169—173.
 Томниковскій могильникъ — стр. 7, 81; рис. 70—71, 84—89.
 Утвари царскаго вѣнчанія — стр. 40—42.
 Фибулы — стр. 12, 17, 26, 51, 53, 54, 55, 61, 62, 72, 74, 87, 145—151; рис. 31—33, 41, 47, 52, 63, 114, 204, 208, 209.
 Филигрань см. скань.
 Финифть см. эмаль.
- Фляжка арабская — стр. 14, 15.
 Формочки — стр. 32, 53, 100.
 Жерсонесь (Корсунь) — стр. 27, 31, 48.
 Цѣпи — стр. 41, 51, 54, 58, 91, 107, 110, 113, 116, 122, 134—136, 150; рис. 30, 178, 196.
 Чаша византійская — стр. 41; рис. 26.
 Чашки серебряныя — стр. 100, 115.
 Черная могила — стр. 14, 70.
 Черниговскіе клады: 1850 г. — стр. 108; 1883 г. — стр. 117, рис. 180.
 Шпилька — стр. 77, рис. 80.
 Эмаль — стр. 35—37, 53, 54, 70, 73, 84, 91, 103, 108, 109, 112, 117, 118.
 Ярославскія древности — стр. 93; рис. 118—119.

225. Подвѣска изъ Мерянскихъ могилъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

На стр. 3, строчкѣ 1 св. напечатано	— первоначальному;	слѣдуетъ — первоначальному.
» 6, » 4 св. »	— Каменецъ-Подольской;	» — Подольской.
» 11, » 12 » »	— тюрскихъ;	» — тюрскихъ.
» 69, » 3 » »	— золота и серебра;	» — золота или серебра.
» 70, » 4 св. »	— на спаяхъ;	» — на спаяхъ.
» 82, » 11 » »	— украшенную;	» — украшенная.
» 149, » 7 св. »	— плетенымъ	» — плетенымъ.

